

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PSlav
685
3(1294,9)

P Slav 685.3 (1894, no. 9)

Harvard College Library

FROM

Amey Richmond Sheldon

.....**Fund**.....

.....

т р у а б

1894.

9^д книга

ТРУДЪ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ

Томъ XXIII

ЮЛЬ — СЕНТЯБРЬ

1894

Приложеніе къ журналу
„Всемирная Иллюстрація“

1894

^A
P Slav 685.3 (1894, no. 9)

Sabo

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24-го августа 1894 г.

Типографія ЕДУАРДА ГОППЕ, Вознесенскій пр. № 53.

ОГЛАВЛЕНИЕ XXIII ТОМА

1) Беллетристика

	Стран.
Персть Вожій. Быль изъ сибирской жизни А. Я. Максимова	1
Вѣднѣй Коріоланъ. Разсказъ антрепренера. Очеркъ В. Я. Свѣтлова	241
Везъ руда. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. О. Н. Чюминой.	481
Горькая доля. Разсказъ В. А. Рышкова.	90
Вѣрное сердце. Изъ жизни странствующихъ артистовъ. Повѣсть. А. Е. Зарина	600
Елеопатра. Историческій романъ Георга Эберса, гл. XIV—XX. Переводъ А. Н. Линдегрена	151, 396, 655
Портретъ. Разсказъ Андре Терье	375
Ребенокъ. Разсказъ Поля Маргерита	616
Вѣгство Маріетты. Разсказъ Дж. Вѣрваро. Съ итальянскаго И. А. Гриневская	66
Сельскіе разсказы. I. Рыжій негодяй. II. Иели пастухъ. Дж. Верга. Съ итальянскаго М. М. Ворецкій.	285
Утопія. Разсказъ Ж.-К. Жирома. Съ англійскаго Н. В. Максимовъ.	137
Почтмейстерша. Разсказъ Фр. Вретъ-Гарта. Переводъ М. В. Ватсонъ	326
Трое. Разсказъ Е. Альгрена. Со шведскаго бар. В. Ф.—съ	586

2) Стихотворенія

Пѣсни пробужденія. Изъ посмертныхъ стихотвореній Д. Н. Садовникова	47
Ностигно, А. Н. Вудицева	65
Ермакъ, Н. А. Вроцкаго (А. А. Навроцкаго).	269
Фарисеямъ, К. М. Фофанова	284
Всѣ, что въ мирѣ отстрадали, его же	571
Недоволенъ былъ я дружескимъ участіемъ, А. В. Круглова.	111
Гдѣ-бъ ни былъ я всегда тоска со мною, его же	585
Мерцаетъ ночь невѣрнымъ свѣтомъ, Е. П. Медвѣдскаго.	325
I. Цвѣтущая весна. II. Я знаю, намъ всеѣмъ суждено умереть. III. На блѣдномъ волотѣ заката. Изъ посмертныхъ стихотвореній Е. А. Везетовой.	87
Кругомъ — будя восторгъ ливующихъ гостей, В. П. Лебедева	136
Черный всадникъ, М. А. Лохвицкой	395
Гдѣ ты забвенъ? М. А. Лохвицкой.	599

Sheldon 19

Дѣти. Д. С. Мережковскаго	654
Черновниженіеъ. А. А. Коринфскаго.	348
Изъ „Монологовъ жизни“. I. Друзья-актеры. II. Голосъ сердца. III. Неуловимое, его же	613

3) Науки, искусства, критика, библиографія

Самозащита организмовъ. Физиологическій очеркъ по Ш. Рише. Статья М. А. Орлова	49
Психическое состояніе выродившихся. Очеркъ по Маньяну. М. А. Орлова	572
Землетрасенія. Популярная лекція Станислава Менъе. Переводъ М. А. Орлова.	272
Кеипегусы. Очерки до-историческихъ временъ. Ж. Рони. Переводъ В. П. Горленко	112
Церемональныя похороны въ Россіи въ XVIII вѣ- къ. Очеркъ М. И. Пыляева.	351
Крестыанинъ во французской литературѣ. I. Баль- закъ. Очеркъ Д. С. Мережковскаго.	185
Поэтъ одиночества. (Стихотворенія гр. А. А. Голени- цева-Кутузова). Критическій очеркъ П. Н. Крас- нова	440
Идейный писатель. Очеркъ П. Н. Краснова	688
Искусство въ провинціи. Замѣтки Н. А. Александрова. За границей. Новости науки, искусства, литературы и общественной жизни. Обзорѣнія М. А. Орлова.	203 215, 457, 696
Новыя книги: Механическое самолеченіе насморка, В. Э. Шне. Рец. д-ра В. С. В-на (236). — Русскій альманахъ по отечественнымъ водамъ, морскимъ ку- паньямъ и проч. Подъ ред. Н. П. Иванова. Рец. М. А. О-ва (237). — Силуэты, Р. М. Хинъ. Рец. (237). — А. П. Субботинъ. Волга и волгари. ПUTE- вые очерки. Т. I. Рец. М. А. О-ва (238). — Пѣлеб- ныя свойства органовъ животныхъ, д-ра М. Д. Успенскаго. Рец. д-ра В. С. В-на (239). Церков- ныя братства. А. А. Палкова. Рец. П. Н. Е-ва (479). Ап. Коринфскаго. Пѣсни сердца. Рец. Н. З-во (717). Привидѣнія, драма Генриха Ибсена, переводъ К. Бальмонта. Рец. П. Е-ва (720).	
Научныя новости: Сѣрный дождь.— Желѣзное дерево.— Сѣрнистый водородъ, какъ удобреніе.— Медь ди- кихъ пчелъ.— О происхожденіи земледѣльской куль- туры.— Сонная болѣзань (№ 7). — Чеснокъ во время холеры.— Змѣи orhiorphagus въ Лондонѣ.— Листо- видныя насѣкомыя.— Быстрѣйшее въ мірѣ судно.— Солнечный свѣтъ и бактерии.— Грибокъ, вырабаты- вающий лимонную кислоту (№ 8).— Чахотка у львиць. — Заразительность рака.— Объ искусственномъ пониженіи температуры броженія.— Камни въ же- лудкѣ у птицъ.— Ядовитость мухи це-це.— Магнит- ный полюсъ земли (№ 9).	

БЕЗЪ РУЛЯ

Драматическія сцены, въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ, въ стихахъ

О. Н. ЧЮМИНОЙ

Дѣйствующія лица:

Инна Павловна Ратморцева, богатая и элегантная свѣтская женщина, 27-ми лѣтъ. Тонкая, нервная организація.

Юрій Львовичъ Астальцевъ, 34-хъ лѣтъ.

Валеріанъ Сергѣевичъ Запольевъ-Бѣлорѣцкій, 40 лѣтъ, занимаетъ видный постъ.

Николай Алексѣевичъ Костроминъ, лѣтъ 37-ми, докторъ.

Сусанна Глѣбовна Нивлянская, молодая вдова.

Княгиня Анна Даниловна Бѣльская, пожилая женщина, сохранившая слѣды замѣчательной красоты, симпатична, съ мягкимъ обращеніемъ, безукоризненно хорошаго тона.

Княжна Елена Андреевна (Нелли), дочь ея, 19-ти лѣтъ.

Баронесса фонъ-Горстъ, вульгарная особа, помѣшана на красотѣ и талантахъ дочери.

М-ше Лили, дочь ея. Кокетка дурного тона, считаетъ себя неотразимой.

М-р Жоржъ }
М-р Сержъ } журфиксные молодые люди.

Недовѣсковъ, молодой человѣкъ съ состояніемъ, безъ опредѣленныхъ занятій.

Няня, старушка лѣтъ 50-ти, служить у Ратморцевой.

Трудъ. 1894. XXIII. 9.

Таня, горничная Ратморцевой.

Лакей Астальцева.

Лакей
Горничная } въ гостинницѣ.

1-е и 2-е дѣйствіе происходятъ въ Петербургѣ. 1-е на музыкальномъ вечерѣ у Ратморцевыхъ. 1-я картина 2-го дѣйствія — въ кабинетѣ Астальцева. 2-я картина — въ будуарѣ Ивны Павловны. 3-е и 4-е дѣйствія — въ Крыму въ одной изъ гостинницъ. (3-е дѣйствіе въ саду гостинницы, 4-е — въ номерѣ, занимаемомъ Инной Павловной). Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями проходитъ около трехъ недѣль, между 2-мъ и 3-мъ — шесть лѣтъ, между 3-мъ и 4-мъ — нѣсколько часовъ.

ДѢЙСТВІЕ I-е.

(Богато и изяшно меблированная гостиная въ домѣ Ратморцевыхъ. Въ глубинѣ сцены дверь или арка съ драпировкой, ведущая въ залу. Направо — входная дверь, налѣво дверь, идущая во внутренніе покои. Вечеръ. Комнаты ярко освѣщены.)

ЯВЛЕНІЕ I.

(*При поднятіи занавѣса изъ залы доносятся звуки скрипки и рояля.*)

Докторъ, потомъ Запольевъ.

Докторъ (*поспѣшно выходитъ изъ залы, отирая лобъ платкомъ*).

Фу, хоть сюда отъ музыки сбѣжать!
Передохнуть съ минуту, да опять
Идти туда... Хотѣлъ бы знать я,
Кто первый тѣмъ злодѣемъ былъ,
Что музыку въ салонахъ насадилъ?..
Будь проклятъ онъ! Ему проклятье
И имени его — изъ рода въ родъ...

(увидѣвъ входящаго Запольева). А что? Насталъ и вашъ
 чередъ?

И вы отъ музыки пришли искать спасенья?

Запольевъ.

Отчасти — да.

Докторъ.

Я понимаю васъ.

Запольевъ.

Вы не любитель?

Докторъ.

Нѣтъ, въ подобномъ извращеньѣ

Я не повиненъ... Хорошо и пѣнье,

Но скрипка хуже во сто разъ.

И вдругъ на ней пиликать цѣлый часъ!

А тутъ еще въ блаженную улыбку

Всѣ лица расплылись... Что это — глухота?

Собака — и у той есть нервы, вѣдь и та

Не вытерпитъ: завоетъ, слыша скрипку...

Запольевъ.

Вы правы.

(*Мнѣняя тонъ*). Кстати, гдѣ хозяинъ? Вѣрно онъ

Быль также музыкою въ бѣгство обращенъ?

Докторъ (*сухо*).

Да, отъ игры скрипичной

Вернулся онъ къ другой, давно ему привычной:

Уѣхалъ въ клубъ...

Запольевъ.

Опять?..

Докторъ.

Но прежде у жены

Взялъ подкрѣпленье. Вы изумлены,

Что знаю я? Но онъ вѣдь безъ стѣсненій...

Запольевъ (*сквозь зубы*).

Ничтожный человекъ!

Докторъ (*насмѣшливо*).

Въ извѣстномъ родѣ — геній.

И это — соль земли, отечества сыны,
Что привести его на правый путь должны...

Запольевъ (*сдержанно*).

На этотъ счетъ вѣдь мы — различныхъ убѣжденій.
По счастью, онъ — одно изъ исключеній,
И всѣ отвѣтственности несть
Не могутъ за него, другіе люди есть...
И я одно скажу...

Докторъ.

Въ семьѣ не безъ уroda?
Увы, съ уродствами такого рода
Легко миримся мы.

Запольевъ (*съ живостью*).

Не для него, о нѣтъ!

Докторъ.

А для нея?

Запольевъ.

Я съ появленья въ свѣтъ
Зналъ Инну Павловну, и при ея дебютахъ
Присутствовалъ, я зналъ о горькихъ тѣхъ минутахъ,
Что ей переживать въ замужествѣ пришлось.
И не прошу себѣ... (*останавливается*).

Докторъ.

Что вамъ не привелось
Спасти ее посредствомъ брака съ вами?

Запольевъ (*сухо*).

Вы проницательны.

Докторъ.

Иными же словами:
Мѣшаюсь я, куда не слѣдъ мѣшаться мнѣ?

Запольевъ.

Все это прошлое осталось мечтами,
А съ нею мы — лишь старыми друзьями,
Но какъ же я могу держаться въ сторонѣ
Теперь...

Докторъ.

Когда она любить готова
Иль даже любить ужъ другого?

Запольевъ (*съ прорывающею горечью*).

Да, я боюсь... Онъ для меня вдвойнѣ
Антипатиченъ — этотъ эксь-ораторъ,
Эксь-путешественникъ, и нынѣ — литераторъ,
Искатель новыхъ истинъ, новыхъ дѣлъ,
И новой же для нихъ арены.

Докторъ.

Онъ въ форму навсегда отлиться не успѣлъ,
Его стремленія, и жажда переменъ —
Скорѣй достоинство.

Запольевъ.

Нигдѣ не мѣсто имъ —
Ни въ дѣлѣ, ни въ любви... И было-бъ роковымъ
Такое чувство...

Докторъ.

Да, пожалуй, вы и правы,
Она не изъ такихъ, что любить для забавы,
Но ужъ не поздно ли?

Запольевъ.

Вы думаете?

Докторъ.

Да.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Инна (*выходитъ изъ залы*).

Инна.

Вотъ гдѣ вы скрылись, господа,
А я искала васъ.

Докторъ (*подходитъ и цѣлуетъ ей руку*).

Простите. Не хватило
Мнѣ мужества, и бодрость измѣнила
Гражданская... Я вашъ покорный рабъ,

Но вмѣстѣ съ тѣмъ я — человекъ и слабъ...
Концертъ въ пяти частяхъ... Поймите положенье
Мое...

И н н а (*съ улыбкой*).

А все понять, вѣдь значить — все простить.

Докторъ.

Такъ я прощень? Какъ васъ благодарить?
Бѣгу свое загладить преступленье. (*Уходитъ въ залу*).

И н н а.

Онъ симпатичень.

Запольевъ (*съ отпѣнкомъ пренебреженія*).

Да, насколько можетъ быть
Ихъ круга человекъ. Людей профессиональныхъ
Я, вообще, не жалую, они,
Къ несчастью, пробрались повсюду въ наши дни.

И н н а (*съ легкой улыбкой*).

Возврѣнья ваши — не изъ либеральныхъ.

Запольевъ.

Надѣюсь; я совѣмъ не либераль,
И быть имъ, признаюсь, нисколько не желалъ.

И н н а.

За что-жь немилость къ нимъ такая?

Запольевъ.

Быть можетъ, это все — моя струна больная,
Но я не выносилъ шумихи звонкихъ фразъ,
Которой оглушить она пыталась насъ.
Всѣ эти доктора, писатели, актеры —

По моему, не больше, какъ фразеры.

И н н а (*съ ироніей*).

А люди свѣтскіе тѣ — искренность сама?

Въ нихъ — глубина и чувства и ума,
Не такъ ли?

Запольевъ.

Нѣтъ, они безвреднѣй. Ихъ приемы
Для женщины давно знакомы:

Теперь опаснѣе — новѣйшій Донъ-Жуанъ,
Что можетъ пережить и написать романъ...

Инна (*вспыхнувъ*).

Вы, Валеріанъ Сергѣичъ, позабыли,
Что есть намеки и слова,
Которыхъ дружбы старыя права
Не могутъ извинить...

Запольевъ.

Я не хотѣлъ...

Инна.

Вы были

Мнѣ другомъ, но всему границы есть... (*отходитъ въ сторону*).

Запольевъ.

Я рѣчь

Къ тому лишь вель, чтобъ васъ предостеречь.
Простите, я забылся передъ вами,
Но я клянусь, что этими словами
Васъ не хотѣлъ задѣть я глубоко!

Инна (*съ горечью*).

Меня предостеречь?.. Конечно, такъ легко
И счастливо жилось мнѣ въ эти годы,
Что вы, какъ вѣрный другъ, хотѣли-бъ и свободы
Лишить меня — видаться съ кѣмъ хочу?
(*съ нервнымъ смѣхомъ*). Бойтесь вы, что заплачу
Я увлеченіемъ за счастья потерю?..

Запольевъ.

Что съ вами?

Инна.

Нѣтъ, вы искренни, я вѣрю,
Желая мнѣ добра. Чего же можетъ мнѣ
Недоставать? Я счастлива вполне.
Картежникъ мужъ, прельстившійся приданымъ —
Въ игрѣ онъ кажется остался постояннымъ —
За картами сидящій до утра.
Открытый домъ и вечера,
Поклонники, отъ Ворта туалеты...
Еще забыла я: друзья и ихъ совѣты...

Запольевъ.
Вы злы.

Инна.

О, нѣтъ. Согласна съ вами я.
Подобнымъ счастьемъ какъ возможно
За мигъ любви рискнуть неосторожно?

Запольевъ (*быстро*).

За мигъ любви?

Инна (*спохватясь, что проговорила*).

Теорія моя

Пугаетъ васъ?

Запольевъ.

Боюсь я примѣненья
Ея на практикѣ... Простите, вновь терпѣнье
Испытываю ваше я...
Но вѣрьте, что во мнѣ лишь говорить участие.
Вы всѣ права имѣете на счастье.
И я отъ всей души его желаю вамъ.
Но одного боюсь, что счастья тамъ
Вы не найдете, гдѣ его искали...

Инна.

Послушайте...

Запольевъ.

Въ Астальцевѣ едва ли
Я ошибусь. Онъ ищетъ новизны,
Въ немъ нѣтъ спокойствія и чувства глубины.
Что если вашу жизнь — она была безцвѣтной,
Согласенъ я — любви отдавшись беззавѣтно —
Вы смѣните на жизнь, исполненную мукъ?

Инна.

А если бы и такъ?.. И еслибъ круто, вдругъ
Я измѣнила жизнь — не лучше ли страданье,
Отчаяніе, смерть, чѣмъ это прозябанье
Съ его ужасной пустотой?
(*Со страстнымъ увлеченьемъ*). Пожить всей жизни пол-
нотой,
Не чувствовать, не думать по заказу,

А если и сгорѣтъ — то навсегда и сразу...
 Любить и знать: хоть день, хоть часъ,
 Хоть мигъ — да мой?..

Запольевъ.

Какъ я жалѣю Васъ
 (*движеніе Инны*). Не буду болѣе. Такимъ недугамъ
 Лекарства нѣтъ. Прошу я объ одномъ:
 Позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ,
 Чтобъ ни случилось...

Инна (*молча протягиваетъ ему руку*).

Запольевъ (*цѣлуетъ ей руку*).

Спасибо и на томъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. Астальцевъ (*изъ входной двери*).

Инна (*здороваясь*).

А, Юрій Львовичъ! Почему такъ поздно?

Астальцевъ.

Простите, ранѣе не могъ.
 Пришлось заняться мнѣ серьезно,
 Доканчивалъ статью... какъ разъ сегодня срокъ...

Инна.

Потомъ бы кончили...

Астальцевъ.

Нельзя, тамъ ждалъ разсылный
 Изъ типографіи. Протесты всѣ безсильны
 Въ подобномъ случаѣ.

Запольевъ (*съ которымъ онъ обмѣнялся при входѣ су-
 химъ рукопожатіемъ*).

И для статьи весь свѣтъ
 Забыли вы?

Астальцевъ.

Во мнѣ, къ несчастью, нѣтъ
 Такого рвенія, какое вы любезно

Мнѣ приписать готовы, но полезно
Себя къ труду принудить иногда.

И н н а.

А развѣ вы бѣжите отъ труда?

А стальцевъ.

Устойчивости нѣтъ во мнѣ... Свободы
Я можетъ быть ужъ жаждалъ черезчуръ,
Иль просто не былъ изъ числа натуръ
Уравновѣшенныхъ, — но въ молодые годы
Мечталъ, какъ многіе, перевернуть весь свѣтъ, —
А нынче, въ тридцать слишкомъ лѣтъ,
Я вижу, подведя минувшему итоги,
Что у меня громаднѣй недочетъ.
Я это сознаю, и вотъ —
Стараюсь наверстать...

Запольевъ (*съ ироніей*).

Вы слишкомъ строги
Къ себѣ. Я знаю, вашъ романъ
Привлекъ не мало къ вамъ симпатій,
Весьма горячихъ — и въ печати
(*подчеркивая*) И въ обществѣ...

А стальцевъ.

О, да, я на обѣды званъ
Въ дома, гдѣ, вообще, бывать я избѣгаю,
И вижу съ гдѣ съ людьми, къ которымъ не питаю
Симпатіи, какъ и они питаютъ
Ее ко мнѣ не могутъ...

Запольевъ (*дѣлаетъ видъ, что прислушивается къ музыкѣ, которая снова началась въ залѣ*).

Тамъ опять

Я слышу музыку... Финаль дуэта
Я захвачу. Сюита эта
Мнѣ очень нравится (*уходитъ въ залу*).

И н н а (*слѣдитъ глазами за Запольевымъ и когда онъ скрылся, быстро подходитъ къ Астальцеву*).

Ушелъ... Какъ рада я,
Что ты со мной! Мое желанье
Исполнилъ ты, благодарю тебя!

Я такъ боялась. Въ себя
Весь вечеръ я была отъ ожиданья.

А стальцевъ (*цѣлуетъ ей руки*).

Желала ты — и я пришелъ.
Но я сознаюсь, Инна, мнѣ тяжело
Подобный шагъ. Пожать съ улыбкой руку,
Выдерживать спокойно взоръ
Того, въ чей домъ являюсь я, какъ воръ —
Такую нравственную муку
Что можетъ превзойти?

Инна.

Послушай, Юрій, онъ...

А стальцевъ.

Я знаю, онъ — игрокъ, онъ — человекъ безчестный...
Сомнѣнія мои быть можетъ неумѣстны,
И съ шепетильностью моею я смѣшонъ, —
Но что мнѣ дѣлать?

Инна.

Понимаю

Я это все, и уважаю
Тебя сильнѣй за прямоту твою.
Повѣрь, какъ ты, я сознаю,
Какъ ты, я ненавижу страстно,
Всю эту ложь, которой ежечасно,
Ежeminутно мы окружены,
Какъ сътью, и порвать съ которой не вольны.
Прости, тебя просила я напрасно
Здѣсь быть, я это вижу ясно,
Я эгоистка, да, но я люблю тебя,
И такъ естественно, любя
Намъ сознавать, что не довольно часто
Мы видимся...

А стальцевъ.

Мнѣ кажется, отвыкъ
Я отъ гостиныхъ, ихъ языкъ
Не симпатиченъ мнѣ, не симпатична каста,
Застывшихъ въ собственномъ величїи, жрецовъ.
Съ предубѣжденїемъ предвзятымъ

Они меня чуть-чуть не ренегатомъ
 Считаютъ здѣсь, за то, что гнетъ оковъ,
 Меня соединявшій съ ними,
 Что по рожденью были мнѣ своими —
 Я разорвалъ... (*указывая на дверь, въ которую ушелъ
 Запольевъ*).

И вотъ одинъ изъ образцовъ
 Типичнѣйшихъ, взрощенныхъ этимъ кругомъ.
 А кстати, съ нимъ сейчасъ
 О чемъ бесѣда шла горячая у васъ?

И нна (*съ едва замѣтнымъ колебаніемъ*).
 Онъ, онъ просилъ, что-бъ я считала другомъ
 Его своимъ
 (*какъ бы извиняясь*). Я не могла къ нему
 Сурово отнестись.

А стальцевъ (*насмѣшливо*).
 Конечно. И къ чему?

И нна (*горячо*).
 Онъ положенью моему
 Одинъ сочувствовалъ, и я нашла опору
 Лишь въ немъ въ ту тягостную пору
 Замужства моего...

А стальцевъ.
 Прости мнѣ мой порывъ,
 Прости мнѣ, Инна, я ревнивъ
 И недоувѣрчивъ по натурѣ.
 И въ дни спокойствія возможность близкой бури
 Меня страшить, и въ другѣ я врага
 Боюсь увидѣть... Ты мнѣ слишкомъ дорога,
 Ты слишкомъ жизнь мою наполнила собою,
 И я боюсь, что можетъ быть судьбою
 Мнѣ и тебя утратить суждено.

И нна.
 Не вѣрь предчувствію. Оно
 Бываетъ ложно... Вѣрь, ничто съ тобою
 Насъ разлучить не можетъ, не должно...
 Я одного прошу: довѣрья;
 Довѣрья полнаго во всемъ.

Пусть не останется въ умѣ твоёмъ
И въ сердцѣ — тѣни недовѣрья.
Какое оскорбленье въ немъ
Я вижу, какъ оно меня терзаетъ больно —
Не знаешь ты...

А стальцевъ.

Оно непроизвольно.

И, кажется, моимъ проклятиемъ на вѣкъ
Останется... Вѣдь я — безумный человѣкъ.
Сомнѣнїе въ себѣ, въ другихъ сомнѣнїя,
И въ дѣлѣ томъ, которому служилъ —
Все отравляло мнѣ: и увлеченье,
И юную энергію и пылъ.
За каждое живое дѣло
Брался я горячо и смѣло,
Но вскорѣ же къ нему охладѣвалъ
И новыхъ дѣлъ я для себя искалъ.
Свои сомнѣнїя проклиная,
Съ тоскою въ край изъ края
Я странствовалъ, какъ новый Агасферъ
И этотъ свѣтскій филистеръ,
Меня въ душѣ своей спокойно презирая,
Быть можетъ правъ....

И н н а

Твои сомнѣнїя и борьба —
Для избранныхъ доступны, для немногихъ.
Другіе же себѣ запросовъ строгихъ
Не дѣлаютъ. Съ покорностью раба
Они довольны всѣмъ. Покорность эту
Тебѣ ли раздѣлить? Твои порывы къ свѣту...

А стальцевъ.

Чѣмъ кончились они? Все — призракъ и обманъ.
Я странствовалъ, ища забвенья,
Какъ говорить, и тутъ изъ дальнихъ странъ
Прислалъ написанный урывками романъ,
Который произвелъ, я слышу, впечатлѣнье...
Въ гостиныхъ...
(увидѣвъ движеніе Инны, съ легкой улыбкой).
Впрочемъ, я къ нему

Несправедливъ, благодаря ему,
Я познакомился съ тобой...

И н н а.

И до начала

Знакомства нашего тебя я въ немъ узнала —
И полюбила... Въ книгѣ этой, въ ней,
Я отраженіе узнала тѣхъ идей,
Вопросовъ тѣхъ, которые глубоко
Запали въ душу мнѣ... Какъ ты, я одинокой
Была всю жизнь. Ты внесъ въ нее и свѣтъ,
И счастье... Безъ тебя, мнѣ кажется, что нѣтъ
И жизни...

А стальцевъ (*привлекаетъ ее къ себѣ*).

Еслибъ могъ я вѣрить!..

И н н а (*вздвигнувъ и отступая*).

Какъ? Сомнѣнья?...

Опять, въ подобный мигъ?....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же. Нивлянская, потомъ докторъ.

Нивлянская (*съ развязностью, прикрывающей раздра-
женіе*).

Какое увлеченье!

Должно быть о вопросахъ дня

Вы спорили?

А стальцевъ (*насмѣшливо*).

Вы правы,

Какъ, впрочемъ, и всегда....

Нивлянская (*погрозивъ ему*).

Вашъ тонъ лукавый

Совсѣмъ не новость для меня
(*къ Иннѣ*). Не помѣшала я?

И н н а (*сухо*).

Нисколько.

А стальцевъ.

Но когда же
Помѣхой были вы?

Нивлянская.

Я даже
Не вѣрю собственнымъ ушамъ...
Какъ вы любезны!

А стальцевъ.

Я всегда старался вамъ
Пріятнымъ быть и не своей виною
Считаю, если все жъ вы недовольны мною.

Нивлянская.

Какъ вѣрить вамъ? Не даромъ вы — поэтъ.

А стальцевъ.

И значить — лгу?

Докторъ (*весело входитъ*).

Ему не стоять, нѣтъ,
А вѣрьте мнѣ. Во мнѣ достоинствъ — масса...
Вотъ только въ музыкѣ отъ контрабаса
Не отличу виолончель...
Но тутъ нужна иная гениальность,
А въ музыкѣ любви я всякую тональность
Способенъ различить...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Бронесса, М-лле Лили, Запольевъ, М-г
Жоржъ.

Лили (*громко и авторитетно*).

Убийственная трель!
Мнѣ скрипка, вообще, совсѣмъ несимпатична.

Докторъ.

Мнѣ тоже....

Лили.

Нынче вѣдь обычно

Забрасывать цвѣтами скрипачей
И дѣлать имъ оваціи..

Докторъ.

У ней

Понятія довольно здравы.

(подходитъ къ Лили, которая помѣстилась нальво, съ баронесою и т-г Жоржемъ. Запольевъ стѣлъ одинъ въ той же сторонѣ. Направо — Инна, Нивлянская и Астальцевъ составляютъ другую группу. Два лакея разносятъ мороженое и фрукты).

Лили *(продолжая разговоръ)*.

Я — противъ этого.

Докторъ.

Вы совершенно правы.

Такіе взгляды дѣлаютъ вамъ честь.

Вы мнѣ позволите присѣсть?

Лили.

Пожалуйста.

Баронесса *(любезно)*.

Мы будемъ очень рады.

(Въ сторону). Какіе онъ, однако, взгляды
Бросаетъ на Лили... Имѣть его въ виду

Не лишнее, съ другими на ряду...

Лили.

Нѣтъ восхищенье скрипкою — ошибка.

Я спрашиваю васъ: ну что такое скрипка?

Лишь въ подражаніи простомъ

Людскому голосу — все дѣло, а къ тому же

И въ подражаніи плохомъ.

Астальцевъ *(вполголоса)*.

Ну, а по мнѣ, все дѣло въ томъ:

Которое изъ двухъ бываетъ хуже?

Нивлянская.

Я нынче васъ не узнаю совсѣмъ.

Вы такъ оживлены....

А стальцевъ (*бросивъ блылый взглядъ на Инну*).

А между тѣмъ

Вѣдь это просто и понятно...

Нивлянская (*съ досадою*).

Для дѣйствующихъ лицъ. Но несовсѣмъ пріятно
Для публики угадывать секретъ.

Баронесса (*Запольеву*).

Вы, Валерьянъ Сергѣичъ, тріо
Не слышали?

Запольевъ.

Къ несчастью, нѣтъ.

Нивлянская (*Астальцеву*).

Я думала, онъ даль молчанія обѣтъ?

Баронесса.

Ахъ, очень жаль! Лили съ громаднымъ бріо
Исполнила всю партію свою.

Запольевъ.

Я тріо не люблю.

Нивлянская (*Астальцеву*).

Я также не стою

За тріо...

Баронесса (*съ ужасомъ*).

На мотивъ извѣстной серенады
Брага?.. Возможно ли?

(*въ сторону*). Онъ это отъ досады:

Ревнуеть къ доктору, въ немъ видя жениха,
А все же на него надежда намъ плоха...

(*поворачивается къ доктору, который говоритъ съ Лили*).

Ахъ, докторъ, вѣрите-ль, порою

Я восхищаясь такъ игрою

И пѣніемъ Лили, жалѣю, что она,

Которая артисткой рождена —

Не можетъ быть артисткою на дѣлѣ...

(*поправляется*) Да, то есть, посвятить искусству всю себя.

Докторъ.

Но почему же нѣтъ?

Баронесса (*съ чувством*).

Ахъ, докторъ, люблю,
Она откажется и отъ высокой цѣли...

Ее я знаю...

(*нѣжно смотритъ на него*).

Докторъ (*обезпокоенный*).

Неужели?

Баронесса (*еще нѣжнѣе*).

Кому-жъ, какъ матери, не знать
Родную дочь?.. Вѣдь я не даромъ мать.

Докторъ.

Конечно...

Баронесса.

Для нея не можетъ быть вопросомъ
Тотъ выборъ между счастьемъ любви

И славою...

(*тихо дочери, которая смѣется въ отвѣтъ на слова т-г
Жоржа, стоящаго за ея стуломъ и что то ей нашепты-
вающаго*).

Оставь же глупости свои...

Что за воня съ молокососомъ!

Докторъ.

Да, счастливъ тотъ, кто созданъ для семьи!

Я, напимѣрь, я вовсе не способенъ

Быть мужемъ.

Баронесса.

Какъ?..

Докторъ.

Да, слишкомъ неудобенъ

Характеръ мой, я самъ тому виной,

Что черезъ восемь дней оставленъ былъ женой.

Лили.

Какъ?.. вы женаты?..

(*отвѣчивается*).

Докторъ.

Да.

Баронесса.

Но развѣ о разводѣ
Нельзя похлопотать? Я знаю, въ этомъ родѣ
Бываютъ случаи...

Докторъ.

Я получилъ разводъ...

(Лили быстро оборачивается къ нему).

Баронесса и Лили *(вмѣстѣ)*.

И что жъ?

Докторъ.

Опять женился въ тотъ же годъ.

(Лили снова отворачивается).

М-г Жоржъ.

И снова разошлись?

Докторъ.

Да, нынче это въ модѣ.

Инна *(вставая и подходя къ доктору)*.

А до сихъ поръ скрывали вы
Свое прошедшее.

Докторъ,

Что дѣлать? Таковы
Всѣ, Инна Павловна. Кому пріятно
Въ своемъ грѣхѣ сознание?

Инна.

Безвозвратно

Вы гибнете во мнѣньи дамъ...

Докторъ.

Увы!

Но не всегда изъ за измѣны
Мы гибнемъ собственной, а частью — безъ вины
Малѣйшей съ нашей стороны...

Нивлянская *(Астальцеву, окинувъ Запольева насмѣш-
ливымъ взглядомъ)*.

О, да, благодаря желавью перемѣны
И интересу новизны.

Весьма естественно... Всегда принесены,
 Хоть временно, права любви старинной
 Имъ будутъ въ жертву.. И невинный
 Способенъ пострадать...

А стальцевъ (уколотый).

Конечно по себѣ

Вы судите?

Нивлянская (*вспыхнувъ, но сдержанно*).

И по другимъ отчасти...

Не отдаваясь новой страсти,
 Порою женщины снисходить и къ мольбѣ
 Опальнаго... Вѣдь чувство состраданья
 Такъ сильно въ насъ.

(*А стальцевъ встаетъ съ рѣзкимъ движеніемъ. Она также*).

Ахъ, да... Вниманья

Не обратили вы, какой сегодня видъ

У Валерьянъ Сергѣича? Молчить...

Сѣлъ въ сторонѣ...

(*видя, что Инна подошла къ Запольеву*). О, вотъ прекрасно.

Что Инна подошла, она развеселитъ

Его сейчасъ, а то онъ мраченъ былъ ужасно...

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же. М-г Сержъ.

М-г Сержъ (*входитъ суетливо*).

Тамъ, Инна Павловна, сейчасъ

Начнутъ второе отдѣленье.

(*къ Лили*). Людмила Юрьевна, сейчасъ вашъ номеръ пѣнья.

Mesdames, просить позвольте васъ...

(*подаетъ руку Лили, которая уходитъ съ нимъ и съ Жоржемъ. Баронесса за ними*).

Инна (*Запольеву*).

Вы съ нами?

Запольевъ.

Если вы позволите—конечно.

Инна.

И Юрій Львовичъ?..

Астральцевъ (*холодно*).Я просилъ бы васъ меня
На время извинить.

Докторъ.

И я чистосердечно
Сознаюсь вамъ, что въ продолженіи дня
Различной музыки наслушался я вволю.
(*Инна и Запольевъ уходятъ*).
(из *Нивлянской*). Но если-бъ раздѣлили долю
И вы мою?.. Позвольте васъ увлечь...

Нивлянская.

Нѣтъ, увлеченье всякое опасно.

Докторъ.

Сусанна Глѣбовна, ужь это вы напрасно...
Со мною то?..

Нивлянская.

Какъ знать?

Докторъ (*съ комическимъ отчаяніемъ*).Увы, ни взоръ, ни рѣчь,
Какъ видно къ цѣли не ведутъ желанной?..
Стою предъ новою Сусанной
Съ такими-жъ чувствами я самъ,
Какъ предъ Сусанною библейской
Три старца-нѣкогда...Нивлянская (*бьетъ его въеромъ по рукамъ*).

Я не Сусанна вамъ!

Докторъ.

И я, увы, не старецъ іудейскій!
(*предлагаетъ ей руку. Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Астальцевъ (*одинъ*).(*ходитъ въ волненіи по комнатѣ*). Ужель не ложь, не клевета---
Все, что сейчасъ фальшивыя уста

Шепнули мнѣ о ней съ насмѣшкой ядовитой!
 Ужели счастье разбито
 Однимъ намекомъ этимъ вновь?
 Здѣсь мигъ назадь въ ея любовь
 Готовъ я былъ повѣрить безусловно.
 О, нѣтъ, она не можетъ быть виновной
 Въ обманѣ... Нѣтъ, ея уста и взоръ
 И полный нѣжности укоръ,
 Съ какимъ она молила о довѣрьи —
 Не могутъ лгать, личиной лицемѣрья
 Не могутъ быть... А между тѣмъ
 Въ словахъ той женщины увѣренность сквозила,
 Она лгала быть можетъ не совсѣмъ?
 Да, Инна мнѣ теперь не измѣнила,
 Но прежде можетъ быть она его любила,
 Онъ на нее имѣлъ права?
 Его поступки и слова —
 Мнѣ подозрительны... А въ ней проснулась жалость...
 Но жалость ли одна?.. Кружится голова
 Отъ этихъ думъ! Пустякъ, такая малость —
 И отъ него вся кровь застыла у меня.
 Но говорятъ: нѣтъ дыма безъ огня...
 Что дѣлать мнѣ? Бесильна воля
 Предъ подозрѣніемъ... Пойду,
 Узнаю все... И если есть хоть доля,
 Хоть доля истины — о, я съума сойду!
 (*идетъ къ двери залы и встрѣчается съ Инной, выходящей
 оттуда*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

А стальцевъ, Инна.

Инна (*подходитъ къ нему*).

Ты здѣсь? Но, милый, ты разстроены?
 Я уходя замѣтила... Съ тобой
 Случилось что нибудь?

А стальцевъ (*холодно*).

Что здѣсь со мной
 Могло случиться? Я, какъ видите, спокоенъ.

И н н а.

Вы?.. Боже мой, ты говоришь мнѣ: вы?
 Но, Юрій, ради Бога...
 Твои слова...

А стальцевъ.

О, что въ нихъ? каковы
 Бы ни были слова! Довѣрія немного
 Во мнѣ къ словамъ! Я васъ просить хотѣлъ
 Мнѣ доказать свою любовь на дѣлѣ.

И н н а.

Опять?.. О, неужели
 Опять сомнѣнія?

А стальцевъ.

Имъ положить предѣлъ
 Зависить отъ тебя. Одно мое желанье
 Исполни...

И н н а.

Что же? что?

А стальцевъ.

Отдай лишь приказанье
 Не принимать Запольева.
(приспально смотритъ на нее).

И н н а *(посль паузы, измѣнившимся голосомъ).*

Ты ждешь,
 Ты хочешь этого?

А стальцевъ.

Ужели такъ громадна
 Такая жертва? Ею ты наглядно
 Докажешь мнѣ, что не обманъ, не ложь
 Твоя любовь.

И н н а *(рѣшительно).*

Какъ? Безпощадно
 Обидѣть, оскорбить того, кто былъ всегда
 Мнѣ другомъ! Нѣтъ и никогда!

А стальцевъ.

Отказываешь ты?

И н н а.

Отказываю, да.

Я всёми тебѣ пожертвовать готова...

А стальцевъ (сз ироніей).

Но лишь не имъ?

И н н а

Къ чему? Вѣдь завтра снова

Ты станешь требовать чего нибудь другого?

И это—безъ конца... Уступчивость моя—

Тебя не убѣдитъ.

А стальцевъ.

Не буду больше.

Наставать. Онъ или я—

Ты можешь выбирать...

И н н а (пораженная).

Что жъ это?

А стальцевъ.

Съ вами дольше

Намъ не о чемъ бесѣдовать пока...

(сз сужимъ поклономъ уходитъ за дверь направо).

И н н а (приходитъ по немногу въ себя).

Какъ тяжело!.. Тоска,

Какъ чья то страшная, холодная рука

Сжимаетъ сердце мнѣ невыносимой мукой.

Сейчасъ онъ угрожалъ разлукой,

И онъ ушелъ... Быть можетъ, навсегда?

И я дала уйти ему!..

(сз волненьи) Да, да...

Вернуть его... Сказать, что я согласна,

На все, на все—но пусть вернется онъ!

(дѣлаетъ шагъ къ двери и останавливается. Къ концу этой сцены за кулисами слышно пѣніе романса, который поетъ

Лили подъ аккомпаниментъ рояля).

Нѣтъ, поздно... Онъ ушелъ! (опирается рукой о столъ).

Въ ухахъ какой-то звонъ...

И это пѣніе... О, какъ оно ужасно!

ЯВЛЕНИЕ IX.

И н н а. Докторъ.

Докторъ (у двери).

А я пришелъ... *(обрываетъ, замѣтивъ ея позу и быстро подходитъ къ ней).*

Что съ вами? Отчего

Вы здѣсь однѣ? Какъ? Слезы?..

И н н а *(стараясь подавить рыданіе).*

Утомленье

И нервы...

Докторъ.

Капель вамъ сейчасъ-же...

И н н а.

Ничего

Не надо... На меня подѣйствовало пѣнье,

Должно быть. Вдругъ мнѣ стало тяжело...:

Но все пройдетъ... Оно уже прошло...

(тихо плачетъ, припавъ головою къ столу. Докторъ съ сочувствіемъ смотритъ на нее. За сценой финалъ романа и громкіе аплодисменты).

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ II-е

(Кабинетъ Астальцева, убранный изящно и со вкусомъ. Большой письменный столъ, заваленный множествомъ бумагъ и журналовъ, на немъ—будуарный портретъ въ закрытой вѣнской рамкѣ. День. Около 2-хъ часовъ).

(*При поднятіи занавѣса Астальцевъ сидитъ въ креслѣ у стола, докторъ ходитъ по комнатѣ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Астальцевъ. Докторъ.

Докторъ (*продолжая начатый разговоръ*).

Все, что вы мнѣ сказали о себѣ —
 Не новость для меня. Симптомы
 Болѣзни вашей мнѣ по опыту знакомы.
 Я также отдаю дань мучительной борьбѣ,
 Тяжелому съ самимъ собой разладу
 И съ окружающимъ, что неизбежно въ тѣхъ,
 Кто самъ, по внутреннему складу,
 Способенъ тяготѣть не къ одному окладу
 И цѣлью ставить не одинъ успѣхъ.
 Тотъ, кто изъ уваженія къ кушѣ,
 И честь, и совѣсть, даже душу
 Продастъ нечистому, одинъ не испыталъ
 Сомнѣній, и отъ нихъ душою не страдалъ.
 (*увлекаясь*). Что тамъ ни говори, — а правды идеаль
 Въ душѣ изъ насъ носилъ когда-то каждый,
 Мы всѣ одной томились жаждой,
 И если и не всѣмъ намъ удалось дойти
 Къ источнику и многіе въ пути
 Споткнулись, — то такія порыванья
 Я все же предпочту отсутствію сознанья.

Астальцевъ.

Согласенъ я, но съ нѣкоторыхъ поръ
 Отъ многихъ слышу я, что убѣжденье — вздоръ,

И люди сдѣлались практичны.
Иныя мнѣнія такъ стали необычны,
Что, признаюсь, я даже удивленъ,
Услышавъ ихъ отъ васъ.

Докторъ.

Да, мой обычный тонъ
Забавника — васъ обманулъ... Привычка!
Что дѣлать? А межъ тѣмъ
Страдаю я недугомъ тѣмъ,
Какимъ и вы... Ему же кличка:
Сомнѣнье, пессимизмъ... Пойдетъ любой ярлыкъ,
Что навернется на языкъ;
Безъ ярлыка нельзя-жь... Но дѣло не въ названьи,
А въ томъ, что я въ свое страданье
Не драпируюсь, нѣтъ и — худо-ль, хорошо-ль —
Забавника играю роль
И не мечтаю о героѣ, —
Затѣмъ, что здѣсь ужъ ампула другое.
Вотъ вся и разница межъ нами, я боюсь;
Томясь вопросами одними —
Вы сомнѣваетесь, а я смѣюсь...
И надъ собой и надъ другими.

А стальцевъ.

Но все-жь у васъ хоть дѣло есть,
Вы вѣрите въ него, и можете принести
На пользу людямъ ваши знанья.
А я?.. Что сдѣлалъ я? Да, университетъ —
Вотъ лучшее мое воспоминанье.
Года ученія и въ двадцать восемь лѣтъ —
Каеэдра... Думалось, что я свое призванье
Нашелъ, но вскорѣ разочарованье
Явилось тутъ... Я говорить не могъ
Свободно, какъ хотѣлъ, къ стѣсненью по натурѣ
Не склоненъ я, и мнѣ пришлось профессурѣ
Сказать прости... Тогда на долгій срокъ
Уѣхалъ я въ деревню, гдѣ народу
Мечталъ служить, толокъ усердно воду
Въ собраньяхъ земства, съ кабакомъ
Безстрашно воевалъ, и съ сельскимъ кулакомъ, —
И отъ заботъ о меньшемъ братѣ

Одно осталось въ результатѣ —
 Сознанье собственной негодности. Потомъ —
 Но что рассказывать. Ни въ дѣлѣ ни въ одномъ
 Не могъ найти я удовлетворенья.

Докторъ.

А кто нашелъ его?
(переходя въ болѣе шутливый тонъ). Въ служеньѣ
 Наукѣ, чьимъ отцомъ былъ древле Эскулапъ,
 Я, можетъ быть, настолько-жѣ слабъ,
 Какъ всѣ мои ученые коллеги,
 Когда либо свершавшіе набѣги
 На пациентовъ и на ихъ карманъ, —
 А если я лечу народъ російскихъ странъ —
 То изъ принципа вотъ какого рода:
 Что, можетъ быть, и меньше я сдеру,
 И меньше уморю народа.

А стальцевъ *(съ улыбкой)*.

Принципъ хорошъ, но по нутру
 Не всѣмъ придется онъ.

Докторъ.

Скажите, почему же
 Не слѣдовать ему и вамъ
 Въ писательствѣ? Другіе пишутъ хуже,
 Повѣрьте мнѣ. Конечно, самъ
 Я не могу себя считать авторитетомъ,
 Но многое нашелъ въ романѣ этомъ,
 Чего въ другихъ не находилъ...

А стальцевъ *(съ легкимъ нетерпѣніемъ)*.

Оставимъ это.

Докторъ.

Нѣтъ, по мѣрѣ силъ,
 Трудиться и работать честно,
 И быть любимымъ...
(движеніе Астальцева). Тутъ, насколько мнѣ извѣстно —
 Нельзя несчастнымъ быть вполне.
 Простите, можетъ быть не слѣдовало мнѣ
 Такъ прямо говорить, но васъ я уважаю
 И Инну Павловну... Изъ-за нея бываю

Я иногда и въ ихъ кругу.
 Я знаніемъ людей похвастаться могу...
 Тамъ исключенье рѣдкое собою
 Она являетъ... Головою
 Я поручусь вамъ, что она,
 Разъ полюбивъ — останется вѣрна.

А стальцевъ (съ живостью).
 Вы въ томъ убѣждены?

Докторъ.

Какъ мало въ чемъ на свѣтѣ.

А стальцевъ.

А это общество, какимъ окружена
 Всегда она — не пагубно? Всѣ эти
 Нивлянскія, Запольевы, Лили —
 Имѣть вліяніе дурное не могли...

Докторъ (*усмѣхнувшись*).

Чтожъ? Господинъ Запольевъ-Бѣлорѣцкій —
 Онъ человѣкъ, конечно, свѣтскій
 И бюрократъ, но все же онъ,
 Какъ просто человѣкъ — далеко недурень.
 Любви не заслуживъ, онъ отступаетъ съ честью,
 А, впрочемъ, если по извѣстью
 Судить послѣдному — французской ingénue
 Онъ былъ утѣшенъ: что же? Не виню
 Его за это я...

А стальцевъ.

Вы такъ слышали? Странно.

Докторъ.

А знаете, кто мнѣ
 Тамъ подозрителенъ? Вдова Сусанна.
 Да и она въ сердечной глубинѣ
 Отплачиваетъ мнѣ такую же монетой,
 Понявъ, что ей не ввестъ меня въ обманъ.
 Вѣдь у нея съ Ратморцевымъ романъ
 Когда-то былъ. Слышали вы про это?

А стальцевъ.

Какъ?

Докторъ.

Это фактъ.

А стальцевъ.

Но почему-жъ вы такъ
Любезны съ ней?

Докторъ.

Я не совсѣмъ простѣкъ.

Не лишнее узнать, что замышляетъ врагъ?
(слышенъ звонокъ). Звонятъ!....

А стальцевъ.

Не знаю, кто...

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же. Лакей.

Лакей. (Астальцеву).
Вась спрашиваетъ дама.

А стальцевъ.

Какая?

Лакей.

Ихъ не знаю-съ я.

А стальцевъ.

Такъ прямо

Сказалъ бы; дома нѣтъ.

Докторъ (Астальцеву).

Постойте.. (лакею)

Молода?

Лакей (усмѣхнувшись).

И изъ себя красивы...

Докторъ.

Ну тогда

И думать нечего. Проси ее сюда.
(Астальцеву). А я уйду, я вамъ мѣшать не буду.
(тихо) Хотя, при случаѣ, шепнуть не позабуду
Про это кой кому...

А стальцевъ (лакею).

Въ гостиной дама?

Лакей.

Да-съ.

Докторъ.

А выхоть есть другой у васъ
Въ переднюю?

Лакей.

Пожалуйте — направо.

Докторъ.

Удобная у васъ квартира, право...
Ну, что жъ: *bonne chance!*

А стальцевъ (съ улыбкой).

Вы сами подвели

Меня подъ ножъ.

(прощаются).

Спасибо, что зашли.

(Докторъ уходитъ на право, лакей провожаетъ его).

ЯВЛЕНИЕ III.

А стальцевъ, потомъ Нивлянская.

А стальцевъ.

Кто это? Инна? Нѣтъ, едва ли
Она писала мнѣ, что нынче цѣлый день
Пробудеть у себя, что у нея мигрень.
(увидѣвъ Нивлянскую).

Сусанна Глѣбовна?..

Нивлянская.

Не ждали?

А стальцевъ (съ иронической любезностью).
Да, это мнѣ сюрпризъ.

Нивлянская.

Пріятный?

А стальцевъ.

Неужель

Вы сомнѣваетесь?

Нивлянская.

Услышать подтвержденье

Пріятно мнѣ.

А стальцевъ.

Но ваше посѣщенье...

Нивлянская.

Пріѣзда моего вамъ интересна цѣль?

А стальцевъ.

Какъ все, что васъ касается.

Нивлянская.

Любезно,

Но угадайте сами...

А стальцевъ.

Безполезно!

»Я не отгадчикъ сновъ«.

Нивлянская.

А что же мнѣ присѣсть

Вы не предложите?

А стальцевъ (*придвигаетъ ей кресло*).

Простите, эта честь

Причиною того, что я совсѣмъ растерянъ.

Я даже не совсѣмъ увѣренъ,

Что вашъ визитъ — не сонъ...

Нивлянская.

Но чѣмъ же мой визитъ

Такъ удивителенъ? Вы — дѣятель извѣстный,

Общественный... Для многихъ интересны

И сами вы, и вашъ домашній бытъ.

И развѣ у себя вы дамъ не принимали?

А стальцевъ.

Кто посѣтитъ меня?

Нивлянская.

Вы искренни едва-ли.

(оглядываетъ обстановку).

Здѣсь такъ кокетливо... Альбомы, bric-à-brac...
Тайственный портреть...

Астальцевъ.

Но почему никакъ

Вы мнѣ не скажете?..

Нивлянская.

Какъ вы нетерпѣливы!

Но нетерпѣнья вашего порывы
Старайтесь обуздать на нѣсколько минутъ.

Допустимъ—я поклонница таланта.

У литератора, артиста, музыканта —

Немало ихъ,—и вамъ на судъ

Я привезла... ну, хоть поэму

Иль драму...

Астальцевъ.

На какую тему?

Нивлянская.

На современную... Вамъ рассказать сюжетъ?

Астальцевъ.

Пожалуйста,

(въ сторону) Спасенья видно нѣтъ.

Нивлянская *(кокетничая)*.

Но въ васъ сочувствія я вижу очень мало;

Такъ мало, что сейчасъ мнѣ даже страшно стало...

И... не рѣшусь я...

Астальцевъ.

Страшно? Вамъ?

Нивлянская.

Вы насмѣхаетесь... Я вижу по глазамъ.

Опасные глаза... И въ нихъ глядѣть — опасно.

Астальцевъ.

Да, говорять, глазъ у меня дурной.

Нивлянская.

И вдругъ несчастіе случится и со мной!

Астальцевъ (*сухо*).

О, за себя бояться вамъ напрасно.
Но что же драма?

Нивлянская.

Я сейчасъ начну.

Претензіи на новизну
Нѣтъ у меня. Сюжетъ мой—всѣмъ извѣстный,
Но всѣмъ глубоко интересный—
Любовь...

Астальцевъ.

Я это зналъ.

Нивлянская (*кокетничая и слегка волнуясь*).

Герой—

Умень и даровитъ, не изъ шаблонныхъ
Героевъ, блещущихъ въ салонахъ,
Но свѣтскій человѣкъ, и, какъ порой
Случается, отдавшійся власти
Любви, гдѣ счастья не можетъ онъ найти,
Не видитъ искренней, горячей страсти,
Которую онъ встрѣтилъ на пути...
А между тѣмъ она дала-бъ ему собою
Все то, чего найти не можетъ онъ съ другою:
Пыль, увлеченье, ту любовь,
Которая огнемъ волнуетъ кровь,
Туманить голову...

(*встаетъ и подходитъ къ Астальцеву, который также
всталъ. Пауза*).

Астальцевъ (*холодно*).

И что же?

Нивлянская.

Быть любимой

Она надѣется. Ужель пройдетъ онъ мимо,
Такой любви не оцѣнивъ,
Которая вся—страсть и вся—порывъ?
Которая сулитъ такія ласки...

Астальцевъ (*тѣмъ же тономъ*).

И это все?

Нивлянская (*подчеркивая, послѣ паузы*).

Недостаетъ развязки...

Астальцевъ.

Вся эта страсть—не больше, какъ капризь,
Для свѣтской женщины и умной;
Забуть о ней—исходъ благоразумный.

Нивлянская. (*порывисто*).

А если не капризь, а страсти пылъ безумной,
Съ которой сколько ни борись,
Не побѣдишь ее—въ ней говорить упорно—
Да, я люблю тебя, любовью непритворной,
Какъ не любила никогда
И никого въ прошедшіе года...

Астальцевъ (*насмѣливо*).

Какъ? И Ратморцева?

Нивлянская.

Ты слышалъ и про это?
Чтожь? Я изъ прошлаго не дѣлаю секрета.
Свободна я... Люблю, кого хочу,
Не притворяюся, не прячусь, не молчу.
Меня влечетъ къ тебѣ, и страсти этой жаромъ
Я вся охвачена не даромъ.
Какъ всѣ—ты не таковъ, и я не такова.

Ужель была я не права,
Рѣшивъ, что мы должны понять другъ друга?
Астальцевъ (*съ возрастающей холодностью*).
Боюсь, изъ заколдованнаго круга
Не выйти намъ. Понять мои слова
Вы не желаете. Къ несчастью,
Я не могу отвѣтить той же страстью.

Нивлянская.

Но почему?

Астальцевъ.

Хотя бы по тому,
Что ужъ люблю...

Нивлянская.

И чувству своему,
Своей любви, бездушной и холодной,
Отъ предразсудковъ несвободной —
Ты мной пожертвуешь? Ужели такъ сильна
Твоя любовь? Такія, какъ она,
Умѣютъ ли любить?

Астальцевъ (*подчеркивая*).

Намъ съ вами неудобно
Объ этомъ говорить.

Нивлянская (*вспыхнувъ*).

О, это безподобно!

Я не достойна, не должна
Упомянуть объ этомъ идеалѣ
Любви и вѣрности, имѣющемъ заразъ
Двоихъ любовниковъ...

Астальцевъ. (*въ бѣшенствѣ*).

Что вы сказали?

Нивлянская.

Лишь истину, и доказать сейчасъ
Могу ее. Сегодня быть у васъ
Она не можетъ.

(*движеніе Астальцева*).

Оправданье —
Болѣзнь, не правда ли? Но у нея свиданье
Съ Запольевымъ.

Астальцевъ.

Свиданье?.. нѣтъ,
Вы лжете?..

Нивлянская.

Мой совѣтъ —
Поѣхать къ ней. Лишь часъ назадъ, близъ дома
Гдѣ онъ живетъ, я встрѣтила ее.

Астальцевъ.

Чѣмъ обвиненіе свое
Вы мнѣ докажете?

Нивлянская.

А это вамъ знакомо?
(достаетъ записку, которую даетъ ему).

Астальцевъ (пораженный).

Ея рука?

(читаетъ) »Въ любви моей

»Вы сомнѣваться можете едва-ли.

»Но доказательства котораго, желали,

»Я дамъ сегодня вамъ, и въ ней

»Вы убѣдитесь.

Ваша Инна«.

(посль молчанія). Что это? Сонъ или бредъ

Ужасный? Можетъ быть ее безвинно

Подозрѣваю я?.. Но почеркъ? Нѣтъ,

Все очевидно... Какъ? Обманывать такъ низко,

Такъ подло!..

(Въ безсиліи опускается на стулъ, скомканная записка
выпадаетъ у него изъ рукъ).

Нивлянская (наблюдавшая за нимъ, тихо).

Старая къ Ротморцеву записка

Мнѣ пригодилась... (поднимаетъ ее и прячетъ).

(Астальцеву громко): Юрій Львовичъ, васъ

Въ отчаяннѣ токкомъ мнѣ видѣтъ слишкомъ больно...

Астальцевъ (съ внезапнымъ гнѣвомъ).

Вы дѣло ваше сдѣлали. Довольно!

Оставьте же меня!

Нивлянская.

Я уйду сейчасъ.

(про себя). Но я вернусь. Быть можетъ, даже скоро.

(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Астальцевъ (одинъ).

Какая глубина позора!

Все затоптать постыдно въ грязь...

Ей мстить?.. Но честию было-бъ мщенье!

Нѣтъ, просто кинуть ей въ лицо мое презрѣнье,

Порвать, не медля, эту связь
 Позорную, съ ея больнымъ угаромъ—
 Навѣки и однимъ рѣшительнымъ ударомъ!
(быстро идетъ къ двери).
(Занавѣсъ).

КАРТИНА 2-я.

Будуаръ Иены Павловны. Обстановка кокетливая. Масса цвѣтовъ и бездѣлушекъ. День.

ЯВЛЕНИЕ I.

Запольевъ. Таня.

Запольевъ *(входитъ со шляпой въ руку, съ лѣвой стороны. За нимъ Таня).*

Такъ Инна Павловна съ катанья
 Вернется не сейчасъ?

Таня *(слегка заминаясь).*

Не знаю-съ... День
 Хорошій, а у нихъ все утро былъ мигрень.

Запольевъ.

Я подожду. Ступайте. *(Таня уходитъ).*

Ожиданье

Несносно вообще, а тутъ еще теперь
 Мнѣ показалось, что отворяя дверь,
 Лакей сконфуженъ былъ и горничная тоже
 Замялась... Что же
 Все это значить? Здѣсь, въ отсутствіе мое,
 Случилось что нибудь, быть можетъ? Но же
 Я извѣстилъ о днѣ пріѣзда.

(подходитъ къ окну).

Вотъ кажется ея карета у подъѣзда
 Остановилась...

ЯВЛЕНИЕ II.

Запольевъ. Инна *(въ шляпѣ и перчаткахъ).*

Запольевъ *(быстро идетъ къ ней на встрѣчу и цѣлуетъ ей руку).*

Вы вернулись. Какъ я радъ!

Я изъ Москвы лишь день тому назадъ
Пріѣхалъ и спѣшилъ... Но что такое?.. Сами
Вы такъ взволнованы? Прислуга...

Инна (*взволновано, не глядя на него*).

Сядьте... съ вами

Поговорить мнѣ надо... (*сидятъ*).

Я должна

Сказать вамъ... О, какъ тяжело!

Запольевъ.

Быть можетъ,

Въ томъ, что такъ сильно васъ тревожить,
Я могъ-бы?..

Инна.

Да, у васъ, когда была нужна
Поддержка мнѣ, ее я находила.

Когда-бъ не это—легче было

Сказать бы мнѣ...

Запольевъ.

Но что же?

Инна (*волненіе ея усиливается*).

Я давно

Хотѣла вамъ писать, но, можетъ быть, оно
Такъ лучше, на словахъ... (*овладѣвъ собою*).

Какъ въ старомъ другѣ,

Я въ васъ увѣрена, и васъ хотѣла объ услугѣ

Просить одной...

Запольевъ.

Располагайте мной.

Инна.

Благодарю. Не истолкуйте ложно

Подобной просьбы... Для меня

Она—большой ударъ, но съ нынѣшняго дня

У насъ бывать вамъ невозможно.

Запольевъ (*Пораженный, послѣ паузы*).

Какъ? Вы желаете?

Инна (*съ усиленіемъ*).

Мой мужъ... Онъ... Онъ ревнивъ

И требуетъ... Ему дала я слово...

Запольевъ (*пристально смотритъ на нее*).

Вашъ мужъ?

Инна (*не выдерживаетъ его взгляда*).

Прошу васъ черезчуръ сурово
Меня не осуждать.

Запольевъ.

Не васъ... Но кто такого
Безумья требуетъ, во зло употребивъ
Свой права такъ грубо, такъ жестоко—
Того лишь презирать способенъ я глубоко.

Инна (*вспыхнувъ*).

Не говорите такъ!

Запольевъ (*твердо*).

Я долженъ и могу.

Къ спасеню вашему я сдѣлаю попытку.

Какъ? Эту нравственную пытку,
Которую на каждомъ онъ шагу

Терзаетъ васъ—вы сносите покорно?

И вы не видите, какъ это все позорно,
Какъ унижительно! Вы сдѣлались рабой,

Вы, одаренная судьбой

Такъ щедро! Боже мой, какое

На васъ нашло затмѣнье роковое,
Заставившее васъ отречься отъ всего,
Чѣмъ дорожили вы?

Инна.

Но я люблю его,

Поймите же, люблю... и все другое—
Ничто предъ этимъ! Да, пусть я оскорблена,

Пусть это все—его вина

Но будь она сильнѣе вдвое—

Я все жъ ему прощу.

Запольевъ.

Опомнитесь! Одно

Спасеніе я вижу вамъ—разлуку.

Инна.

Нѣтъ... Лучше все сносить: отчаянье и муку,
Иль даже гибель... Все равно!

Запольевъ (съ глубокою грустью).

Тогда—разстанемся.

Инна (едва сдерживая слезы).

Когда бъ вы только знали,
Какъ тяжело...

Запольевъ.

Придется мнѣ едва ли
Переступить еще разъ вашъ порогъ.
(жметъ ей руку). Прощайте же... И да хранить васъ Богъ!
(уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Инна потомъ Таня.

Инна.

Единственный мой другъ! И имъ принуждена я
Пожертвовать... Но жертва и такая
Оцѣнится-ль? Я сомнѣваюсь въ томъ.
Не въ настоящемъ, такъ въ быломъ
Отыщеть онъ предметъ для подозрѣній.
Но кто ихъ пробудилъ? Не мой ли злобный геній—
Нивлянская? Все можетъ быть. Ее
Сейчасъ я встрѣтила. Дурное предвѣщанье!
Во время этого катанья
Съ трудомъ желаніе свое
Къ нему заѣхать-я сдержала.
Но онъ просилъ, чтобъ я его предупредила,
И не рѣшилась я... Не заѣзжалъ ли онъ?
(звонитъ. Входитъ Таня). Былъ кто нибудь у насъ?

Таня.

Баронъ.

Да тамъ у барина два желтыхъ кирасира.

Инна.

А Юрій Львовичъ.

Таня.

Нѣтъ.

(видя, что Инна вздрогнула).
Не затопить ли? Сыро...

Инна (*нетерпливо*).

Не надо ничего.

Таня (*указывая на шляпу и перчатки*).

Прикажете убрать?

Инна.

Оставьте... Баринъ дома?

Таня.

Нѣтъ. Лишь пять

Минуть тому назадъ уѣхали, и съ ними —

Тѣ господа! Сказали, чтобъ не ждать

Къ обѣду ихъ... Поѣхали опять

Куда-то въ ресторанъ съ гостями со своими...

Инна (*прерывая*).

Ступайте. (*Таня уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Инна потомъ Астальцевъ.

Кутежи обычные! Не разъ

Имъ положить конецъ пыталась я когда-то,

Но убѣдилась скоро, что погрязъ

Онъ въ этой жизни безъ возврата.

(*задумывается, потомъ быстро поднимаетъ голову*).

Шаги? Кто-бъ это былъ?

(*входитъ Астальцевъ. Онъ очень блѣденъ, но наружно спокоенъ*).

Ты, Юрій? Не ждала

Тебя я, милый...

(*хочетъ его обнять, онъ отстраняется*).

Астальцевъ.

Нѣтъ, пожалуйста... Прошла

Пора для ласкъ.

Инна.

Но Юрій...

Астальцевъ.

Я отвѣта

И объясненія потребовать пришелъ.

Инна.

Вновь объясненія?...

Астальцевъ.

Но это—

Послѣднее.

Инна.

Какъ беспощадно золь
И холоденъ твой взглядъ...

Астальцевъ.

Вы нынче выѣзжали?

(увидѣвъ шляпу и перчатки). Излишній кажется вопросъ.

Инна.

Я выѣзжала.

Астальцевъ.

Утромъ вы писали,

Что вы больны.

Инна.

Что-жь это все? Допросъ?

Астальцевъ.

Куда вы ѣздили?

Инна.

Каталась и хотѣла

Къ тебѣ заѣхать, но не смѣла...

Мнѣ лучше сдѣлалось къ двѣнадцати...

Астальцевъ.

Куда

Вы ѣздили?

Инна.

Я? больше никуда.

Астальцевъ.

Вы въ томъ увѣрены?

Инна.

Я повторяю снова:

Съ допросомъ вы явились?

О. Н. Чюмина

Астальцевъ.

Да.

Имѣю право я...

Инна.

И въ этомъ я готова
 Сознайся. Да, я вамъ дала правѣ.
 Желанья ваши и слова—
 Закономъ были мнѣ, и жертва никакая,
 Какъ ни была въ душѣ мнѣ тяжела—
 Меня остановить собою не могла.
 Запольева къ себѣ не принимая,
 Всѣ доказательства тому
 Дала я кажутся.

Астальцевъ (*страннымъ тономъ*).

Но у себя къ чему
 И принимать его?

Инна.

Что этими словами—
 Сказать ты хочешь?

Астальцевъ.

Вы поймете сами
 И—скоро. А пока я требую отъ васъ,
 Чтобъ вы сказали мнѣ немедленно, сейчасъ—
 Гдѣ были вы?

Инна.

Но, ради Бога,
 Что-жъ это, наконецъ? Подобный тонъ?..
 Со мной?.. Вѣдь оскорбляетъ онъ,

Пойми же ты.
 (*съ горячю*). Сама я слишкомъ много
 Тебѣ позволила, и я тому виной,
 Что ты теперь такъ говоришь со мной,
 Что ты ко мнѣ утратилъ уваженье...

Астальцевъ (*льдо*).

Къ вамъ?.. Уваженье?..

Инна (*вздвигнувъ, какъ отъ удара*).

Юрій Львовичъ!

Астальцевъ (съ прорвавшимся бѣшенствомъ).

Къ вамъ?

Но развѣ есть на свѣтѣ оскорбленья,
Которыя могли-бъ унижить васъ —
Отъ ногъ до головы забрызганную въ грязь?

Инна (*жостатнувшись*).

О, Боже!

Астальцевъ.

Нѣтъ, и вы посмѣли
Заговорить о немъ! Но неужели
Не сознаете вы, что каждая изъ тѣхъ
Продажныхъ женщинъ, что для всѣхъ
Доступны и всегда — она неизмѣримо
Честнѣе васъ, — и выше, и честнѣй?
Да, каждая изъ тѣхъ, при свѣтѣ фонарей
Блуждающихъ, что проходящихъ мимо
Стараются остановить — она,
Которая была осквернена
Всей грязью тысячи лобзаній,
Послѣднее изъ жалкихъ тѣхъ созданій,
Изъ парій общества, съ челомъ
Отмѣченнымъ проклятiя клеймомъ,
Она и въ глубинѣ подобнаго паденья —
Достойнѣе, чѣмъ вы — любви и уваженья...

Инна (*приходитъ въ себя*).

Я не ослышалась?.. Все это не во снѣ
Я слышу?.. Какъ? Слова такія... И кому же
Ты говоришь ихъ?.. Мнѣ?..
Ты мнѣ ихъ говоришь?.. Опомнись.

Астальцевъ.

Я вполне

Опомнился. Вы — этихъ женщинъ хуже.
Ихъ нищета толкнула на развратъ,
И голодь... Ну, а вы? Кто виноватъ
Въ паденьѣ вашемъ? Кто такъ нагло, такъ искусно
Скрывать всю ложь натуры вашей гнусной —
Васъ научилъ? Кто научилъ васъ лгать?

Инна.

Я не лгала.

О. Н. Чюмина

А стальцевъ.

Вы лжете мнѣ опять:
И мыслью каждой и отвѣтомъ.
Куда вы ѣздили—объ этомъ
Не скажете...

Инна.

Мнѣ нечего сказать.

А стальцевъ.

Такъ я скажу. Пора прервать молчанье,
Довольно лжи! Вы были на свиданьи
Съ Запольевымъ, въ квартирѣ у него.

Инна (*пораженная*).

Я тамъ была?..

А стальцевъ.

И вы—любовница его.

Инна.

Вы обезумѣли!..

А стальцевъ.

Наоборотъ... Повязка

Упала съ глазъ моихъ, и я—слѣпецъ—

Я истину увидѣлъ, наконецъ!

Молчите вы? Стыда живая краска

У васъ въ лицѣ не вспыхнула огнемъ?

Да, въ ослѣпленіи моемъ

Я васъ не зналъ... Теперь глаза мои прозрѣли,

И вашъ обманъ увидѣлъ я на дѣлѣ...

Инна.

Клянусь тебѣ...

А стальцевъ.

О, клятвамъ нѣтъ цѣны!

Здѣсь доказательства нужны

И я имѣю ихъ.

Инна.

Но это невозможно,

Немыслимо...

Астальцевъ.

Я видѣлъ пару строкъ,
Написанныхъ къ нему... Бумаги лоскутокъ
За вашей подписью.

Инна.

Письмо? Оно подложно.
Что было въ немъ? Подобнаго письма
Я не писала, нѣтъ... О, я схожу съ ума!
Гдѣ, гдѣ оно?

Астальцевъ.

Его неосторожно
Я потерялъ, но все, что было въ немъ —
Все выжжено въ мозгу моемъ
Неизгладимыми чертами...
Въ письмѣ ему вы общали сами
Расположенья своего
Дать доказательства...
(подчеркивая). И вы его
Тамъ на свиданіи, конечно, дали?..

Инна (*съ энергіей*).

Нѣтъ, я не ѣздила туда,
Письма такого никогда
Я не писала, нѣтъ... Меня оклеветали.

Астальцевъ.

Всѣ заpiresательства едва-ли
Помогутъ вамъ, и ими вы сильнѣй
Позорите себя. Да, было-бы честнѣй
Сознаніе, но даже на подобный
Поступокъ вы, къ несчастью, неспособны!
Для этого хоть слабый слѣдъ,
Хоть искру слабую, хотя подобье чести
Вѣдъ надобно имѣть, — но были-бъ не на мѣстѣ
Они въ душѣ такой, какъ ваша...

Инна

Нѣтъ,
Ужъ это слишкомъ! Вы, въ безумномъ ослѣпленѣ,
За оскорбленьемъ оскорбленье
Мнѣ здѣсь нарисуйте, вы смѣли отъ меня

Сознанье требовать въ какой-то небывалой
 Моей винѣ? Вамъ показалось мало,
 Да, мало тѣхъ обидъ, которыя простила
 Я раньше вамъ?.. Но съ вынѣшняго дня
 Я выносить ихъ больше не желаю,
 Не будетъ этого... Вы слышите меня?
 Теперь я одного васъ оставляю,
 Чтобъ на свободѣ вы могли
 Опомниться... (*идетъ къ двери*).

А стальцевъ (*схвативъ ее за руку*).

Останьтесь!

Инна (*вырывая руку*)..

Вы сошли

Съ ума! Пустите же...

А стальцевъ (*съ отчаяніемъ*).

Поймите, какъ сознанье

Ни тяжело — подобное молчанье

Ужаснѣе... Тогда... Тогда-бъ я думать могъ,

Что я, хоть на недолгій срокъ,

Хотя на мигъ — но былъ любимъ когда-то...

А нынче отнята, погибла безъ возврата

И эта тѣнь надежды! Ничего

Мнѣ не осталось... Все и пусто, и мертво.

Любовь моя, что жизнью своею

Считалъ я... Чтò, чтò сдѣлали вы съ нею?!

(*закрываетъ лицо руками*).

Инна.

О, Юрій... Чѣмъ тебѣ я доказать могу,

Чѣмъ убѣдить, что я не лгу

И не лгала, — что ты всего дороже

На свѣтѣ для меня?.. О, милосердный Боже,

Что сдѣлать мнѣ для этого? Скажи!

Какое-то спѣпленье жи

И непонятныхъ обстоятельствъ —

Невѣдомыхъ и странныхъ доказательствъ —

Меня опутало, какъ роковая сѣть...

И я собой напрасно овладѣть

Пытаюсь я... Я вся изнемогаю,

И въ сѣти бьюсь... сама не понимаю,

Что говорю, что дѣлаю... И какъ
 Бороться мнѣ, когда мой врагъ —
 Невидимый, и я его не знаю?
 О, неужели же ты не повѣришь мнѣ,
 Ты не почувствуешь въ сердечной глубинѣ
 Что я права?.. (*хочетъ взять его руку*).

А стальцевъ.

Довольно!

Иль думаете вы, что ослабѣлъ мой мозгъ?
 Что самъ я — мягкій воскъ
 Въ рукахъ у васъ, который произвольно
 Вы можете отлить во что угодно вамъ?
 Но нѣтъ! Пора разстаться намъ.
 Давно пора!

Инна (*какъ бы не понимая*).

Разстаться?.. Мнѣ съ тобою
 И — навсегда?.. О, сжался надо мною,
 Надъ нашею любовью... Вдовъ
 Молю тебя...

А стальцевъ.

Не смѣйте про любовь
 Упомянуть... Пустите...

Инна (*со страстнымъ отчаяніемъ, не выпуская его руку*).

Невозможно

Разстаться намъ изъ-за такой ничтожной
 Ошибки, нѣтъ... Вѣдь я люблю тебя,
 Ты оттолкнуть меня не можешь отъ себя...

А стальцевъ (*съ презрѣніемъ*).

Вы ждете слабости, постыднаго припадка,
 Который можетъ вамъ помочь
 Достигнуть цѣли...

Инна.

Юрій!

А стальцевъ (*не владея собой*).

Прочь!

Пустите же... Мнѣ гадко
 Прикосновенье ваше... Прочь!

(отталкиваетъ ее съ такою силою, что она падаетъ, и самъ, какъ бы испулавшись, дѣлаетъ шагъ назадъ. Инна медленно поднимается. Съ секунду они молча смотрятъ другъ на друга. Пауза).

А стальцевъ *(упавшимъ голосомъ)*.

Вы видите, что намъ необходимо
Разстаться... Только вамъ
Благодаря, я сдѣлалъ низость... Самъ
Себѣ теперь невыразимо
Противенъ я... *(опустивъ голову, идетъ къ двери)*.

Инна *(глухо, какъ бы очнувшись)*.

Постойте... Я одно
Должна сказать вамъ... Нѣтъ, не надо... Все равно...
Васъ убѣдить могло бы только чудо,
Но нѣтъ чудесъ... Идите...

А стальцевъ.

Я отсюда

Уѣду черезъ часъ. *(быстро уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Инна *(одна)*.

Что это?.. Какъ въ огнѣ
Вся голова... Мнѣ душно... Нечѣмъ мнѣ
Дышать...
(судорожно рветъ на себѣ воротъ платья).

Желѣзною рукою
Сдавило горло... жжетъ... О, что со мною?..
Сказать ему?.. Не надо... Все равно...
Я задыхаюся... Темно,
Темно въ глазахъ... *(безъ чувствъ опускается на коверъ)*.

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ Ш-е.

(Южный пейзажъ. Яркій солнечный день. На лѣво отъ зрителей одинъ изъ фасадовъ гостиницы, съ примыкающей къ нему террасой, выходящей въ садъ. Группы деревьевъ. Цвѣты, садовая мебель).

(Княгиня съ работой въ рукахъ сидитъ въ креслѣ у террасы, Нелли рядомъ съ нею).

ЯВЛЕНІЕ I.

Княгиня. Нелли.

Княгиня (*Нелли, которая при поднятіи занавѣсы читаетъ ей вслухъ книгу*).

Оставь, дитя мое, довольно... Отдохни.

Устала ты.

Нелли.

Нисколько.

Княгиня.

Въ эти дни

Ты, вообще, гуляла слишкомъ много,
И въ горы ѣздила верхомъ.

Нелли.

Но, мама, я...

Княгиня (*съ улыбкой*).

Я знаю, съ женихомъ

Ты ѣздила, но горная дорога

Отъ этого не легче, и ему

Не надо забывать, что запретили строго

Тебѣ врачъ...

Нелли.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Крыму,

Я чувствую себя совсѣмъ, совсѣмъ здоровой.

Во мнѣ — приливъ какой-то силы новой

И бодрости... Здѣсь дышется легко,
И все московское такъ страшно далекъ,
Такъ чуждо... Всѣ приемы эти,
И выѣзды, — всѣ тѣ, кого встрѣчаешь въ свѣтѣ ..
Я полюбила югъ.

Княгиня.

Конечно оттого,
Что здѣсь, въ Крыму, ты встрѣтила *его*?
Сознайся откровенно.

Нелли (*съ оттънкомъ лукавства*).

Ужъ если этого ты хочешь непремѣнно —
Отчасти — да. Но милый Крымъ,
Съ его природою и небомъ голубымъ,
Гдѣ и знакомыхъ нѣтъ, и солнце свѣтитъ ярко —
Мнѣ симпатиченъ самъ собой.

Княгиня.

Дикарка!

Но вкусы эти твой женихъ
Раздѣлить ли? Онъ можетъ быть другихъ
Понятій держится?

Нелли (*съ живостью*).

Нѣтъ, онъ не любитъ свѣта.
Для литератора, художника, поэта —
Что въ немъ? Ему скорѣй нужны:
Уединенье кабинета,
Кругъ избранныхъ друзей...

Княгиня (*слегка улыбаясь*).

Сочувствіе жены?..

Нелли (*горячо*).

Которая могла-бъ понять его желанья,
Стремленія, всю суть его идей...
Когда нибудь я сдѣлаюсь ли ей,
Понять его вполне я буду-ль въ состояньи?

Княгиня.

Съ твоею свѣтлою головкой? За тебя
Я не боюсь. Съумѣешь ты, любя,

Дать мужу все: помощницу и друга.
 Онъ оцѣнилъ тебя, и въ томъ — его заслуга.
(Астальцевъ показывается на террасѣ).

Нелли.

А вотъ и онъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же. Астальцевъ *(онъ нѣсколько измѣнился, кажется старѣе и спокойнѣе).*

Нелли *(здороваясь).*

Опять проспали вы,
 Лѣнивѣцъ!

Астальцевъ.

Каюсь я... Повинной головы
 Мечъ не сѣчетъ.

Княгиня.

Должно быть снова
 Вы заработались? А вы мнѣ дали слово,
 Припомните...

Астальцевъ.

Нѣтъ, просто не спалось.

Княгиня.

И Нелли здѣсь мнѣ побранить пришлось;
 Она была серьезно нездорова
 Всю зиму, а теперь себя не бережетъ...

Астальцевъ.

Простите, будемъ мы впередъ
 Благоразумнѣе.

Нелли.

И нынче отъ катанья
 Откажемся.

Княгиня *(съ улыбкой).*

За это послушанье
 Въ награду можете мое ворчанье
 Не слушать долѣе... Идите же скорѣй.

Астальцевъ (*цѣлуетъ ей руку*).

Вы — лучшая изъ матерей.

Нелли (*цѣлуетъ мать*).

О, безъ сомѣнiя!

Княгиня.

Вы думаете вмѣстѣ.

Что я доступна вашей лести?

Идите же. (*Продолжаетъ работать. Нелли и Астальцевъ переходятъ на другую сторону и садятся на скамью*).

Нелли (*глядываясь въ лицо жениха*).

Какъ нынче вы блѣдны...

Вы дурно спали, да?

Астальцевъ.

Дурные видѣль сны.

Нелли.

Вы шутите? Не знаю я порою,

Что думать мнѣ? И эти сны...

Астальцевъ.

Съ зарею

Они всегда уходятъ, и — тогда,

Когда я съ вами.

Нелли (*просвѣтлѣвъ*).

Да?

Астальцевъ.

Близъ васъ, довѣрчивой и вѣжной,

Съ душою дѣтски безмятежной.

Я нахожу тотъ миръ и тотъ покой,

Которыхъ жажду всей душой.

Вы не солжете, Нелли? Все открыто,

Все ясно въ васъ, вы ложью ядовитой

Не оскверните чистыя уста.

Вамъ зло невѣдомо, обманъ и клевета.

Но что я говорю? я васъ пугаю.

Нелли.

О, нѣтъ, страдали вы—я это понимаю.

Вы мнѣ расскажете прошедшее свое?

Всю вашу жизнь?....

Астальцевъ.

Зачѣмъ вамъ знать ее?
 Терзаемый борьбой сомнѣній неизбѣжной,
 Какъ жалкій остовъ корабля,
 Я долго по морю носился безъ руля,—
 И жажду пристани надежной.
 Ее близъ васъ надѣюсь я найти,
 И счастье, можетъ быть, мы встрѣтимъ на пути.

Нелли.

Я въ томъ убѣждена.
(съ жаромъ) О если-бы могли вы
 Скорѣ научить меня
 Васъ понимать и ваши всѣ порывы,
 Стремленія... Я съ этого же дня
 Хотѣла-бъ сдѣлаться хотя отчасти
 Достойной васъ... Учите же меня.

Астальцевъ *(цѣлуетъ ея руку)*.

Мнѣ васъ учить? Скорѣ въ вашей власти —
 Открыть мнѣ многое...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. Докторъ *(съ террасы)*.

Докторъ *(подходитъ)*.

Я кашляю давно.

И все же — нуль вниманья въ результатѣ.

Княгиня *(здороваясь)*.

Ахъ, докторъ, вы явились очень кстати.

Останьтесь завтракать.

Нелли.

Намъ не разрѣшено
 Кататься поутру, такъ мы сыграемъ вмѣстѣ
 Хоть партію въ крокетъ.

Докторъ *(съ запинкою)*.

Въ одномъ я мѣстѣ
 Быть обѣщаль. Простите, не могу.

Нелли.

Но помните, что вы у насъ въ долгу.

Астальцевъ *(доктору)*.

Что съ вами?

Княгиня.

Да, я замѣчаю тоже,

Что на себя вы нынче не похожи.

Случилось что нибудь?

Докторъ *(съ тою же запинкою)*.

Я получилъ одно

Извѣстіе... И, признаюсь, оно
Разстроило меня, но это все пустое...

Астальцевъ.

Извѣстіе? Какое?

Докторъ *(пугается)*.

Оно меня касается, но мнѣ

Нельзя пока.....

Княгиня *(поднимаясь)*.

Наединѣ

Вы съ Юрій Львовичемъ быть можете бы хотѣли

Поговорить? Мы на десять минутъ

Оставимъ васъ.

Докторъ.

Вы такъ добры....

Астальцевъ.

Васъ тутъ

Мы будемъ ожидать.

Княгиня *(беретъ зонтикъ)*.

Пойдемъ къ заливу, Нелли.

Такъ — до свиданія.

(Княгиня и Нелли уходятъ на лѣво, въ аллею).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Астальцевъ. Докторъ.

Докторъ *(вздыхнувъ съ облегченіемъ)*.

Ушли... Я очень радъ.

Я что то путалъ здѣсь впопадъ и не впопадъ,
 Чтобъ мнѣ скорѣй остаться съ вами
 И васъ предупредить...

Астальцевъ.

Что это значитъ?

Докторъ.

Сами

Поймете вы. Вамъ встрѣча суждена.

Здѣсь—Инна Павловна...

Астальцевъ (*поблѣднѣвъ*).

Она?

Не можетъ быть!

Докторъ.

И въ этомъ же отелѣ

Остановилась. Для какой же цѣли —

Не знаю я...

Астальцевъ.

Она? Чрезъ столько лѣтъ

И на моей дорогѣ! Цѣлый свѣтъ

Поставилъ я, когда то, между нами...

Вы не ошиблись, вѣтъ?

Докторъ.

Вотъ этими глазами

Ея фамилію я прочиталъ сейчасъ

Тамъ на доскѣ.

Астальцевъ.

Проклятье! Сколько разъ

Я обреченъ еще на встрѣчу съ нею!

Но если здѣсь она явилась для того,

Чтобъ погубить меня, то это торжество —

Несвоевременно... Заставить я съумѣю

Ее молчать.

Докторъ.

Но можетъ быть она

Не съ тѣмъ пріѣхала. Она была больна

И—очень говорить.

О. Н. Чюмина

Астальцевъ.

Больна?..

Докторъ

Въ началѣ лѣта

Писали мнѣ. У ней чахотка...

Астальцевъ (съ горечью).

Что же это,

Съ отчаянья она, что сдѣлалась вдовой,

Иль оттого, что бросилъ для другой
Ее Запольевъ?

Докторъ.

Съ ней и дочь ея.

Астальцевъ (вздвигнувъ).

Ребенокъ?

Его ребенокъ?.. Да, такъ это правда?..

Докторъ.

Жаль

Мнѣ эту дѣвочку... Не дѣтская печаль —
Въ глазахъ ея. Она увидѣла съ пеленокъ
Лишь горе...

Астальцевъ.

Гдѣ ее вы встрѣтили?

Докторъ.

Она

Шла съ нянею гулять и такъ была блѣдна...

Что будетъ съ ней, когда?..

Астальцевъ.

Объ этомъ ужъ обязанъ

Отецъ заботиться. Онъ честию связанъ

Съ ней, съ этой женщиной.

Докторъ.

О томъ,

Что съ ней у васъ произошло въ быломъ,

Я мало знаю, но невольно

Мнѣ все не вѣрится... Мнѣ было-бъ очень больно

Подумать, что она...

А стальцевъ *(горячо)*.

А мнѣ легко
 Повѣрить было? Глубоко
 Я не страдалъ, не мучился? Но развѣ
 Прошедшее, подобно тайной явѣ,
 Меня не гложетъ день и ночь?
 Я тщетно отогнать его стараюсь прочь...
 Въ любви довѣрчивой и ясной,
 Созданья кроткаго, напрасно
 Хочу забыться... Нѣтъ, довольно...

Докторъ.

Вы княжну
 Не любите, вы ищете одну
 Съ ней пристань тихую! Я это понялъ сразу.
 Но счастья быть не можетъ по заказу
(подчеркивая). Теперь вдвойнѣ невысказано оно.

А стальцевъ.

Теперь?

Докторъ.

Послушайте, погребено
 Для васъ прошедшее? Я также думалъ долго
 Но если не любовь, то чувство долга
 Не позволяетъ вамъ жениться.

А стальцевъ.

Почему?

Докторъ *(съ волненіемъ)*.

Нѣтъ, на душу грѣха я не приму
 Молчаніемъ. Ребенокъ, о которомъ
 Я говорилъ... Ужели мнѣ помочь
 Вы не хотите?.. Онъ... Вѣдь это — ваша дочь...

А стальцевъ.

Что за безумье!

Докторъ.

И лицомъ и взоромъ
 Ребенокъ этотъ — вашъ портретъ.
 Случайностью простой такое сходство
 Не можетъ быть, и не бываетъ, нѣтъ!

И если есть у васъ хоть искра благородства,
 А въ этомъ я былъ убѣжденъ всегда —
 Вы, повидавъ ее, поймете безъ труда
 Что дѣлать вамъ?.. Вы были всѣмъ извѣстны,
 Какъ человѣкъ прямой и честный,
 У васъ душа и совѣсть есть, —
 (*кладетъ ему руку на плечо*). И вы обязаны спокойно
 Безъ слабости исполнить недостойной —
 Что вамъ велятъ вашъ долгъ и ваша честь.
 (*уходитъ въ домъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

А стальцевъ потомъ Нелли.

А стальцевъ.

Возможно ли, чтобъ это правдой было?
 О, что за роковая сила
 Разрушила въ единый мигъ
 И то спокойствіе, котораго достигъ
 Недавно я? Ребенокъ, о которомъ
 Старался я не думать, иль съ укоромъ
 И гнѣвомъ вспоминалъ, — онъ, росшій мнѣ чужимъ —
 Возможно ли, чтобъ онъ моимъ
 Вдругъ оказался? Нѣтъ... Случайно,
 Хоть рѣдко и необычайно —
 Такое сходство! Онъ
 Былъ въ заблужденіе имъ введенъ,
 А жалость къ ней свершила остальное...
 Она больна? Онъ что то мнѣ такое
 Здѣсь говорилъ... Онъ вспоминалъ о томъ,
 Что будетъ съ дѣвочкой?.. Но что же мнѣ за дѣло
 До этого? Она сама хотѣла...
 Ея вина... Я долженъ лишь въ одномъ
 Увѣриться, своими же глазами...
 Да, лишь своимъ повѣрю я глазамъ!
 Она сейчасъ гуляла тамъ,
 Быть можетъ, вотъ, за этими кустами...
 Я отыщу ее, увижу — и вопросъ
 Рѣшится... О, какой хаосъ
 Въ душѣ моей...

Нелли (*выходитъ съ льва*).

Что съ вами?

Вамъ нездоровится?

Астальцевъ (*проведа рукою по лбу*).

Нѣтъ, ничего...

Такъ... Голова болить...

Нелли.

Но отчего

Вы такъ разстроены? Васъ докторъ вѣроятно

Здѣсь огорчилъ? Быть можетъ непріятно

Его извѣстіе?

Астальцевъ (*стараясь овладѣть собою*).

Да... То есть для него.

Нелли.

Но не для васъ?

Астальцевъ (*быстро*).

Но почему могли вы

Подумать это?

Нелли.

Мы порою боязливы

И часто безъ причинъ тревожимся за тѣхъ,

Кто дорогъ намъ... А вы дороже всѣхъ...

(*останавливается*).

Вы знаете...

Астальцевъ (*беретъ ее за руку*).

Такъ это правда, Нелли?

(*какъ будто вспомнивъ что то, быстро выпускаетъ ея руку. Другимъ тономъ*).

Я не спросилъ васъ, гдѣ княгиня?

Нелли (*съ некоторымъ изумленіемъ*).

Мы сидѣли

Съ маман у пристани. Она теперь

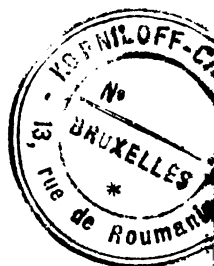
Прошла чрезъ боковую дверь —

Распорядится завтракомъ... А кстати —

Вы знаете, въ числѣ моихъ симпатій —

Всѣ дѣти, и сейчасъ я съ дѣвочкой одной

Тамъ познакомилась...

Астальцевъ.

Вы, съ дѣвочкой? Съ какой?

Нелли.

Вы удивились?

Астальцевъ.

Нѣтъ, я это машинально...

Что-жь дѣвочка? Скажите мнѣ о ней.

Нелли.

Я никогда такихъ не видѣла дѣтей.

Она глядитъ такъ кротко и печально

И вмѣстѣ съ тѣмъ — умно,

Какъ взрослая. Ея лицо... Оно

Мнѣ въ память врѣзалось. Глаза большіе,

Красивые и темные такіе

Напоминаютъ мнѣ кого-то...

Астальцевъ (*быстро*).

Что-жь она?

Должно быть сирота?

Нелли.

Нѣтъ, мать ея больна.

Ихъ комнаты въ томъ самомъ корридорѣ,

Гдѣ напи.

Астальцевъ (*почти со стономъ*).

Боже!

Нелли.

Въ разговорѣ

Я не замѣтила, какъ поблѣднѣли вы...

Вамъ хуже?

Астальцевъ.

Да, отъ головы

Все это... Я пройдусь... Быть можетъ

Движеніе скорѣе мнѣ поможетъ

И свѣжій воздухъ... Вы сидѣли тамъ, у скаль?

Нелли.

Да.

Астальцевъ.

Я пойду, я также-бъ не желалъ
Встрѣчаться съ кѣмъ нибудь. Пускай васъ не тревожить
Моя болѣзнь. Со мной не въ первый разъ
Она случается. Я... я вернусь сейчасъ.
(*быстро пожавъ ей руку, уходитъ на льво*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Нелли потомъ Княгиня.

Нелли (*смотритъ вслѣдъ Астальцеву*).

Что съ нимъ случилось, что? Какимъ то страннымъ тономъ
Онъ говорилъ, и онъ казался огорченнымъ,
Разстроеннымъ. Но отчего?

И доктора не видно. Отъ него
Узнала-бъ я... Невольно опасенье,
Которому сама не знаю объясненья —
Закралось въ душу мнѣ.

Княгиня (*спускается съ террасы*).

Какъ, Нелли, ты одна?
Но гдѣ другіе? Ты какъ будто смущена?
Вы съ Юріемъ быть можетъ въ ссорѣ?
Но не тревожься. Это горе
Легко поправить.

Нелли.

Нѣтъ, но я удивлена,
Встревожена... Сейчасъ я здѣсь его застала
Такимъ растроннымъ... Я съ самого начала

Замѣтила, что онъ
Серьезно чѣмъ то огорченъ.

Княгиня.

Такъ что-же? Мало ли какія есть причины
Для этого? Намъ о дѣлахъ мужчины
Не любятъ говорить. А ты росла
Въ такомъ невѣдѣннн глубокомъ
Всего, что мы зовемъ: дѣла, —
Что иногда о томъ я думаю съ упрекомъ.
Но я твое здоровье берегла,
Я не подумала...

Нелли.

О, мамочка, родная,
Не упрекай себя. Всему, что знать должна я —
Научить жизнь...

Княгиня.

Быть можетъ — ты права.
Но гдѣ же Юрій?

Нелли.

Онъ сказалъ, что голова
Такъ у него болитъ, что хочеть онъ немного
Пройтись. Онъ болью головной
Все объяснялъ, но я... Не знаю, что со мной
Вдругъ сдѣлалось?

Княгиня.

Всему виной
Воображеніе, и вся твоя тревога —
Излишняя.

Нелли.

Ты думаешь?

Княгиня (*съ шутовой строгостью*).

Дитя!

Я побранить тебя готова не шутя.
Пойдемъ (*уходятъ въ домъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Нивлянская (*въ амазонкѣ*). Недовѣсковъ (*въ костюмѣ для верховой пѣзды*).

Нивлянская (*въ кулисъ съ правой стороны*).

Куда же вы идете? Вѣдь на лѣво

Сказала я... (*выходитъ на сцену*).

Недовѣсковъ.

Mais, ma parole,

Я не заслуживаю гнѣва

Подобнаго, вѣдь я играю роль

Проводника.

Нивлянская
И также неудачно,
Какъ и другія роли....

Недовѣсковъ.
Слишкомъ мрачно
Сегодня вы настроены, Suzanne.

Нивлянская (*нахмурясь*).
А это что за фамильярность? Право
Вы забываетесь...

Недовѣсковъ (*смѣшавшись*).
Pardon... Я... Это — дань
Невольная восторга...

Нивлянская.
Я вамъ права
На дань подобную не думала давать.

Недовѣсковъ.
Mais, chère madame, я васъ люблю...

Нивлянская.
Опять
За прежнее? Вы просто прогрессивно
Тупѣете....

Недовѣсковъ.
Mais non... de grâces... я буду ждать.

Нивлянская.
Я удивляюсь, какъ мнѣ не противно
Возиться съ вами! До сихъ поръ
Какъ у меня терпѣнія хватило!

Недовѣсковъ.
Mais, ma parole, моимъ желаньемъ было
Вамъ угождать... Я былъ вашъ souffre-douleur,
Оц, comme on dit: козелъ для очищенья....

Нивлянская (*смѣется*).
Ха, ха, ха, ха! Вы сами, безъ сомнѣнья,
Не знаете, какъ неподобны вы —
Весь съ ногъ до головы —
Съ костюмомъ вашимъ и жаргономъ!

Недовѣсковъ (*обидѣвшись*).

C'est trop déja! Подобнымъ тономъ
Обидѣться могу я, наконецъ?

Нивлянская я.

Обидѣться?

Недовѣсковъ.

Я вовсе не юнецъ...

Et sapristi! не такъ ужъ глупъ навѣрно...

Нивлянская я.

Какъ кажется? Вы судите невѣрно.

Повѣрьте мнѣ... En fait de sottise —

Вы получили бы, конечно, первый призъ

На выставкѣ...

Недовѣсковъ (*съ достоинствомъ*).

Madame...

Нивлянская (*строго*)..

Что? что такое?

Никакъ обидѣться вы вздумали? Сейчасъ,
Сейчасъ же перестать! Не въ первый это разъ

Вѣдь кажется...

Недовѣсковъ.

Mais ma foi... въ какое

Я положеніе поставленъ?

(*оробѣвъ отъ взгляда Нивлянской, покорно*).

Я молчу.

Нивлянская я.

И хорошо вы дѣлаете. Что же

Стоите вы? Я завтракать хочу

И вы, конечно, тоже?

Распорядитесь же....

Недовѣсковъ.

Лечу!

На крыльяхъ страсти...

Нивлянская я.

Стойте.

(*Недовѣсковъ останавливается*). Прикажете

Въ бесѣдкѣ накрывать, надъ взморьемъ. Ну, идите.

Скорѣе же...

Недовѣсковъ.

Pardon!

Крюшонъ позволите?

Пивлянская.

Конечно, и крюшонъ.

(Недовѣсковъ уходитъ налево).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Нивлянская потомъ Нелли.

Нивлянская (бросивъ на столѣкъ перчатки и хлысть, садится на скамью съ правой стороны. Лицо ея дѣлается мрачнымъ).

Какая гадость! Иногда приливы
Такого бѣшенства овладѣвають мной,
Такие дикіе порывы
Безумной злобы, что порой
Готова я себя и всѣхъ, кто предо мною —
Измучить, истерзать... Какою то волною
Вдругъ желчь поднимется, и весь,
Весь міръ противень мнѣ...
(послѣ паузы). Зачѣмъ я здѣсь?
Что надо мнѣ? Своимъ мѣщанскимъ счастьемъ
Пусть наслаждались бы! Она,
Дѣвчонка эта жалкая, княжна —
Внимала бы ему съ подобострастьемъ...
А онъ?.. О, какъ его я ненавижу! Нѣтъ,
Я положу конецъ! Его секретъ —
Въ моихъ рукахъ, и я употребить съумѣю
Оружіе свое.
(задумывается) А что-то съ нею,
Съ несчастной той? Ее мнѣ жаль.
Бываетъ иногда... Она едва ль
Повѣрила бы этому... Возможно,
Да, можетъ быть надъ ней
Могла бъ я сжалиться, я бъ уступила ей...
Но этой жалкой и ничтожной

Дѣвчонкѣ?.. Нѣтъ и нѣтъ!

Такъ называемый ихъ высшій свѣтъ
Не мало мнѣ нанесъ когда-то оскорбленій,
Тѣхъ мелочныхъ обидъ и униженій,
Которыя мучительнѣй всего.

Но я сочтусь... Я ничего

Имъ не прощу...

*(увидѣвъ на террасъ Нелли, быстро поднимается и
идетъ къ ней на встрѣчу).*

А! Вотъ сюрпризъ неожиданный!

Княжна!

Нелли *(полувопросительно)*.

М-ме Нивлянская?

Нивлянская.

Меня

Узнали вы?

Нелли.

Не сразу.

Нивлянская.

Да, со дня

Пріѣзда въ эти страны

Мы не встрѣчались, но ваши я черты
Запомнила, я живописью съ жаромъ
Когда-то занималась, и недаромъ
Поклонница большая красоты.

Нелли *(сдержанно)*.

Вы льстите мнѣ.

Нивлянская.

Ничуть. Мое знакомство съ вами

И съ вашею патап забыть могла ли я?

На пароходѣ цѣлыми часами

Болтали мы, какъ старые друзья.

Вы помните: смѣшила насъ семья

Традиціонная британцевъ флегматичныхъ,
Такихъ убійственно практичныхъ,
Съ путеводителемъ въ рукахъ?

Ахъ, да, болтаю я о пустякахъ

И не спрошу васъ о княгинѣ?

Нелли.

Мамап здорова, съ ней пройти къ долину
Условилися мы...

Нивлянская я.

Я васъ не задержу.
О вашемъ-же здоровьѣ я напрасно
Справлялась бы, вы разцвѣли прекрасно
За эти мѣсяцы.

Нелли.

Мерсі.

Нивлянская я (*окрадчиво*).

Я скажу
Нескромность, можетъ быть, и это слишкомъ смѣло?..
Но я давно... поздравить васъ хотѣла.

Нелли (*удивленно*).

Вы слышали?

Нивлянская я.

И до моей глуши
Дошло извѣстье... Я отъ всей души
Желаю счастья вамъ.

Нелли.

Благодарю.

Нивлянская я.

Я рада

Тѣмъ болѣе, что съ перваго же взгляда
Я полюбила васъ, а съ вашимъ женихомъ
Встрѣчалась въ петербургскомъ свѣтѣ.

Нелли.

Вы знаете его? О томъ
Онъ мнѣ не говорилъ.

Нивлянская я (*съ злой улыбкой*).

Знакомства эти

Позабываются легко.

Хотя... теперь все это далеко —
Мы съ нимъ встрѣчались тамъ въ кругу интимномъ
Почти что цѣлый годъ, въ гостепріимномъ
Салонѣ, гдѣ была хозяйкою одна

Изъ первыхъ звѣздъ разборчивой столицы.
 За ней поклонниковъ являлись вереницы —
 М-те Ратморцева... Я съ ней была дружна.
 (*съ ироніей*). Вы и о ней не слышали?

Нелли (*безсвязно*).

Не знаю...

Не помню... Кажется...

Нивлянская (*съ невиннымъ видомъ*).

Но я не понимаю...

Какъ странно! Вѣдь они
 Такъ часто видѣлись... Я помню, въ эти дни
 Носился даже слухъ...

. Нелли.

Какой?

Нивлянская.

Что онъ безумно

Влюбленъ въ нее, иль что она
 Серьезно имъ увлечена,
 Не помню хорошо... Едва-ль благоразумно
 Повѣрить сплетнямъ...

Нелли.

Да, конечно... Но затѣмъ
 Что-жь было съ нею, съ этой дамой?..

Нивлянская (*небрежно*).

Она, я слышала, уѣхала совсѣмъ.
 Отъѣздъ ея съ какой-то драмой
 Былъ связанъ... Съ мужемъ въ тотъ же годъ
 У ней произошелъ разрывъ или разводъ.
 Они разѣхались формально.
 Онъ скоро умеръ... Да, весьма печальна
 Ея исторія. Не слѣдовало мнѣ
 Рассказывать... Вы по моей винѣ
 Совсѣмъ разстроены... Я такъ неосторожна...

Нелли.

Ничуть... Но я должна...

Нивлянская.

. Безбожно

Я задержала васъ. Княгиня — мой поклонъ

И Юрью Львовичу. Быть можетъ онъ
Припомнить старину... (*Отходитъ съ любезнымъ поклономъ.*
Нелли неподвижно стоитъ на мѣстѣ).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Тѣ же. Недовѣсковъ.

Недовѣсковъ.

Madame, тамъ все готово:

И устрицы, и старое сабли!..

Et ma parole, даю вамъ слово,

Я завтракъ закажаль, какого...

Нивлянская (*прерывая его*).

Распорядитесь, чтобъ тѣмчасъ подвели

Намъ лошадей.

Недовѣсковъ (*растерянный*).

Mais, ma parole, а что же?..

А какъ же съ завтракомъ?

Нивлянская.

Опять одно и то же

Вамъ надо повторять?

Недовѣсковъ.

Mais non, j'y vais... Спѣшу...

(*Останавливается*). Но можетъ быть..

Нивлянская.

Не видно ни на іоту

Въ васъ послушанія.

Недовѣсковъ.

Madame...

Нивлянская.

Я приглашу

Обѣдать васъ къ себѣ. Отдайте же по счету,

И ѣдемъ. Намъ пора.

Недовѣсковъ (*покорно*).

О я готовъ. Daignez prendre mon bras...

(*Уходятъ направо. Въ кулисъ слышенъ смѣхъ Недовѣскова*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Нелли потомъ княгиня.

Нелли (*вздрыгнувъ и приходя оз себя*)

Смѣются? Надо мной?.. О, Боже!

Я брежу, кажется? Но что же

Все это значить... всѣ ея слова?..

Не понимаю я... Кружится голова...

Онъ не сказалъ, что зналъ ее когда-то!

Онъ обмануль меня! Она была богата,

Красавица — и онъ ее любилъ...

О, гдѣ найти мнѣ сидъ,

Чтобъ это вынести! А мама?

Что ей сказать? Что сдѣлать? Прямо

Спросить его? О, Боже, Боже мой! (*плачетъ, закрывъ лицо руками*).

Княгиня (*быстро сходитъ съ террасы*).

Ты здѣсь, дитя? Но что съ тобой?

Ты плачешь? Отчего?

Нелли (*обнимая ее*).

Не спрашивай. Мнѣ больно

Мнѣ тяжело...

Княгиня.

Ну, будетъ же... Довольно.

Побереги себя. Гдѣ Юрій?

Нелли.

Ничего

Не спрашивай... И не зови его...

Но приласкай меня такъ, какъ, бывало,

Меня ребенкомъ ты ласкала...

Княгиня (*сильно взволнованная*).

Что съ нею? Ты совсѣмъ больна,

Пойдемъ со мной. Ты отдохнуть должна

И успокоиться.

Нелли (*въ слезахъ*).

О, еслибы могла я!

Княгиня.

Ты послѣ скажешь мнѣ? Пойдемъ же, дорогая.

(*Уводитъ Нелли въ домъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Астальцевъ (*слѣва*) потомъ Инна Павловна.

Астальцевъ.

Сомнѣнья нѣтъ... Все слишкомъ, слишкомъ ясно.

Черты ребенка, этотъ взоръ,

Въ которомъ я читалъ, казалось мнѣ, укоръ —

Онъ что-то новое мучительно и властно

Въ душѣ моей вдругъ пробудилъ собой.

Я смутно чувствовалъ, что я уже привязанъ

Къ ней, къ этой дѣвочкѣ, что съ ней духовно связанъ

Я навсегда, что ей я не чужой.

И что она мнѣ также не чужая...

Возможно ли, чтобы судьба слѣпая

Такъ подшутила надо мной

Безмысленно, нелѣпо и жестоко?

Мнѣ дочь моя останется далекой

Всю жизнь и навсегда!

Да, бездна цѣлая страданія, стыда

И оскорбленія, что глубже, чѣмъ могила —

Насъ съ матерью ея навѣки раздѣлила.

И все-жъ я долженъ увидаться съ ней,

Поговорить... Какъ память прежнихъ дней

Ни тяжела — оно необходимо...

Я напишу сейчасъ же ей,

Откладывать — вдвойнѣ невыносимо...

Да, я пойду... (*Идетъ къ дому и встрѣчается съ
Инной Павловной, спускающейся съ террасы. Оба пора-
жены. Пауза.*)

Астальцевъ.

Вы? Это вы?

Инна (*отшатнувшись, глухо*).

Зачѣмъ,

Зачѣмъ вы здѣсь?.. Я... Я не знала...

Астальцевъ (*въ сильномъ волненіи*).

Намъ объясниться надо... Я затѣмъ

Къ вамъ шелъ сейчасъ.

Инна

Ко мнѣ?..

(*Съ ненавистью*). Но развѣ мало
Ужъ одного того, что я опять
Встрѣчаю васъ?..

Астальцевъ.

Мнѣ нужно вамъ сказать...

Инна (*глядя на него въ упоръ*).
Вамъ нечего мнѣ говорить. Межъ нами
Все сказано.

Астальцевъ.

Я знаю, мы врагами
Разстались, но... но я узналъ одно...
Извѣстіе, которое равно
Обоихъ васъ касается... Простите,
Я долженъ настоять...

Инна (*съ холоднымъ презрѣніемъ*).

Обоихъ насъ оно
Касаться никогда не можетъ...
(*взглядомъ приказывая ему отойти*). Пропустите.

Астальцевъ (*дѣлая къ ней шагъ*).

Я не могу...

Инна (*съ ѣдкой ироніей*).

Употребите
Вы можете быть насиліе? Къ нему
Не въ первый разъ вамъ прибѣгать придется.
(*Астальцевъ вздрогнувъ и поблѣднѣвъ, невольно отшат-
нулся. Она проходитъ мимо него въ аллею направо*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Астальцевъ (*одинъ*).

Я чувствую, что къ мозгу моему
Вся кровь прихлынула и сердце бьется...
Весь ужасъ моего былого, весь позоръ —
Воскресли вновь... Какой ужасный взоръ,
Исполненный холоднаго презрѣнья
Она мнѣ кинула... Какое оскорбленье

Въ ея рѣчахъ и тонѣ! Но судьбой
 Устроено все это не случайно:
 Какою бы то ни было цѣной —
 Я свижусь съ ней и овладѣю тайной!...

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ IV-е.

(Номеръ, занимаемый Инной Павловной въ гостинницѣ. Направо — большое окно-балконъ, налѣво — дверь въ спальню, въ глубинѣ — входная дверь. Мягкая мебель, цвѣты. Изъ окна видны деревья сада. Вечеръ. Закатъ солнца. Возлѣ окна большое, мягкое кресло, близъ него столикъ. Налѣво — кушетка. На столѣ въ глубинѣ — графишь съ водой и флаконъ съ солями).

(При поднятіи занавѣсы Инна Павловна полулежитъ на кушеткѣ, передъ нею стоитъ няня, благообразная старушка, въ темномъ платьѣ и чепцѣ).

ЯВЛЕНИЕ I.

Инна. Няня.

Инна.

Что Ниночка не просыпалась, няня?

Няня.

Спать по сейчасъ — какъ только вы уйти
 Изволили. Который день въ пути —
 Измаялся ребенокъ.

(Помолчавъ). Мнѣ ужъ Таня

Привратъся помогла, а то вѣдь не найти
 И толку здѣсь, въ гостинницѣ-то этой...

Инна.

Привыкнете, Матвѣевна, за лѣто.

Няня.

Дай Господи, чтобъ полегчало вамъ,
 А ужъ о насъ невелика забота.

И н н а.

Что Ниночкѣ удобно будетъ тамъ?

Н я н я.

Чего удобнѣе.

И н н а.

Не знаю, отчего то

Мнѣ показалось вдругъ, что нынче видъ у ней
Болѣзненный?

Н я н я.

Ничуть и не бывало,

Сударыня, она со мной гуляла

До этихъ самыхъ до камней

У пристани. Тамъ съ Ниночкой то нашей

Все занималась барышня одна,

Мнѣ сказывали здѣсь: прїѣзжая княжна.

Онѣ живутъ насупротивъ съ мамашей.

И н н а.

А больше никого?..

Н я н я.

Потомъ еще одинъ

Тамъ приходилъ какой то господинъ,

Чудной должно быть... Онъ на Ниночку сейчасъ же

Какъ выглянетъ—я испугалась даже.

Онъ точно отродясь не видывалъ дѣтей...

А изъ себя—высокій да красивый.

И н н а (*быстро и тревожно*).

Но онъ не подходилъ? Не говорилъ онъ съ ней?

Н я н я.

Какъ можно!

И н н а.

Да, здѣсь не должны вы

Ни съ кѣмъ знакомиться. Мы въ первый разъ въ Крыму

И никого не знаемъ... Никому—

Вы слышите?—быть возлѣ Нины

Не позволяйте.

Н я н я.

Нѣтъ, сударыня...

И н н а.

Причины

Есть у меня для этого. Теперь
Вы можете идти. Плотнѣй закройте дверь.
Я выбрала подальше помѣщенье,
Чтобъ кашлемъ не будить ребенка по ночамъ.

Н я н я.

А не послать ли Таню къ вамъ?

И н н а.

Она идти гулять просила позволенья.
Пускай идетъ. Я поздно лягу спать.
(няня уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

И н н а потомъ Астальцевъ.

И н н а.

Навѣрно это онъ... Опять
Мы съ нимъ встрѣчаемся! Шесть лѣтъ страданій,
Шесть долгихъ лѣтъ отчаянья и слезъ,
Со всею горечью воспоминаній—
Ужель напрасно ихъ мнѣ пережить пришлось?
И этотъ человѣкъ такъ низко, недостойно,
Втоптавшій въ грязь мою любовь—
Онъ... Онъ заговорить со мной рѣшился вновь?..
Но неужели же и умереть спокойно
Я не могу, и онъ отравитъ дни
Послѣдніе...
(*посль паузы*). Все, все взяла съ неумолимой
Жестокостью судьба... Остались лишь одни
Страданія, одинъ позоръ неизгладимый!..
(*услышавъ шумъ на балконъ, поднимаетъ голову и видитъ
въ дверяхъ Астальцева*).

И н н а (*быстро поднимаясь*).

Вы?.. Я прошу васъ выйти вонъ!
Я позвоню... (*протягиваетъ руку къ звонку,
онъ удерживаетъ ее*).

А стальцевъ.

Минуты разговора

Прошу я только... Я былъ принужденъ
Ворваться къ вамъ, но я не для укора
Пришелъ сюда, и не для мести, вѣтъ...

Я въ продолженіи этихъ лѣтъ
Собою овладѣлъ... Но вы должны отчасти
Исправить сдѣланное зло.
Я васъ прошу и это — въ вашей власти.

Инна (*съ ироніей*).

Такъ васъ сюда не мщенье привело?

И мнѣ простить великодушно
Вы согласились можетъ быть?

(*съ порывомъ инна*).

Вы видите, что съ вами говорить
Намъ больше не о чемъ! Вѣдь если такъ бездушно
Вы бросили меня — такъ, значить, я была
Негодной женщиной, и заслужить могла
Всѣ оскорбленія... А допуская,

Что я права — то негодяя

Сыграли вы: такъ, значить, разговоръ
Въ обоихъ случаяхъ — излишній между нами.
Оставьте же меня.

А стальцевъ.

Я долженъ съ вами,

И буду говорить. Вашъ гнѣвный взоръ

Не страшенъ мнѣ... И неужели

Пришелъ бы я сюда, когда-бъ о важномъ дѣлѣ
Не надо было мнѣ... Когда бы рѣчь не шла —
О нашей дочери...

Инна.

Я запрещаю

Вамъ говорить о ней! Она росла

Чужою вамъ, и я не допускаю

Вмѣшательства... Она — моя.

Вы слышите? и болѣе ничья!

Ее въ стыдъ и горѣ я носила,

Ее вскормила, вырастила я,

И для нея одной я жизнь переносила!

Она — чужая вамъ... Она не знаетъ васъ!
 За эти всѣ года хоть разъ
 Вы увидать ее пытались?

А стальцевъ.

Голосъ крови
 Молчалъ во мнѣ. О, не сдвигайте брови...
 Вѣдь я не зналъ, что я—отецъ.

Инна.

Не знали вы?..

А стальцевъ.

Когда жъ я, наконецъ,
 Узналъ, увидѣлъ самъ — во мнѣ проснулось что то,
 Мнѣ непонятное... Я самъ себѣ отчета
 Не отдавалъ, я чувствовалъ одно,
 Что долѣе такъ быть не можетъ, не должно,
 Что съ этой дѣвочкой я связанъ всей душою,
 И дочь моя не можетъ мнѣ чужою,
 Далекою остаться навсегда...

Инна.

Но можетъ ли она вамъ быть родной и близкой, —
 Дочь женщины, такъ низко
 Успѣвшей пасть? Пятно стыда
 И васъ запачкаетъ...

А стальцевъ.

Въ васъ говоритъ вражда.
 Быть можетъ, слишкомъ беспощадно
 Я съ вами поступилъ тогда...

Но я и самъ страдалъ: такую безотрадной,
 Мучительной — вся эта страсть была.
 Обидами безъ мѣры и числа
 Другъ друга мы терзали безразсудно.
 Но это прошлое мы можемъ обоюдно
 Предать забвенію. Съ ребенкомъ иногда
 Хотѣлъ бы я видаться...

Инна.

Въ самомъ дѣлѣ?
 Но этого не будетъ! Никогда!
 Вы слышите?.. И вы надѣяться посмѣли?..

Нѣтъ, ни за что и никогда!
 О, вы страдали слишкомъ мало
 Въ сравненѣ съ тѣмъ, какъ я страдала,
 И ваша очередь пришла...
 Да, это ваша дочь, но умерла
 Она для васъ. Свершилось правосудье...
 Вы надо мной когда-то въ судьи
 Поставили себя, но просто палачемъ
 Явились вы. Предъ вами я ни въ чемъ
 Виновна не была, а вы — вы все убили
 Во мнѣ: и жизнь, и счастье, и честь —
 Все, что святого въ мирѣ есть,
 Завѣтнаго... И это вы забыли?
 Награды ждете вы за грѣхъ,
 За преступленіе?

А стальцевъ.

Такъ это я во всѣхъ
 Несчастьяхъ виновать? Вы смѣете со мною
 Такъ говорить? Не вы-ль тому виною,
 Что ваша дочь лишилася отца?...
 Инна (*съ возрастающимъ волненіемъ и силою*).
 Вы, только вы съ начала до конца,
 Всему виной! Въ своемъ уединенѣ
 Ужель я провела въ страданьяхъ столько лѣтъ,
 Чтобъ встрѣтить вновь все тѣ же оскорбленья
 И ту же клевету? Я не виновна, нѣтъ!
 Взгляните мнѣ въ глаза: но развѣ этотъ голосъ
 И эти взоры могутъ лгать?
 Я съ клеветою не боролась,
 Но вамъ теперь я повторю опять,
 Что истину должно узнать:
 Она откроется — иль свѣтъ не будетъ свѣтомъ!
 Я не солгу. Теперь какая цѣль,
 Какая польза въ этомъ!
 Вѣдь я осуждена... Черезъ нѣсколько недѣль,
 Черезъ мѣсяць — но развязка близко,
 Во всякомъ случаѣ... Записка,
 Которой вы повѣрили тогда —
 Вѣдь вамъ Нивлянская ее прислала?

А стальцевъ.

Да.

Почемъ вы знаете?

Инна.

Я угадала.

Я много думала и стало
Понятно мнѣ... Ее писала я въ отвѣтъ
Ратморцеву, когда ему дала я слово...

Астальцевъ (*въ волненіи*).

Но почему же столько лѣтъ
Молчали вы и не пытались снова
Все объявить? Зачѣмъ отъѣзду моему
Не помѣшали?

Инна (*съ глубокой горечью*).

Почему?

Но развѣ я могла? Вы безъ сомнѣнья
Забыли все: и ваши подозрѣнья,
И мнительность? Весь стыдъ
И униженіе обидь,
Мнѣ ежедневно наносимыхъ?
Забыли вы какъ обошлись со мной
Въ послѣдній день? Оставшия одной,
Подъ гнетомъ мукъ невыразимыхъ,
Я все же васъ не повалѣ...

(*волненіе ея усиливается; она слабѣетъ*)

Вѣдь развѣ васъ я убѣдить могла?
Вы вѣрите теперь? Но эта вѣра
Явилась поздно...

(*задыхается*). Да, исполнилася мѣра...

Все сгублено... все вами въ грязь
Затоптано... Уйдите... Дольше васъ
Не въ силахъ видѣть я... Уйдите...
(*пошатнулась; Астальцевъ поддерживаетъ ее*).

Астальцевъ.

Инна!

Съ ней обморокъ... (*Опускаетъ ее на кушетку и на-
клоняется надъ ней*).

Очнись... Приди въ себя!.. (*нажимаетъ пуговку звонка.
Входитъ лакей*).

Скорѣе доктора! (*лакей поспѣшно уходитъ. Возвра-
щается къ Иннѣ, лежащей безъ чувствъ*).

Уже-ль я неповинно
 Могъ оскорбить тебя?
 Прости меня... Всей живнiю своею
 Я искуплю...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же. Докторъ (*изъ входной двери*), за нимъ лакей.

Астальцевъ (*идетъ на встрѣчу къ доктору*).

Вы? Слава Богу!.. Съ нею
 Нехорошо... (*оба подходятъ къ кушеткѣ*).

Докторъ (*щупая пульсъ у Инны*).

Вы съ ней наединѣ
 Здѣсь говорили?

Астальцевъ.

Да. Скажите мнѣ...

Докторъ (*лакею*).

Скорѣ льду... Въ одно мгновенье!
 (*лакей скрывается*).

Гдѣ спиртъ?.. Вотъ тамъ въ графинѣ есть вода...
 (*Оба съ Астальцевымъ стараются привести Инну въ чувство*).

Она очнулась (*дѣлаетъ знакъ Астальцеву отойти*)...
 Что, вамъ лучше?

Инна (*слабымъ голосомъ*).

Да...

(*узнавъ доктора, съ изумленiемъ*). Какъ! Это вы?

Докторъ (*стараясь говорить бодро и весело*).

Я самъ. Но я такого мнѣнья,
 Что говорить не надо вамъ... Туда
 Пожалуйте со мной. Тамъ спальня, безъ сомнѣнья?
 (*указываетъ на дверь нальво*).

Привстать вы можете? Вотъ такъ
 (*бережно поддерживая Инну, уводитъ ее нальво. Астальцевъ молча ходитъ по сценѣ. Черезъ минуту докторъ возвращается; въ это время изъ входной двери входитъ лакей, держащiй тарелку со льдомъ*).

Докторъ.

Ты ледъ принесъ? Бѣги въ аптеку... Живо!
(*подаетъ ему рецептъ*). Сейчасъ дадутъ
(*Лакей уходитъ*).

Астальцевъ.

Что съ ней?

Докторъ.

Какой нибудь пустякъ —
И я боюсь возможности разрыва
Артеріи...

(*увидѣвъ, что Астальцевъ пораженъ*).

Но не тревожьтесь такъ...

Авось Богъ милостивъ... (*быстро уходитъ нальво*).

Астальцевъ (*одинъ*).

Черезъ меня быть можетъ?

Ускорилъ я?... Какъ сердце гложетъ

Мнѣ эта мысль! Умереть? Она умереть? (*вздрыгнувъ*).

Какъ это странно все, какъ дико и нелѣпо!

Когда ее я обвинялъ такъ слѣпо,

Мнѣ никогда такой исходъ

Не приходилъ на мысль. Я всѣ старанья

Употреблялъ, чтобъ даже состраданье

Глушить въ себѣ, и вотъ

Чѣмъ все окончилось!

(*Снова начинаетъ ходить по комнатѣ и, машинально по-
дойдя къ балкону, начинаетъ смотрѣть въ окно. Съ нѣ-
которымъ удивленіемъ*).

Что это? Неужели

Не ошибаюсь я? Княгиня? съ нею Нелли?

Садятся въ экипажъ... Уѣхали... Куда?

Я позабылъ, бродя среди ущелій,

Что цѣлый день не заходилъ туда!

А между тѣмъ вѣдь я обязанъ

Имъ объяснить... Я словомъ связанъ...

Кто тамъ?

ЯВЛЕНИЕ IV.

Горничная (*изъ входной двери*), потомъ докторъ.

Горничная (*подаетъ Астальцеву письмо*).

Княгиня вамъ просили передать.

Астальцевъ (*взявъ письмо*).

Ступайте.

(*Горничная уходитъ. Онъ распечатываетъ письмо и быстро пробѣгаетъ его глазами, потомъ снова перечитываетъ*).

Это что? Открылась имъ случайно

Какая-то въ моемъ прошедшемъ тайна,

Исторія любви... Дня черезъ три иль пять

Ждутъ въ Симеизъ къ себѣ для объясненья,

Иль просятъ написать....

(*съ грустной улыбкой*). Какое совпаденье!

Я напишу

(*увидѣвъ доктора, который входитъ*). Ну, какъ же вы ее оставили?

Докторъ (*уклоняясь отъ отвѣта*).

Съ ней Таня, и питье

Я приготовилъ ей.

(*замѣтивъ въ рукѣ Астальцева письмо*). А это что?

Астальцевъ.

Прочтите (*подаетъ ему письмо*).

Я долженъ дать немедленно отвѣтъ.

Читайте!

Докторъ (*пробѣжавъ письмо, складываетъ его и пристально смотритъ на Астальцева*).

Что же вы рѣшите

Туда поѣхать?

Астальцевъ.

Нѣтъ.

Докторъ (*пожимая ему руку*).

Я это зналъ.

Астальцевъ.

Предъ дѣвушкою милой

Я виновать, и всею силой
 Души моей жалѣю я о томъ.

Но передъ Инною въ быломъ
 Я болѣе виновень, безъ сравненья.
 Съ княжною — мать. Притомъ она такъ молода,
 Она совсѣмъ дитя; въ ея годѣ
 Все забывается. У ней одно презрѣнье
 Въ душѣ останется ко мнѣ,
 Когда она въ моей винѣ
 Увѣрится, когда она узнаеть
 Хоть часть ея.

Докторъ.

Да, молодость бываетъ
 Въ своихъ сужденіяхъ строга,
 Ей правда слишкомъ дорога
 И справедливость.

Астальцевъ.

Я въ письмѣ къ княгинѣ
 Себя не пощажу. Отвынѣ
 Все это кончено навѣкъ.

Докторъ.

Вы поступаете какъ честный человѣкъ.
 Я не ошибся въ васъ.

Астальцевъ.

Да, я вздохнулъ свободно.
 И если жизнь моя
 На что нибудь еще пригодна —
 Ее отдамъ сейчасъ же я
 Всю этой женщиѣ, которую такъ долго
 Я оскорблялъ.

Докторъ.

Боюсь, что ненадолго
 Она понадобится ей.

Астальцевъ.

Ей хуже?..

Докторъ.

Повторился съ ней

Такой же обморокъ, на этотъ разъ — сильнѣй.
 Придя въ себя, она за няней
 Послала... Дѣвочку сейчасъ же принесуть.
 И я ушелъ на нѣсколько минутъ —
 Свидѣтели такихъ прощаній
 Излишніе.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же. Таня (*выходитъ слева*).

Таня (*заплаканная*).

Тамъ барыня встають,
 Хотятъ придти сюда... Имъ принесли пилюли...
 А барышня какъ плакали! Всплакнули
 И обѣ мы... (*утираетъ глаза*).

Докторъ (*раздраженно*).

Не плакать надо тутъ,
 А дѣло дѣлать... (*уходитъ съ Таней въ спальню*).

Астальцевъ (*съ отчаяніемъ*).

Слишкомъ поздно...

Она права...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Астальцевъ. Инна, которую поддерживаетъ докторъ.

Инна (*въ пелюдь, очень блѣдна и слаба*).

Я, кажется, серьезно
 Васъ напугала всѣхъ?..
 (*Докторъ усаживаетъ ее въ кресло съ правой стороны*).

Но скоро помогло
 Лекарство мнѣ... Спасибо вамъ...

Докторъ.

Пониже

Подушку опустить?

Инна.

Да, да... Мнѣ тяжело
 По временамъ дышать... Пожалуйста, поближе

Къ балкону... Такъ... Тутъ лучше... Вѣтерокъ...
(Астальцевъ тихо и молча опускается на колѣни возлѣ
ея кресла).

Инна.

Вы здѣсь? Вы плачете... Не надо...

Астальцевъ.

Прости меня... Я былъ жестокъ
И низокъ. Для меня немислима пощада
И оправданіе, но я любилъ тебя —
И оскорбляя, и губя,
И мучая любилъ... Любилъ, не сознавая,
Что я люблю...

Инна.

Не плачь,
Не надо... Я — теперь другая,
Я поняла — и не виню... Не прячь
Лицо свое... Я виновата тоже...

Астальцевъ.

Себя? себя ты обвиняешь? Боже!

Инна.

Съ жестокостью чрезмѣрною сама
Тебя я здѣсь корила за бывшее,
Во мнѣ проснулось чувство злое...
Да, въ этотъ мигъ сходила я съ ума.
Я обезумѣла... Я тоже... Я напрасно
Съ собой боролась эти всѣ года.
Я думала, что ненавижу страстно...
Но я всегда...
Тебя любила...

Астальцевъ.

Ты? Всѣ годы эти?

И я не зналъ — до нынѣшняго дня!
И вотъ теперь нѣтъ больше силъ на свѣтъ,
Которыя могли-бъ вернуть
И измѣнить хоть въ чемъ нибудь
Прошедшее...

Инна.

Мой бѣдный Юрій,
 Не упрекай себя, забудь...
 Что дѣлать?.. Мы не ждали бури,
 Она пришла... Но вскорѣ за грозой
 Настанетъ отдыхъ и покой,
 Покой глубокій... Онъ — я знаю — недалеко...
(въ изнеможении прислоняется головою къ подушкѣ).

Астальцевъ *(съ отчаяніемъ)*.

Не говори... Судьба не можетъ такъ жестоко
 Наказывать! Теперь, когда возвращена
 Ты мнѣ опять?... Ты жить должна,
 Ты будешь жить...

Инна *(вдругъ начинаетъ метаться)*.

Какъ тяжело мнѣ стало...
(докторъ быстро подходитъ). Лекарство дайте поскорѣй...
(докторъ даетъ ей лекарство).

Окно... Окно откройте... Мало
 Здѣсь воздуха...

(Инна теряетъ сознание).

Докторъ *(Астальцеву)*.

Виски смочите ей...

(Оба стараются привести ее въ чувство. Инна снова открываетъ глаза).

Инна.

Я, кажется, сознанье потеряла?
 Теперь легко... Но только боль въ груди.
 Ты, Юрій, здѣсь? Не уходи...
(начинаетъ бредить). А Нивочку ко мнѣ не приносили?
 Я видѣла ее... всю въ бѣломъ... И она
 Мнѣ улыбалась... Няню не забыли
 Предупредить, что Инна не должна
 Съ чужими говорить?
(на минуту приходитъ въ себя). Но что со мною?
 Я брежу, кажется? И то, что я съ тобою,
 И это вижу я во снѣ?

Астальцевъ.

Нѣтъ, наяву.

Инна.

Ты часто снился мнѣ...
 Мнѣ видѣлось, что ты — со мною снова,
 И все забыто — всѣ страданія былого...
 (*помолчавъ*). Мой сонъ сбился.

Астальцевъ.

О, Инна!

Инна (*въ полузабытѣ*).

Я вполнѣ,
 Глубоко счастлива... Страданья и сомнѣнья
 Забыты всѣ... Пришло успокоенье,
 Пришло...
 (*вздрыгнувъ, поднимается съ блуждающимъ взглядомъ*).
 Вы слышите? Зовутъ...
 Меня зовутъ... Вотъ Нина тутъ
 И Юрій съ ней... Пустите
 Меня къ нему... Вѣдь онъ вернулся... не держите...
 Вернулся онъ!..
 (*падаетъ, Астальцевъ подхватываетъ ее и кладетъ на кушетку, докторъ наклоняется надъ ней*).

Астальцевъ.

Она еще жива?

Докторъ (*отходитъ*).

Все кончено.

Астальцевъ (*задыхаясь*).

Вы правы... Съ нею
 Все кончено... Себя я наказать съумѣю
 За эту смерть...
 (*хочетъ броситься къ двери, докторъ его удерживаетъ*).

Докторъ (*съ силой*).

Безумецъ! Вамъ слова
 Последнія ея не указали ясно
 Вашъ долгъ? Она видала не напрасно
 Васъ рядомъ съ дочерью... Передъ ея лицомъ
 Клянитесь мнѣ исправить заблужденье.

Ребенку этому вы будете отцомъ —
Вотъ — жизни вашей цѣль.

Астальцевъ (*понежному пришедшій въ себя, тихо*)
Да, цѣль и искупленье...

(*Занавѣсъ*).

О. Чюмина

Конецъ

* * *

Всѣ, что въ мірѣ отстрадали
Между сильными земли,
Всѣ, что прожили въ печали
И съ надеждой отошли
    Въ царство мысли безтѣлесной,
    Стали вѣрить безъ конца,
    Слились съ радостью небесной
    Въ лонѣ Духа и Творца.

И межъ тѣмъ, какъ мы страдаемъ
Отъ сомнѣній роковыхъ
И печально поминаемъ
Уходящихъ отъ живыхъ,
    Можетъ быть они за далью,
    Недоступной для очей,
    Молятъ съ кроткою печалью
    За покинутыхъ людей —

Чтобы свѣтлыя желанья
Опечаленныхъ земли
Тяжкой пыткой мірозданья
Оправданія нашли,
    Чтобы съ ними царству свѣта
    Пріобщились и они,
    Не нашедшіе привѣта
    Въ наши пасмурные дни...

К. Фофановъ

Психическое состояніе выродившихся *)

По Маньяну

Ученіе о вырожденіи, возникшее въ сравнительно очень недавнее время, привлекло къ себѣ вниманіе очень многихъ европейскихъ ученыхъ, было подхвачено, разносторонне обработано и въ настоящее время является очень важною составною частью общей психіатріи и особенно той ея части, которая занимается изслѣдованіемъ преступленій.

Подъ выродившимся, понимая это выраженіе въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, слѣдуетъ разумѣть человѣка съ болѣе или менѣе рѣзко нарушеннымъ равновѣсіемъ психической дѣятельности. Главные признаки вырожденія вообще проявляются въ сферѣ духовной дѣятельности; однако нельзя сказать, чтобы они не выступали и на физическомъ строеніи человѣка, выражаясь въ нѣкоторыхъ выдающихся въ глаза отступленіяхъ отъ нормы въ фигурѣ черепа и другихъ частей тѣла. Основую происхожденія этихъ отступленій отъ нормы является, разумѣется, наслѣдственность. Наслѣдственные выродки — самый многочисленный классъ этого рода поврежденныхъ натуръ. Можно почти безошибочно утверждать, что въ ряду ближайшихъ предковъ каждаго вырожденнаго навѣрное отыщутся люди нервнобольные или психически разстроенные, которые передали ему свои отступленія отъ нормы по столь же естественному закону, по какому всё мы заимствуемъ отъ нашихъ родителей цвѣтъ волосъ, глазъ, ростъ, сложеніе, доброту, сварливость и т. д., и т. д. Часто по наслѣдству передается только наклонность къ разстройству душевныхъ способностей, но не-

*) Настоящая замѣтка составлена по лекціи, читанной въ Парижѣ, въ пріютѣ для душевнобольныхъ св. Анны, извѣстнымъ французскимъ психіатромъ Маньяномъ. Лекція напечатана цѣликомъ въ одномъ изъ іюльскихъ номеровъ „Revue Scientifique“.

рѣдки и такіе случаи, когда отъ родителей къ потомству переходитъ самая форма разстройства, воспроизводясь на потомкахъ во всѣхъ ея подробностяхъ. Такая передача особенно часто наблюдается въ области періодически наступающихъ нарушенийъ духовнаго равновѣсія, о которыхъ рѣчь у насъ будетъ впереди. Такъ, мы видимъ людей, которые приходятъ въ ужасъ при видѣ собакъ, пауковъ и т. д. или не могутъ выносить прикосновенія къ извѣстнымъ предметамъ, напр. мѣднымъ монетамъ, и которые прямо унаслѣдовали эти странности отъ родителей. Легко и часто передаются всякаго рода превратные и противоестественные вкусы, привычки, физиологическія отправления и т. п.

Однако же наслѣдственность не должна заслонять отъ насъ другихъ факторовъ, явно вліяющихъ на образованіе признаковъ духовнаго вырожденія въ человѣкѣ. Замѣчено, что на дѣтяхъ иногда очень неблагоприятно отзываются даже ничтожныя безпорядки, въ которыхъ могутъ обрѣтаться родители въ моментъ зачатія, напр. опьяненіе. Болѣзни, приключающіяся съ матерью во время беременности, очень часто отзываются неправильностями въ умственной дѣятельности ребенка. Къ этого же рода воздѣйствіямъ относятся заразные болѣзни, перенесенныя въ дѣтствѣ; онѣ иной разъ просто на просто останавливаютъ на мертвой точкѣ умственное развитіе ребенка; такіа дѣти могутъ даже казаться пораженными врожденнымъ идиотизмомъ или тупоуміемъ, имѣющими всѣ внѣшніе признаки наслѣдственности.

Итакъ, нарушеніе духовнаго равновѣсія принимается за главный признакъ вырожденія. Для того, чтобы ближе вникнуть въ признаки и проявленія этого нарушеннаго равновѣсія прослѣдимъ ходъ правильнаго, нормальнаго развитія духовныхъ силъ у здороваго ребенка. Въ теченіе первыхъ дней своей жизни ребенокъ свершаетъ процессъ чисто растительной жизни. Войдя въ жизнь, онъ вдругъ оказывается окруженнымъ массою факторовъ новой и чуждой для него среды, вызывающихъ въ немъ чрезвычайно энергическую реакцію; младенческій организмъ быстро вступаетъ въ первую школу ощущеній и бессознательныхъ движеній. Дыханіе, сердцебіеніе, пищеварительныя отправления, кормленіе все это для него совершенно неосмысленныя движенія и акты. Но первый періодъ чисто животной жизни быстро проходитъ. Передъ ребенкомъ понемногу начинается распахиваться дверь, за которою для него былъ скрытъ внѣшній міръ. Зрѣніе, слухъ, обонаніе, вкусъ мало по малу входятъ въ свои права и знакомятъ малютку все ближе и ближе съ окружающею средою. Такимъ путемъ понемногу выступаютъ на сцену все новыя области мозга, кото-

рымъ находится соответствующая работа. Накопляющіяся впечатлѣнія образуютъ въ мозгу запасы, которые служатъ къ постепенному образованію общихъ представленій, идей; отъ идей умственная дѣятельность переходитъ къ опредѣленіямъ предметовъ и понятій, образующихъ первые шаги мышленія. Чувственно-двигательная дѣятельность мозга переходитъ въ мыслительно-двигательную; обнаруживаются акты проявленія свободной воли. Переходъ, слѣдовательно, идетъ по направленію отъ чисто растительной жизни къ инстинктивной и, наконецъ, къ сознательной, разумной. Разные виды мозговой дѣятельности—вниманіе, сужденіе, размышленіе, воля и т. д.—развиваются постепенно, параллельно, дружно, равномерно. Разумное существо доходитъ, наконецъ, до отчетливаго различенія истиннаго отъ ложнаго, хорошаго отъ дурнаго; образуется здоровое нравственное чувство. Но, конечно, для того, чтобы мозгъ совершилъ весь циклъ своего развитія въ такомъ благополучномъ порядкѣ, необходимо, чтобы онъ былъ здоровъ, невредимъ и во всѣхъ отношеніяхъ нормаленъ. Если же случится, что на первыхъ же порахъ развитія что либо поразитъ мозгъ, нанесетъ ему хотя бы и незначительное поврежденіе, тотчасъ же вся нормальная картина развитія искажается. Возникаютъ отклоненія отъ нормы, проявляются самые странные акты душевной дѣятельности, самыя отталкивающія проявленія безнравственности, словомъ, развертывается картина нарушеннаго равновѣсія духовной дѣятельности.

На самой низкой ступени этого нарушеннаго равновѣсія духовной дѣятельности стоитъ идиотизмъ, осуждающій человѣческое существо на чисто растительное существованіе. Идиотъ чуждъ всему окружающему. Онъ смотритъ, но не видитъ, слушаетъ, но не слышитъ, нюхаетъ, ощущаетъ вкусъ, но не знаетъ ни обонятельныхъ, ни вкусовыхъ ощущеній. Идиотъ—это автоматъ, находящійся въ полной власти внѣшней среды, противъ которой ему не дано силы разумно дѣйствовать, сколь бы чувствительны и вредны для него ни были воздѣйствія этой среды. Но случается, что при глубокомъ пораженіи мозга верхнія доли его остаются нетронутыми, нормальными. Тогда картина нѣсколько измѣняется въ благопріятную сторону; передъ нами уже не идиотъ, а слабоумный. Онъ ощущаетъ воздѣйствія внѣшней среды и одаренъ способностью къ нѣкоторому сопротивленію ей. У него уже имѣются опредѣленные аппетиты, похоти, и онъ стремится удовлетворить ихъ какъ умѣетъ. Идиотъ, „ничего же сумяшеса“, погибнетъ отъ голода, будучи окруженъ пищею, а съ слабоумнымъ такого печальнаго казуса уже не можетъ случиться; онъ умѣетъ ѣсть, когда голоденъ. Теперь поднимаемся еще выше одною ступенью. Мозгъ пора-

женъ и въ сильной степени, но въ немъ цѣлы, невредимы и нормальны цѣлыя участки; складки мозга всѣ на своемъ мѣстѣ и ихъ извилины только не такъ глубоки и отчетливы. Субъектъ, обладающій такою мозговою сокровищницею, будетъ, конечно, отличаться замѣтнымъ скудоуміемъ, очень вялою психическою дѣятельностью, будетъ то, что называется съ придурью, но уже не идиотъ и не слабоумный. Еще одна ступень вверху, и предъ нами субъектъ, который на первый взглядъ не представляетъ ровно ничего ненормальнаго. Однако же тщательно веденное наблюденіе отерываетъ въ немъ такія нарушенія духовной дѣятельности, по которымъ не трудно опредѣлить, что его мозгъ въ извѣстныхъ своихъ частяхъ претерпѣлъ замѣтныя поврежденія. Въ настоящее время мозгъ и его отправленія на столько изучены, что по внѣшнимъ проявленіямъ психической дѣятельности можно судить какая часть мозговаго вещества и въ какой мѣрѣ поражена.

Но что же, въ сущности, представляетъ собою такой выродившійся субъектъ высшаго порядка? Очень часто онъ уменъ, развитъ, образованъ, блещетъ какимъ нибудь талантомъ, но... совершенно начисто лишентъ нравственнаго чувства; съ умственной стороны онъ—геній, съ нравственной—идиотъ. У другихъ видимъ какъ разъ обратную картину. Субъектъ нравственно здоровъ и нормаленъ, но его умственная сокровищница преисполнена прорѣхъ и пробѣловъ. Тутъ какъ будто видишь передъ собою какую-то плоскость съ мертвыми точками, на которыхъ совершенно не задерживаются извѣстныя впечатлѣнія. Каждый, наблюдающій нѣкоторое время за такимъ человѣкомъ, бываетъ пораженъ неравною его умственныхъ способностей, полнымъ отсутствіемъ извѣстныхъ способностей, вродѣ, напр., граничащей съ идиотизмомъ тупостью въ математикѣ и т. п. Есть и такіе, наконецъ, въ которыхъ все рѣшительно обстоитъ благополучно. Они образованы, умны, талантливы, нравственны, но все это до случая, до рѣшительнаго момента, а пришелъ этотъ роковой случай, сдѣлалъ толчокъ — и все равновѣсіе полетѣло кувыркомъ, нормальный человѣкъ оказался глубоко расшатаннымъ, потерявшимъ всякое духовное равновѣсіе.

Для того, чтобы показать до какой степени способенъ заколородить подобный, повидимому, нормальный человѣкъ, воспользуемся богатымъ матеріаломъ психиатрическихъ клиникъ и приведемъ нѣсколько примѣровъ. Силошь и рядомъ случается, что у одержимаго такимъ скрытымъ мозговымъ безпорядкомъ внезапно, совершенно помимо его доброй воли, вопреки здравому смыслу, въ полномъ обладаніи которымъ онъ продолжаетъ оставаться, обнаруживаются такія побужденія, которыя впору идиоту или сумасшедшему. Одинъ изъ больныхъ

Маньяна, пораженный наследственнымъ вырожденіемъ, подвергался періодически нѣсколькимъ нервнымъ припадкамъ, указывающимъ на глубокое нарушеніе психическаго равновѣсія. Такъ, напр., однажды въ теченіе пѣлаго полугода имъ владелъло неустойчивое стремленіе опоражнивать мочевой пузырь, когда онъ слышалъ извѣстный звукъ или шумъ, напр. влоктаніе льющей воды, звонъ, свистки. Почувствовавъ эту болѣзненную потребность, онъ бывалъ вынужденъ немедленно удовлетворить ее, иначе отправление свершалось непроизвольно. Ясно, что тотъ мозговой центръ, который у здороваго чело-вѣка управляетъ выдѣленіемъ урины, у этого субъекта былъ парализованъ на столько, что ничтожныя виѣшнія раздраженія оказывались сильнѣе его. Но эта странная немощъ столь же неожиданно прошла, какъ и пришла, не оставивъ слѣда. Прошло нѣсколько времени. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, этотъ чело-вѣкъ почувствовалъ неодолимую потребность лаять по собачьи. Моментъ былъ въ высшей степени неудобенъ для выполненія этого желанія; несчастный отлично это сознавалъ и воздержался; но это не обошлось ему даромъ. Онъ положи-тельно захворалъ отъ того, что принудилъ себя не лаять — поблѣднѣлъ, былъ охваченъ удущемъ, неприятнѣйшимъ зудомъ во всемъ тѣлѣ. Когда же, въ послѣдствіи, онъ давалъ волю сверх-естественному желанію, все обходилось благополучно. Налава-шись онъ вполне успокаивался, приходилъ въ норму. За лаемъ подступили и другія дикости. Такъ, одно время его тянуло рвать бѣлье и одежду; уступая этому побужденію, онъ однажды перервалъ въ клочья всѣ свои платки и рубашки. За этимъ слѣдовали истерическіе приступы: онъ то хохоталъ какъ без-умный, то плакалъ навзрыдъ безъ малѣйшаго повода. Въ дру-гое время на него вдругъ налетало страстное желаніе громко произносить бранныя слова; если онъ удерживается отъ этого побужденія, ясно сознавая его неумѣстность и дикость, имъ тотчасъ овладѣваетъ глубокое недомоганье, которое исчезаетъ какъ по мановенію волшебнаго жезла, лишь только онъ вы-бранится. Въ концѣ концовъ, его осадилъ число *три*, въ кото-рому онъ, помимо воли и желанія, долженъ былъ пригонять и приспособлять весь порядокъ своей жизни. Эта роковая цифра стала для него какимъ-то фетишемъ, талисманомъ, принося-щимъ счастье. Всѣ слова, поступки, мысли, дѣйствія несчаст-ному стало необходимо согласовать съ тройкою. У него заве-лось 3 галстуха, 3 карандаша, 3 ручки. Въ 3 часа пополудни онъ дѣлаетъ 3 торжественныхъ обѣта — не курить, не нюхать табакъ, не франтить. Передъ отходомъ ко сну онъ считаетъ до 3, потомъ до 30, до 300, до 3000. Въ ресторанѣ онъ спра-шиваетъ 3 порціи, 3 хлѣбца, 3 ломтя сыра, 3 рюмки вина,

но не может одолѣть больше двухъ кружекъ пива и въ этомъ усматриваетъ источникъ всѣхъ своихъ несчастій. Онъ пишетъ всегда 3 письма сразу, каждое въ 3 страницы. У него 2 гнилыхъ зуба, но онъ вырываетъ 3. Его осаждаетъ потомъ неотступная мысль о кражахъ, и онъ, все еще находясь подъ вліяніемъ своей роковой цифры, крадетъ 3 штопора, и такъ какъ не они ему нужны, а нуженъ самый процессъ кражи, то онъ и бросаетъ штопоры въ 3-ю выгребную яму на 3-й изъ попавшихся ему по дорогѣ улицъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире раздвигается у него горизонтъ нервныхъ беспорядковъ. Ему начинаетъ становиться страшнымъ прикосновеніе ко многимъ вещамъ, даже видъ нѣкоторыхъ предметовъ приводитъ его въ ужасъ. При видѣ крокодила онъ ясно ощущаетъ, какъ острые зубы животного проникаютъ въ его тѣло. Подобное же ощущеніе вызываетъ въ немъ видъ ножа. Ему внушаетъ страхъ видъ скрещенныхъ предметовъ, видъ пробки, положенной бокомъ на отверстие бутылки. Наконецъ его осаждаетъ какой-то всеобщій страхъ и ужасъ. Онъ трепещетъ за свои поступки, ему кажется, что онъ на каждомъ шагу впадаетъ въ заблужденія, въ ошибки; онъ мучится надъ разрѣшеніемъ отвлеченныхъ задачъ нравственности и метафизики. Потомъ вдругъ ему начинаетъ казаться, что онъ уже 3 года какъ продалъ свою душу дьяволу. Еще позднѣе его осаждаютъ идеи объ общественныхъ реформахъ, и онъ надоѣдаетъ съ этими идеями разнымъ выдающимся государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ.

Этотъ примѣръ больного, повидимому нормального, развитого умственно, ясно показываетъ, что такого рода субъекты въ моменты наибольшаго напряженія своего болѣзненнаго припадка могутъ близко подходить къ типу слабоумныхъ и даже идиотовъ. Маньякъ приводитъ примѣръ — одного изъ своихъ интеллигентныхъ больныхъ, одержимаго страстью къ ухаживанью, низводящаго его до степени идиотства; указываетъ и на другого, котораго прекрасный полъ начиналъ интересоваться только въ минуты сильнаго утомленія, послѣ продолжительнаго физическаго или умственнаго труда. Одна женщина, изъ пациентокъ Маньяна, по временамъ утрачивала способность владѣть извѣстными группами мускуловъ. То ей не удавалось согнуть, то разогнуть руку. Въ другой разъ ее тянуло тереть руки одну о другую, идти впередъ куда глаза глядятъ, безъ всякой опредѣленной цѣли. Потребность безцѣльнаго движенія смѣнялась такою же безотчетною потребностью полной неподвижности; если такой припадокъ заставалъ ее на ногахъ, она не въ силахъ была ни сѣсть, ни двинуться съ мѣста. Иной разъ ею овладѣвали припадки безшашаго хохота или без-

умныхъ слезъ въ самые неожиданные моменты. Такъ, на похоронахъ дѣда, котораго она обожала, ее душилъ неудержимый хохотъ. Обыкновенно у выродившихся трудно уловить тотъ интервалъ, который протекаетъ между возникновеніемъ неотвязной идеи и ея осуществленіемъ. Идея, едва зародившись, требуетъ немедленнаго осуществленія подъ страхомъ истинной нравственной и физической пытки въ случаѣ неосуществленія. Больная въ одинъ прекрасный день схватываетъ своего брата, двухлѣтнаго малютку, тащитъ его къ колодцу и держитъ надъ бездною въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. „Мнѣ вдругъ пришло въ голову такое желаніе, и я не могла отъ него отвязаться“, поясняла больная на разспросы встревоженныхъ домашнихъ. У другой больной, въ минуту полного душевнаго спокойствія, вдругъ, подобно молніи, блещетъ мысль кого нибудь ударить, разбить что нибудь, и она немедленно схватываетъ все, что попадается подъ руку и со всей силы швыряетъ объ полъ, объ уголь. Однажды она швырнула бутылку въ голову дамы, своей благодѣтельницы, къ которой всегда проявляла искреннюю и почтительную симпатію. Въ другой разъ, прогуливаясь въ полѣ, она внезапно бросила на землю свою 14-тимѣсячную дочку, которую несла на рукахъ. Сама она понять и разъяснить не въ состояніи, чего ради свершаетъ всѣ эти безобразія, но не свершать ихъ—не можетъ. Въ эти критическіе моменты больные становятся настоящими „одержимыми“, дѣйствующими подъ наитіемъ неотвязной идеи. Такого рода идеи, желанія, стремленія нападаютъ и на нормальныхъ людей, но никогда у нихъ не переходятъ за извѣстныя границы, въ предѣлахъ которыхъ сопротивленіе этимъ идеямъ не представляетъ затрудненія; такого рода идеи скорѣе можно назвать навязчивыми, чѣмъ неотвязными. У выродившихся же онѣ приобретаютъ силу импульса, толчка, который въ значительной степени превышаетъ силу сопротивленія; онѣ упрямы, онѣ тиранически мощны. Въ психіатрической практикѣ попалось нѣсколько больныхъ, одержимыхъ страстью кусать и даже ѣсть человѣческую кожу; эта страсть чаще всего вспыхиваетъ при видѣ нѣжной и бѣлой кожи молодыхъ женщинъ и дѣтей, затѣмъ при видѣ рѣжущихъ и въ особенности блестящихъ предметовъ, ножей, ножницъ. Больной съ ужасомъ и отвращеніемъ противится этому дикому искушенію и часто самъ является въ полицію и въ больницу, прося засадить его куда нибудь подъ замокъ, чтобы удалить отъ искушенія. Иной мужественно борется съ безобразною страстью, возстава противъ нея со всею силою разума, но разумъ легко колеблется подъ влияніемъ неотвязной идеи, а воля вовсе прекращаетъ свою дѣятельность. Въ предыдущемъ номерѣ „Труда“, въ отдѣлѣ „За границей“ мы привели результаты наблю-

деній французскаго врача Руби надъ помѣшанными, одержимыми неотвязною идеею преступленія. Это, по большей части, убійцы, не дѣйствительные убійцы, а одержимые идеею убійства, отъ которой имъ нѣтъ силъ освободиться. Одного истязаетъ мысль убить свою дѣвочку, на которую онъ не надѣется, которую любить до безумія; другой не отвязнется отъ дикаго желанія зарѣзать жену, съ которою живетъ душа въ душу. Всѣ эти несчастные ведутъ цѣлые годы истинно мученическое существованіе. Борьба съ неотвязною мыслью поглащаетъ все ихъ существо и превращаетъ всю ихъ жизнь въ адъ кромѣшный. Многие изъ нихъ бѣгутъ отъ людей, запираются, истощаютъ себя трудомъ, но рѣшительно ни что не помогаетъ. Несчастные, въ концѣ концовъ, дѣлаютъ законною добычею желтаго дома. Существуютъ, напр., пьяницы, глубочайшимъ образомъ возмущающіеся своею пагубною страстью. Для того, чтобы отучить себя отъ вина, они примѣшиваютъ къ нему несказанно отвратительныя вещи и все-таки пьютъ! Иные изъ одержимыхъ нарочно совершаютъ преступленія, напр. кражи, чтобы только попасть въ тюрьму, подъ надзоръ, такъ какъ самимъ съ собою справиться они чувствуютъ себя не въ силахъ. Очень и очень многие изъ этихъ несчастныхъ уступаютъ искушенію и, конечно, попадаютъ на скямьъ подсудимыхъ. А облазнъ уступить — чрезвычайно великъ: каждый изъ одержимыхъ знаетъ по множеству примѣровъ своей предшествовавшей жизни, что стоитъ только ему уступить неотвязной идеѣ, сдѣлать то, что она повелѣваетъ, и всѣ его мученія разлетятся какъ дымъ, и онъ почти мгновенно почувствуетъ громадное облегченіе, какъ человѣкъ, выпущенный на свѣжій воздухъ изъ запертаго сундука, въ которомъ онъ задыхался. А до какой степени настойчива неотвязная идея—объ этомъ можетъ судить любой психіатръ по своимъ больнымъ. Мы уже упоминали о томъ, что кромѣ нравственной пытки непослушаніе одержимаго передъ велѣніями дикой идеи ведетъ за собою настоящую болѣзнь — стѣсненіе въ груди, удушье. На волю же эта идея оказываетъ такое давленіе, о которомъ нормальный человѣкъ не можетъ составить себѣ и понятія. Субъектъ, къ которому иногда приходитъ потребность громко выразиться очень неприличнымъ словомъ, утверждаетъ, что по временамъ онъ не смогъ бы сдержать этого слова, даже передъ дуломъ угрожающаго ему револьвера.

Очень любопытная разновидность неотвязныхъ идей представляется въ видѣ неодолимаго сомнѣнія. При этой формѣ одержимости человѣкъ утрачиваетъ увѣренность въ совершенныхъ имъ дѣйствіяхъ; онъ не въ силахъ одолѣть сомнѣнія въ прочности, надежности своей работы. Вотъ, напр., здоро-

венный мужчина, домохозяинъ; показалось ему, что полъ въ одной изъ комнатъ его дома непрочень. Онъ разбираетъ доски, пересматриваетъ, перестругиваетъ, замѣняетъ всё сколько нибудь сомнительныя новыми, самъ настиляетъ ихъ, самъ приколачиваетъ. Полъ выходитъ безукоризненно прочный, сдѣланный на славу. Хозяинъ тридцать разъ пересматриваетъ свою работу, безъ усталы хлопаетъ молоткомъ по каждому гвоздю, то и дѣло возвращается къ разнымъ мѣстамъ, гдѣ уже казалось бы давнымъ давно должны были исчезнуть всякія сомнѣнія, наконецъ кое-какъ успокоивается, уходитъ. Но мысль о непрочности пола не думаетъ покидать его. Не проходитъ и дня, какъ, терзаемый демономъ сомнѣнія, онъ вновь разбираетъ свой па диво сколоченный полъ, опять все пересматриваетъ, перестиляетъ, переколачиваетъ, и опять, все это удовлетворяетъ его лишь на нѣсколько часовъ, а затѣмъ, новая перестилка и такъ до безконечности. Въ иные моменты ему удается забыться, успокоиться. Вотъ онъ усѣлся въ кресло, взялся за газету, читаетъ съ большимъ интересомъ. Вдругъ мысль о непрочности пола какъ молнія пронизываетъ его мозгъ; строчки прыгаютъ у него передъ глазами, всякое повиманіе прочитаннаго утрачивается, газета летитъ на полъ, и вотъ нашъ психопатъ, съ молоткомъ въ рукахъ, вновь ползаетъ на колѣняхъ по своему полу, за который давно уже получилъ бы золотую медаль на плотничьемъ состязаніи.

Къ этому же ряду страданій относятся мученія, съ которыми у многихъ больныхъ связаны усилія для припоминанія какого нибудь слова, имени. Нѣкто встрѣчаетъ на улицѣ какого-то господина, тотчасъ вспоминаетъ, что путешествовалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Римъ, подходитъ къ нему, здоровается; господинъ тоже узнаетъ своего бывшего спутника, и они нѣкоторое время очень любезно бесѣдуютъ. Разставшись съ со-бесѣдникомъ, нашъ психопатъ начинаетъ вспоминать имя этого господина... Не тутъ-то было—имя не вспоминается. „Ну, Богъ съ нимъ“, думаетъ одержимый. Но на этомъ успокоительномъ рѣшеніи ему остановиться не удается. Какой-то неугомонный бѣсъ увязывается за нимъ и истязаетъ его вопросомъ: „А какъ же имя-то?“ И бѣдняга вновь упорно, сосредоточенно вспоминаетъ вылетѣвшее изъ памяти имя, и оно попрежнему не уловляется. Попытки отвлечь вниманіе отъ этого рокового крючка, за который его зацѣпилъ духъ лукавый, не увѣнчиваются даже временнымъ успѣхомъ. „Имя, имя, имя!“ стучитъ по его больному мозгу неутомимый молотъ неотвязной идеи. Наступаетъ настоящая болѣзнь, припадокъ. Одержимый именемъ, чувствуетъ себя разбитымъ, задавленнымъ. Ему просто дышать нечѣмъ, а ужъ за что нибудь приняться нечего и думать. Онъ бѣгаетъ

по своей квартирѣ, покрытый холоднымъ потомъ, блѣдный, безъ аппетита, безъ сна и все ломаетъ голову надъ роковымъ забытымъ именемъ. А оно все не вспоминается...

Далѣе передъ нами новая разновидность неотвязныхъ идей, это всякаго рода боязни, разныя *фобіи*, которыхъ теперь насчитывается едва ли менѣе двухъ десятковъ. Одна изъ самыхъ распространенныхъ формъ этой одержимости — агорафобія — боязнь пространства, открытаго мѣста. Попробуйте наблюдать за такимъ недужнымъ, и вы увидите удивительныя вещи. Вышелъ онъ на улицу; передъ нимъ разстилается широкій, пустынный тротуаръ или, еще того хуже, цѣлая площадь. Одержимый вмѣсто того, чтобы идти впередъ, остановится какъ вкопанный. Принудите его сдѣлать шагъ впередъ, у него дѣлается головокруженіе, въ глазахъ мутится, онъ шатается, готовъ упасть. Часто ему кажется, что самая почва колеблется, даже исчезаетъ у него подъ ногами, либо бѣжитъ изъ-подъ ногъ въ сторону, противоположную той, куда ему надо идти. У него выступаетъ холодный потъ, ноги дрожать, сердце сжимается въ смертельной тоскѣ. Онъ безсознательно схватывается за столбъ, за стѣну, ползетъ по плитамъ тротуара, пока чья нибудь сострадательная рука не придетъ къ нему на помощь. Иные испытываютъ такой же безотчетный страхъ при видѣ моря (талассофобія), въ запертой комнатѣ (клаустрофобія), боятся мостовъ, солнца, луны, темноты, электричества; животныхъ, деревьевъ, шумящей воды и т. д., и т. д. Одна изъ пациентокъ Маньяна нѣкоторое время испытывала едва побѣдимый ужасъ при входѣ въ вагонъ конножелѣзной дороги. Боязнь прикосновенія къ извѣстнымъ предметамъ должна быть отнесена къ этому же типу явленій. Одинъ швейцаръ, изъ солдатъ, чловѣкъ двадцать лѣтъ подрядъ воевавшій, ставъ швейцаромъ, вдругъ проникся трепетомъ передъ своею невинною алебардою. Членъ апелляціоннаго суда не могъ заставить себя взяться за ручку двери. Ребенокъ не можетъ выносить вида фруктовъ, покрытыхъ кожею; надо ему очищать ихъ, тогда только онъ успокаивается и сѣдаетъ лакомство.

Чувство любви со всѣми его физиологическими аксессуарами очень часто подвергается ломкѣ и уродованію подъ вліяніемъ тѣхъ мозговыхъ непорядковъ, которые влечетъ за собою вырожденіе. Выбираемъ, для характеристики этихъ по большей части отвратительныхъ отступленій отъ нормы, возможно болѣе скромный примѣръ. Передъ нами 40-лѣтній мужчина, очень робкій, слабый, женоподобный на видъ, съ чертами вырожденія, сразу кидаящимися въ глаза опытному психіатру. Еще въ дѣтствѣ онъ избѣгалъ шумныхъ мальчишескихъ игръ, чувствуя къ нимъ страхъ и отвращеніе; ему нравилось общеніе съ дѣвочками

однолѣтками, которыя на столько же привлекали его къ себѣ, на сколько мальчики отталкивали. Въ 14 лѣтъ онъ съ удовольствіемъ возился съ куклами, вышивалъ узоры, вязалъ кружева и коврики. Въ 15 лѣтъ въ немъ произошелъ рѣзкій переломъ: онъ оставался все той же женщиною въ душѣ, но превратился изъ женщины ребенка въ женщину взрослую, которой уже свойственно психо-физиологическое чувство любви. Прежнее обращеніе къ мальчишкамъ быстро смѣнилось чисто женскимъ пристрастіемъ къ мужчинамъ. Ему стало теперь чувствоваться хорошо только въ мужской компаніи; къ женщинамъ онъ становился постепенно все равнодушнѣе. Въ концѣ концовъ, этотъ уродецъ явилъ собою въ высшей степени типическое извращеніе полового чувства. Физически онъ былъ и оставался несомнѣннымъ мужчиною, духовная же его натура была чисто женская; онъ даже усвоилъ женскія грамматическія формы разговора, т. е. говорилъ отъ себя и о себѣ въ женскомъ родѣ. Немало подобныхъ же наблюденій сдѣлано и надъ дѣвочками. Эти, наоборотъ, проявляютъ мужскія черты, т. е. въ дѣтствѣ, до наступленія физиологической зрѣлости, держатся компаніи мальчиковъ, а потомъ начинаютъ ухаживать за женщинами. Случается, что извращенная любовь обращается не на человѣка, а на принадлежности костюма. Извѣстны среди кавалеровъ такіе, которые проявляли истинную любовь къ бѣлому женскому переднику, къ ночному чепчику, даже къ шпилькамъ, которыми пришивается подошва къ обуви.

Очень обычнымъ способомъ извращенія естественнаго чувства половой любви является чрезмѣрная любовь къ животнымъ. Примѣры по этой части чрезвычайно многочисленны и курьезны. Эта страсть въ ея патологическихъ размѣрахъ чаще всего постигаетъ одинокихъ женщинъ, особенно старыхъ дѣвъ, вообще, субъектовъ, у которыхъ чувство любви осталось неудовлетвореннымъ въ свое время. У Маньяна въ настоящее время подъ надзоромъ двѣ женщины, которыхъ онъ считаетъ постигнутыми очень типическою зоофиліею, т. е. сверхъестественною любовью къ животнымъ. Одна изъ нихъ — 63-лѣтняя старушка. Она попала въ больницу для умалишенныхъ въ возрастѣ 36 лѣтъ, черезъ 3 мѣсяца послѣ рожденія сына; въ то время ее осадилъ идеи преслѣдованія и величія, которыя не оставили больную и по настоящее время. До 1892 г. она содержалась въ Ниорѣ, а потомъ сынъ перевелъ ее въ убѣжище св. Анны. Въ Ниорѣ она была принуждена покинуть куръ, къ которымъ чувствовала безумную привязанность. По прибытіи въ Парижъ, она наотрѣзъ отказалась видѣть своего сына. Она узнала, что это онъ хлопоталъ о ея переводѣ изъ Ниора, по его милости она должна была разстаться со своими курами и

не могла ему этого простить. Она вспоминала о своихъ любимыхъ, называла ихъ „золотыми сердцами“, „ангелами“. Очень долго она не хотѣла видѣть другихъ куръ, которыхъ ей, конечно, успѣшили преподнести. Наконецъ, она смѣнила гнѣвъ на милость и занялась новыми питомцами. Скоро ея опустѣлое сердце все наполнилось новою привязанностью; тогда она торжественно отреклась отъ сына. „Къ чему мнѣ сынъ, когда единственный „чистыя существа“, которыя способны меня понять, вновь со мною“, говорила она, когда ее извѣщали о желаніи сына повидаться съ нею. Цѣлые дни возится несчастная со своими курами, расточая имъ безконечныя заботы. Она усматриваетъ въ нихъ величіе, недостижимое для „грязнаго“ рода человѣческаго. Она утверждаетъ, что для нея понятны ихъ кудахтавья; отъ того ей доставляетъ неизъяснимое удовольствіе бесѣдовать съ избранниками своего сердца. Она украшаетъ себя ихъ перьями, дѣлаетъ изъ нихъ вѣнки, даритъ эти перья и вѣнки въ знакъ своего особеннаго расположенія. У этой больной зоофілія осложнена боязнью прикосновенія къ чловѣку. Она старается держаться въ сторонѣ, въ полномъ одиночествѣ, бѣгаетъ отъ всѣхъ. Если поймать ее, на всей ея фигурѣ отражается живѣйшее страданіе и ужасъ; она ругается, кусается, царапается, дерется, а вырвавшись отъ преслѣдователя, спѣшитъ къ водѣ и тщательно обмывается. Другая больная Маньяна тоже старушка, еще болѣе преклоннаго возраста, чѣмъ первая — 76 лѣтъ. У ней психическое разстройство впервые обнаружилось много лѣтъ назадъ взрывами дикаго хохота; потомъ она начала бояться скрепченныхъ предметовъ, числа 13. Мало по малу она впала въ ярую зоофілію. Предметомъ ея нѣжности сдѣлались по преимуществу самыя несимпатичныя творенія, которыхъ здоровые люди либо не любятъ, либо опасаются — осы, шмели, летучія мыши, особенно же пауки. Зоофілія развилась 10 лѣтъ тому назадъ. Въ паукахъ она усматриваетъ „что-то величественное“. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она особенно облюбовала одного паука, котораго прозвала своимъ „Малюткою“. Она окружила его неунынными заботами, кормила; уходя изъ дома, она клала паука въ графинъ, а графинъ укутывала одѣяломъ, чтобъ малютка не озябъ. „У меня сердце будетъ не на мѣстѣ, если я буду думать, что ему холодно“, говорила она въ оправданіе своей изысканной заботливости. Она обзавелась лупою и цѣлые часы просиживала съ нею надъ паукомъ, наблюдая за каждымъ его движеніемъ, изучая на немъ каждое пятнышко, каждый волосокъ. Главное, что ее терзало, это сомнѣнія насчетъ здоровья паука; все ей казалось, что онъ боленъ, и эта мысль не давала ей покоя. Когда же, наконецъ, „Малютка“, изнывшій отъ

этихъ сумасшедшихъ заботъ о его здоровіи, околѣлъ, отчаянію бѣдной психопатки не было предѣловъ. Она съ благоговѣніемъ подобрала трупъ своего любимца, устроила ему мѣсто упокоенія въ горшкѣ съ цвѣткомъ и долго ходила рыдать по цѣлымъ часамъ на его могилку. Эта больная, то и дѣло, на ходу, подбираетъ муравьевъ, чтобы ихъ кто нибудь нечаянно не раздавилъ. На улицахъ она подбираетъ осколки стекла, чтобы о нихъ не накололась лошадь. Однажды она добыла гдѣ-то черепаху, съ которой „жестоко обращался“ ея бывшій хозяинъ. Она укладывала свою любимицу въ постель, накрывала одеялами и, вообще, старалась согрѣть, утверждая, что у черепахи чихотка, которую надо лечить тепломъ.

М. А. Орловъ

* * *

Гдѣ-бъ ни былъ я — всегда тоска со мною,
Гдѣ-бъ ни былъ я — повсюду скучно мнѣ...
Я уношусь мечтой къ зимѣ — весною,
Зимой люблю мечтать я о веснѣ.

Изъ города я рвусь скорѣе въ горы,
Чтобъ отдохнуть, забывъ столицы шумъ...
Но я опять иду туда, гдѣ споры
Волнуютъ кровь и раздражаютъ умъ.

Я чувствую: не слиться мнѣ съ толпою,
Не отдохнуть въ безлюдной сторонѣ...
Гдѣ-бъ ни былъ я — тоска всегда со мною,
Гдѣ-бъ ни былъ я — повсюду скучно мнѣ.

А. Кругловъ

Т Р О Е

РАЗСКАЗЪ

Э. Альгрень

На дворѣ бушевала вьюга. Снѣжные вихри взлетали у самыхъ оконъ и ударили въ стекла точно пригорошнями песку.

Но маленькой Нелли не было дѣла до вьюги. Она сидѣла на своемъ любимомъ мѣстѣ въ торфяной корзинѣ вольѣ очага и смотрѣла на огонь, который точно ласкался къ большому котлу съ картофелемъ и мягкими синими языками обвивался вокругъ темныхъ комьевъ торфа. Въ кухнѣ было темновато. Стѣнная лампочка безъ колпака давала мало свѣта и отъ времени до времени посылала къ потолку тоненькую струйку дыма; въ темныхъ углахъ сверкали только красноватые отблески огня, отраженнаго мѣдными кастрюлями.

Нелли была десятилѣтняя дѣвочка, такая худенькая, что казалась сдѣланной изъ тонкихъ костей, обтянутыхъ только кожей.

У нея было какое-то старушечье и поразительно серьезное лицо. Нельзя было себѣ представить, чтобы это лицо могло улыбаться. И все въ немъ было некрасиво, кромѣ глазъ — большихъ, сѣрыхъ, съ расширенными зрачками и съ такими черными бровями надъ ними, что, казалось, эти брови были намалеваны углемъ. Пепельнаго цвѣта неровные старушечьи волосы, заплетенные на затылкѣ въ жиденькую косичку съ черною тесемкой на концѣ, совсѣмъ не вязались съ прекрасными бровями, вслѣдствіе чего странное лицо дѣвочки становилось еще болѣе страннымъ.

Нелли принадлежала къ тѣмъ злополучнымъ дѣтямъ, рожденіе которыхъ слѣдовало бы отмѣчать въ графѣ »несчастливыхъ случайностей«. Ей самой всегда казалось, что она лишнее существо на свѣтѣ и что всѣмъ она попадаетъ подъ ноги, какъ помѣха. И бѣдняжка старалась искупить эту вину тѣмъ, что держалась очень тихо, никогда не играла и почти не разговаривала.

Другихъ дѣтей во дворѣ не было; для работы она была ещё слишкомъ мала, а въ школу ее не посылали, потому что было слишкомъ далеко. Служанки научили ее читать и дали ей старый катихизисъ, съ которымъ она не разставалась. Но попадалось ей и другое чтеніе: обрывки газетъ, стишки и дешевыя книжки, которыя прислуга приносила съ собою съ рынка. Потомъ, прочитавъ сказку или происшествіе, она начинала мечтать и мысленно пересочиняла ту же сказку по своему. Вѣдь она дѣлала это молча; кому же могло это помѣшать?

Теперь она сидѣла передъ огнемъ со своимъ катихизисомъ на колѣняхъ и смотрѣла на кипѣвшій котелокъ и на закоптѣлую стѣну позади него. По ея желанію изъ котелка выѣстѣ съ паромъ могла явиться прекрасная царевна, затѣмъ раскрылась бы стѣна, и позади нея оказался бы заколдованный дворецъ, въ которомъ сверкали бы тысячи огней и самоцвѣтные камни; тамъ были и бархатъ, и серебро, и золото, а царевна взяла бы Нелли за руку и повела ее во дворецъ, послѣ чего стѣна могла снова закрыться и...

Въ передней слышались шаги и кто-то сталъ шумно околачивать снѣгъ съ сапоговъ. Нелли догадалась, что это вернулся изъ лѣсу Нильсъ, ѣздившій за дровами. Онъ уже разговаривалъ о чемъ-то съ кухаркой Бертой, и сейчасъ онъ долженъ войти.

Нелли любила Нильса. Во первыхъ, при немъ Берта дѣлалась особенно ласкова и привѣтлива; во вторыхъ, онъ былъ такой веселый. Когда хозяина и самой »матери« не находилось поблизости, онъ устраивалъ, бывало, цѣлыя представленія: дѣлалъ куколъ изъ двухъ концовъ шали, заставлялъ ихъ кивать, кувыркаться и драться и умѣлъ говорить разными голосами за каждую; глядя на »комедію«, служанки и рабочіе хохотали до упаду, а Нелли, стыдившаяся смѣяться, прижимала обѣ руки къ губамъ и едва сдерживалась отъ смѣха.

Въ базарные дни Нильсъ всегда привозилъ что нибудь для Берты, причемъ Нелли нерѣдко доставались леденецъ или новая сказка. Поэтому она привыкла радоваться его возвращенію, какъ чему-то хорошему.

Теперь онъ вошелъ въ кухню въ сопровожденіи Берты, которая поставила на кухонный столъ подойникъ съ молокомъ и, обернувшись, посмотрѣла на Нелли съ лукавой усмѣшкой. Нильсъ тоже хмылялся и тоже поглядывалъ на дѣвочку.

Въ рукахъ у него былъ только его туязокъ, тотъ самый туязокъ, въ которомъ онъ бралъ съ собою въ лѣсъ обѣдъ. Чему же они смѣялись? Навѣрное опять какія нибудь штуки! А-то, можетъ, въ туязкѣ что нибудь особенное?

Нелли почувствовала, что отъ любопытства у нея разгорѣлись уши, и въ душѣ ей было уже весело. Но ее тревожили ихъ усмѣшки.

А что если въ туязкѣ спрятано что нибудь для нея?.. Нѣтъ, это было невѣроятно!

Она устыдилась своей мысли и покраснѣла пуще прежняго. Притомъ ей становилось неловко подъ лукавыми взглядами Берты и Нильса, которые ничего не говорили и продолжали улыбаться. Тогда она сочла необходимымъ притвориться, что читаетъ — раскрыла катихизисъ и низко склонилась надъ нимъ.

Берта приготовилась цѣдить молоко, но продолжала поглядывать на дѣвочку. Это становилось невыносимо!

Но вотъ Нильсъ ударилъ свободной рукой по туязку и обратился къ Нелли.

— А нука ка, сказалъ онъ, — угадай, что у меня здѣсь спрятано.

Нелли взглянула на туязокъ, но тотчасъ же опять потупилась и ничего не отвѣтила. Отъ внутренняго волненія у нея шумѣло въ вискахъ, но ей было совѣстно выказывать свое любопытство.

— Ну? поторопиль онъ ее.

— Я не знаю...

Она прошептала эти слова очень тихо, и все ея худенькое тѣльце съѣжилось отъ охватившей ее застѣнчивости.

— Почему ты знаешь, можетъ быть это для тебя! поддразнивалъ Нильсъ.

Она подняла на него взглядъ, который могъ возбудить

смѣхъ и слезы, такой онъ былъ серьезный и торжественный, и въ то же время полный мольбы, чтобы надъ ней не подшучивали. Она видѣла, что туязокъ былъ плотно увязанъ старымъ передникомъ. Значить, въ немъ что-то было... Но вѣдь могло оказаться, что ее лишь дразнятъ!

— Ну, успокойся, это тебѣ, сжалился надъ ней Нильсъ.— Только угадай, что это?

Ея красивые глаза блеснули радостью, но лицо остался серьезно. Однако она вылезла изъ своей корзины и въ нерѣшительности остановилась возлѣ очага.

Между тѣмъ Нильсъ поставилъ туязокъ на край стояла, а Берта начала цѣдить молоко.

— Что же ты не подойдешь посмотрѣть? сказала она.

Нелли бросила свою книгу въ корзину и приблизилась къ столу, но Нильсъ обѣими руками закрылъ верхъ туязка и сказалъ смѣясь:

— Нѣтъ, угадай сперва!

Она съ изумленіемъ замѣтила, что подъ передникомъ въ туязкѣ что-то шевелилось, но угадать, что въ немъ было, она никакъ не могла.

— Я не могу! пробормотала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ, и на глазахъ ея выступили даже слезы, такъ она боялась, чтобы ея радость не оказалась напрасною. Неужели они смѣются надъ нею?

Нильсъ со смѣхомъ посмотрѣлъ на нее. Онъ достаточно наслаждался ея волненіемъ и не хотѣлъ продолжать ея муки. Поэтому онъ развязалъ тесемку и открылъ передъ дѣвочкой туязокъ.

Невольно она всплеснула руками отъ восторга и точно замерла передъ туязкомъ: въ немъ сидѣло живое существо, одинъ видъ котораго наполнялъ ея сердце невыразимымъ восхищеніемъ. Она стояла со сложенными руками и смотрѣла во все глаза. Никогда она не воображала, что можетъ случиться что нибудь подобное, что ей дадутъ такую прелесть. Никогда ея мечты не рисовали чего нибудь столь прекраснаго.

Эта красивая головка съ бархатной мордочкой! Эти большіе, черные глаза, точно ягоды можжевельника, но гораздо больше и красивѣе!.. А какой пышный хвостъ! И маленькія уши съ кисточками на концахъ! Такихъ хвостовъ и ушей не бываетъ даже у самыхъ красивыхъ собакъ!

И эта прелесть принадлежит ей!

Она угадывала, точно по вдохновенію, что это была бѣлка. Но не просто какая нибудь бѣлка, а ея, ея собственная бѣлка! У нея было уже готово даже имя для звѣрька...

— Курре! проговорила она съ нѣжностью.

О, Курре! Ея Курре!

Какія у него были забавныя лапки — точно руки съ кривыми узловатыми пальцами, какъ у очень старыхъ людей! Ей хотѣлось громко ликовать и прыгать отъ восторга. Но по привычѣ она оставалась тиха и только, вся красная отъ волненія, сильнѣе сжимала сложенные руки и не отводила отъ бѣлки восхищеннаго взгляда.

— Что же, хочешь ее? спросилъ Нильсъ.

Благодарить она не была въ силахъ и только взглянула въ усмѣхавшееся обвѣтренное лицо склонившагося надъ ней рабочаго. Но онъ удовольствовался этимъ отвѣтомъ и самодовольно переглянулся съ Бертою, которая посмѣивалась надъ молочнымъ ситомъ.

Затѣмъ Нильсъ погладилъ голову дѣвочки, и тѣмъ дѣло было окончено. У Нелли былъ Курре, объявленный ея неотъемлемой собственностью!

Звѣрекъ былъ привязанъ тряпчочкою къ одному ушку туязка и двигался довольно свободно, какъ цѣпная собака. Онъ вовсе не трусилъ и держалъ себя какъ дома. Не безъ нахальства поглядывалъ онъ на людей, подымалъ кверху мордочку и поводилъ усиками. Затѣмъ онъ безъ церемоніи повернулъ публикѣ спину и сталъ отыскивать цѣльный орѣхъ среди скорлупокъ, валявшихся на днѣ туязка; очевидно, Нильсъ насыпалъ туда орѣховъ. Въ концѣ концовъ, Курре отыскалъ орѣхъ, усѣлся на заднія лапки и, внимательно осмотрѣвъ орѣхъ со всѣхъ сторонъ, принялся прогрызать въ немъ дыру.

Пока онъ грызъ, Нильсъ рассказаль — какъ удалось его поймать и какъ онъ былъ посаженъ въ туяовкъ.

— Только въ туязкѣ ему жить неприлично! сказала Нильсъ въ заключеніе. — На чердакѣ есть сломанная клѣтка. Ты можешь пересадить его въ эту клѣтку.

— Спасибо! проговорила Нелли тихо.

— Берта, посвѣти мнѣ! Сходимъ за клѣткой сейчасъ.

Берта взяла фонарь и охотно пошла вслѣдъ за Нильсомъ.

Когда они вышли, Нелли оперлась локтями на столъ и снова стала разсматривать бѣлку. Ей просто не вѣрилось, что это живое созданіе могло быть ея собственностью.

Это было гораздо лучше сказокъ, потому что въ сказкахъ ничего не было дѣйствительнаго, а Курре она могла даже трогать.

И если онъ, дѣйствительно, ея собственность, то никто не утопитъ его... Во всякомъ случаѣ, топять только котятъ, а не бѣлокъ же!

Но ей надо было удостовѣриться, что все это не сонъ, и, осторожно протянувъ палець, она погладила головку Курре между самыми его ушами, но Курре оказался неласковъ. Онъ издалъ гнѣвный храпъ и нетерпѣливо отстранился, точно оскорбленный запанибратствомъ дѣвочки. Дѣло въ томъ, что онъ только что добылъ изъ прогрызенной скорлупы ядро орѣха и съ наслажденіемъ ѣлъ его, когда приблизился къ нему назойливый палець Нелли.

Но она не поняла этого. Ее привела въ восторгъ нѣжность его шерсти... Такой нѣжный... нѣженѣ бархата... и теплый!

А что, если погладить его по спинкѣ?

Она вторично протянула руку, но звѣрекъ опять отстранился и снова издалъ не то храпъ, не то свистъ, которымъ онъ, очевидно, предупреждалъ, что не любитъ излишнихъ интимностей.

Какой онъ былъ милый и подвижной! Непремѣнно надо взять его на руки и приласкать!

Она попыталась сдѣлать это, но Курре быстро обернулся и укусилъ ее въ палець. И она смущенно отдернула руку, находя наказаніе вполне заслуженнымъ. Не было сомнѣній, что въ предстоявшей дружбѣ Курре намѣревался командовать.

Пришлось удовольствоваться разглядываніемъ звѣрька. Между тѣмъ онъ съѣлъ свой орѣхъ и сталъ искать другой, но ничего не нашелъ и тогда точно съ досадой посмотрѣлъ на новую хозяйку, которая ничего не давала. Затѣмъ, убѣдившись, что орѣховъ больше не будетъ, онъ встряхнулся всѣмъ тѣльцемъ такъ, что скорлупки полетѣли во всѣ стороны, съежился въ маленькій комокъ, прикрылся хвостикомъ до самыхъ ушей и приготовился спать.

Въ жизнь свою Нелли никого не цѣловала, никого,

кромѣ котятъ, которыхъ уносили топить. Но Курре ей ужасно хотѣлось поцѣловать. Къ сожалѣнію, не было надежды, что онъ позволитъ это, и потому она только съ умилениемъ смотрѣла на него.

Онъ спалъ, сладко спалъ...

Можно было потерять рассудокъ, такъ онъ былъ обворожителенъ!

На слѣдующее утро первая мысль Нелли была о Курре, который своевременно былъ пересаженъ въ клѣтку. Сломанное мѣсто клѣтки было обвязано тѣмъ же передникомъ, въ которомъ былъ принесенъ тюзокъ.

Сама »мать« — это была не мать Нелли, такъ какъ дѣвочка не знавала родителей, а мать хозяина хутора, въ которомъ пріютили дѣвочку — разрѣшила поставить клѣтку въ углу горницы. Тамъ она и стояла.

Когда Нелли пришла, Курре былъ давно проснувшись и выплясывалъ въ углу клѣтки нѣчто въ родѣ figuré, подвигаясь то взадъ, то впередъ.

Во время завтрака дѣвочка съ восхищеніемъ поглядывала на него, а онъ продолжалъ плясать.

— Вотъ какъ — тебѣ подарили бѣлку, сказалъ ей дѣдушка.

Опять-таки это не былъ дѣдушка Нелли, и она не знала толкомъ — кому въ домѣ онъ приходился дѣдомъ. Но всѣ его называли такъ, и Нелли дѣлала, какъ другіе.

Когда-то онъ былъ »капраломъ«. Нелли не могла объяснить, что это было за званіе. Но она знала, что этимъ объяснялась привычка дѣдушки носить огромные сѣдые усы и тщательно брить бороду.

У него была отдѣльная комнатка, въ которой красовались одна полка со старинными книгами и другая — съ цѣлой коллекціей трубокъ. Нелли часто заходила въ эту комнату, потому что старику нравилось, когда она бывала тамъ, и, чтобы приманить ее, онъ позволялъ ей перебирать разный хламъ, который собиралъ въ особый ящикъ, и давалъ ей куски сахару. Тѣмъ не менѣе она побаивалась дѣдушки. Онъ былъ такого огромнаго роста и такой тяжелой, что половицы скрипѣли, когда онъ ходилъ по комнатамъ. Кромѣ того отъ него сильно пахло табакомъ, а когда онъ говорилъ, Нелли всегда казалось, что вотъ-вотъ онъ разсердится.

Ей бывало тоже страшно, когда онъ бралъ ее на колѣни, въ особенности если на немъ бывала его овчинная шубейка, отъ которой пахло, какъ отъ только что вернувшейся со двора собаки. Затѣмъ у него была привычка то и дѣло подходить къ шкафику и выпивать глотокъ изъ какой-то бутылки, а по вечерамъ онъ бывалъ красный, какъ ракъ, и говорилъ безъ умолку. Все это смущало Нелли, такъ какъ за глаза люди смѣялись надъ дѣдушкой.

Впрочемъ, дѣдушка былъ добрый и ни разу еще не сердился, хотя казалось всегда, что онъ собирается разсердиться. Случалось, что онъ рассказывалъ интересныя сказки, а иногда онъ даже пѣлъ замѣчательныя пѣсни. Нелли это нравилось, но когда онъ пѣлъ, она стыдилась за него, потому что у него былъ такой смѣшной, разбитый голосъ. Впрочемъ, одну пѣсенку онъ пѣлъ хорошо:

Пляшутъ мыши трепака
Такъ, что полъ дрожить... и т. д.

Эту пѣсню она слушала всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ, хотя кончалась она такъ печально, что иногда у дѣвочки выступали слезы на глаза. Въ такихъ случаяхъ ей не было уже страшно сидѣть на колѣняхъ дѣдушки, и она прятала лицо въ его шубу, несмотря на то, что та пахла дождливой погодой.

Теперь, на вопросъ дѣдушки о бѣлкѣ, Нелли ничего не отвѣтила и только подумала, что имѣть бѣлку не то, что слушать пѣсни! Имѣть бѣлку — было настоящее счастье!

Между тѣмъ Курре надоѣло плясать и онъ выдумалъ новую шалость: вскарабкавшись по клѣткѣ туда, гдѣ сломанная сторона была увязана передникомъ, онъ началъ выскивать разорванное мѣсто, чтобы выбраться изъ клѣтки, и вскорѣ отыскалъ прорѣшку. Матерія стала поддаваться, и Нелли замерла въ ужасѣ. Что если онъ вырвется? Нельзя было даже предвидѣть всѣ бѣды, какія тогда случатся!

Къ счастью, въ это время встали изъ-за стола батраки, ваялись за шапки и служанки стали прибирать посуду.

— Нильсъ! шепнула Нелли, хватая клѣтку и проталкивая рукой обратно въ клѣтку головку бѣлки, которая уже высунулась наружу. — Нильсъ, онъ вылѣзаетъ!

— Надо прибить дощечку! отвѣтилъ батракъ.

— Ахъ, сдѣлай это! Пожалуйста! попросила она съ таковой мольбой, точно дѣло шло о ея жизни.

— Мнѣ некогда, отвѣтилъ онъ.—Обратись къ дѣдушкѣ. Въ самомъ дѣлѣ! Она и не подумала о дѣдушкѣ...

Заткнувъ дыру, на сколько это было возможно, она побѣжала къ дѣдушкѣ. Тотъ охотно согласился исправить клѣтку и тотчасъ же пошелъ на дворъ выбрать дощечку, а Нелли поспѣшила назадъ въ горницу.

Но тамъ уже случилось несчастье!

»Мать« стояла среди комнаты и съ громкимъ крикомъ размахивала руками, а вырвавшійся таки изъ клѣтки Курре выплясывалъ на ея спинѣ самый воинственный танецъ, вспрыгивая по временамъ ей на плечи и безъ церемоніи помахивая хвостомъ передъ ея лицомъ. Чертенокъ чувствовалъ себя прекрасно на широкой спинѣ старухи и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ея вопли.

— Курре, Курре, что ты дѣлаешь! вскричала Нелли въ ужасѣ, но онъ притворился, что не слышитъ.

Тогда она бросилась впередъ, схватила его руками и понесла къ клѣткѣ. Онъ издалъ негодующій свистъ и сталъ кусаться такъ, что кровь потекла по рукамъ дѣвочки. Но она не выпустила его изъ рукъ, стойко перенесла боль и водворила-таки бѣглеца въ клѣтку. Она больше всего боялась, чтобы »мать« не велѣла его убить и нисколько не сердилась за то, что онъ ее покусалъ.

Между тѣмъ мать опустилась на лавку и съ трудомъ переводила духъ.

— Уфъ!.. Господи! бормотала она.—Я, которая... уфъ!.. Я, которая такъ боюсь мышей!.. О, Боже мой!.. Лучше бы три крысы плясали на моемъ тѣлѣ, чѣмъ этотъ бѣсенокъ! Ну, если онъ еще разъ вырвется, я велю Бойкѣ взять его... Такъ и знай!

Бойко былъ дворовая собака.

Нелли молча увязывала клѣтку; услышавъ ужасную угрозу она съ недоумѣніемъ взглянула на хозяйку и лицо ея приняло болѣе старческое выраженіе, чѣмъ когда либо.

— Если этотъ звѣрь останется здѣсь еще одно мгновеніе, я велю его выпустить въ лѣсъ! прибавила мать. — Можешь тогда идти за нимъ туда!

Дѣвочка почувствовала леденящее душу отчаяніе. Разстаться съ Курре? Никогда!

Она не сказала ни слова, молча подняла клѣтку въ охапку и молча же понесла ее изъ комнаты. Клѣтка была

тяжела, и въ сѣняхъ пришлось отдыхать. Затѣмъ она вынесла клѣтку на дворъ, усѣлась съ нею возлѣ стѣны и горько заплакала. Она считала себя выгнанной изъ дому, потому что разстаться съ Курре ей и въ голову не приходило.

— Вотъ тебѣ разъ! Что случилось? вскричалъ дѣдъ, подходявшій съ дощечкой и гвоздями.

Ему было сообщено о «несчастіи».

— Утри слезы! сказалъ дѣдъ. — Онъ можетъ жить въ моей комнатѣ.

Такимъ образомъ, случилось, что Курре былъ помѣщенъ у дѣдушки.

Для Курре и маленькой хозяйки настали красные дни.

Онъ былъ порядочный лакомка и любилъ перемену въ пищѣ. Когда ему давали что нибудь новое и особенно вкусное, онъ вскрикивалъ отъ радости, и этотъ ликующій крикъ любимца приводилъ Нелли въ восхищеніе. Въ особенности онъ любилъ миндаль; это было для него самое вкусное... Но миндаль, къ несчастію, дорогъ, а денегъ у Нелли бывало не много.

Правда, она стерегла лѣтомъ гусей и за это получала пятьдесятъ эре *) въ лѣто. Столько же она зарабатывала отъ проѣзжихъ, открывая ворота на почтовой дорогѣ. Но этого было мало, и потому всякія лакомства, какія ей давали, она приберегала для Курре и очень огорчалась, когда что нибудь не приходилось ему по вкусу.

Такимъ образомъ, у нея явились заботы. Но это ничего не значило! Она перенесла бы что угодно, ради своего Курре!

Однако, несмотря на любовь къ нему она его побаивалась. Онъ выросъ большой и сталъ очень ручной, но кусался иногда по прежнему.

Большую руку дѣда онъ любилъ и никогда не трогалъ. Но едва приближалась къ нему худенькая ручка Нелли, онъ тотчасъ же кусалъ ее. Впрочемъ, она и не думала обижаться. Она не теряла надежды, что когда нибудь она будетъ ласковѣе къ ней. Вѣдь радовался же онъ, когда она подходила къ клѣткѣ съ чѣмъ нибудь вкуснымъ! При томъ,

---

*) Около 27 копѣекъ.

развѣ она не была его хозяйкою и развѣ онъ могъ не оцѣнить ея заботы о немъ?

Она была попрежнему молчалива, но чувствовала себя вполне счастливою и была убѣждена, что Курре не менѣе счастливъ.

Нильсъ умѣлъ подражать голосамъ разныхъ звѣрей. Однажды онъ научилъ Нелли кричать, какъ бѣлки кричать въ лѣсу, когда призываютъ другъ друга. Дѣвочка была очень довольна. Теперь она заговорить съ Курре на его собственномъ языкѣ и обрадуетъ его!

Она побѣжала къ клѣткѣ и крикнула по бѣличьи. Курре тотчасъ же отвѣтилъ тѣмъ же звукомъ.

Въ это время въ комнату вопли дѣда и старый школьный учитель, пріѣзжавшій иногда въ гости къ дѣду. Нелли захотѣла похвастаться своимъ умѣньемъ и вторично крикнула по бѣличьи.

— Этого не надо дѣлать! сказала учитель. — Надо же пожалѣть звѣрка. Онъ и такъ страдаетъ въ одиночествѣ, а ты еще напоминаешь ему о свободѣ.

Нелли замолчала и въ смущеніи посмотрѣла на Курре. Тотъ топтался на одномъ мѣстѣ, оглядывался во все стороны и отъ времени до времени покрикивалъ, прислушиваясь, не отвѣтятъ ли ему...

Нелли молча вышла изъ комнаты. Теперь она была глубоко огорчена своимъ поступкомъ. Она обманула своего Курре! Она растравила его тоску по лѣсу! И теперь только она поняла, что онъ былъ далеко не вполне счастливъ.

Итакъ, онъ тоскуетъ по другимъ бѣлкамъ; ему недостаточно ея любви! О, какъ горько ей было сознавать это, и въ то же время какъ бы ей хотѣлось утѣшить его! Но главное, заставить его забыть о бѣлкахъ, о которыхъ она же ему и напомнила...

Настала опять зима и Нелли пришлось ходить въ школу, несмотря на разстояніе. Свободнаго времени стало меньше и о Курре пришлось, главнымъ образомъ, заботиться дѣду. Дѣвочка могла заходить къ нему только по вечерамъ, но тогда звѣрекъ бывалъ сонный и, если его тревожили, становился сварливъ. Стоило ей приблизить къ нему палецъ, чтобы онъ обозлился! Но дѣду онъ во всякое время позволялъ дѣлать съ нимъ все, что тому было угодно. Такъ,

старикъ соваль его иногда за пазуху и застегиваль затѣмъ шубу; а Курре чувствовалъ себя превосходно и по цѣлымъ часамъ спалъ у дѣда на груди.

Потомъ приходилъ школьный учитель, и старики начинали пить тодди. Они становились все румянѣе и разговорчивѣе, курили и спорили, а Курре продолжалъ спать за пазухой, и никто не обращалъ вниманія на дѣвочку, тихонько сидѣвшую въ углу и думавшую о своемъ любимцѣ.

Учитель постоянно говорилъ, что, будь на свѣтѣ справедливость, онъ сдѣлался бы знаменитымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ написалъ нѣсколько книгъ, хотя ему не удалось ихъ напечатать. Послѣ его смерти, правда, небось, выйдетъ.

Тогда дѣдушка ударялъ кулакомъ по столу и восклицалъ:

— Еслибы мнѣ не помѣшали учиться, я былъ бы офицеромъ!

Нелли не знала, что означало слово »офицеръ«; она и не заботилась объ этомъ. Ее мучила мысль, что Курре сидитъ за пазухой дѣда и болѣе любить дѣда, чѣмъ ее. Выходило, точно у нея отняли Курре.

Она стала молчаливѣе, чѣмъ когда либо, и точно охладѣла къ Курре.

Иногда дѣдъ догадывался, въ чемъ дѣло и старался ее утѣшить.

— Вѣдь это твоя, а не моя бѣлка! говорилъ онъ.

Но что въ этомъ было утѣшительнаго, когда Курре не хотѣлъ ее знать и явно предпочиталъ дѣда? И это, несмотря на все ея терпѣніе, несмотря на долгія заботы о немъ!

Дѣдушка сталъ къ ней ласковѣе, чѣмъ прежде. Но Нелли не оцѣнила этого.

— Не трудно быть ласковымъ, когда пользуешься дружбой Курре! думала она и охладѣла даже къ дѣду.

Онъ старался сблизиться съ нею, сочинялъ новыя сказки и пѣсни. Но теперь ей ничего не нравилось, и она уже ни за что не хотѣла сидѣть у него на колѣняхъ.

По воскресеньямъ дѣдъ пытался иногда развеселить Нелли, угрюмость которой огорчала его. Онъ вынималъ Курре изъ клѣтки, бралъ его за переднія лапки, какъ за руки, и заставлялъ его прыгать на столѣ. Потомъ онъ посылалъ его »воровать табакъ«. И Курре дѣлалъ все, что отъ него требовалъ дѣдушка, не выказывая ни малѣйшаго

признака неудовольствія. Но стоило Нелли протянуть палецъ, чтобы онъ огрызнулся на нее...

Нелли начинала ненавидѣть дѣда и совсѣмъ охладѣла къ бѣлкѣ.

Передъ весной дѣдъ сообщилъ ей печальную новость, что Курре прихварываетъ. Это извѣстіе не произвело на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія. Она уже не заходила въ комнату дѣда. Они съ Курре могли довольствоваться другъ другомъ! Она не спросила даже, чѣмъ Курре боленъ.

Черезъ нѣсколько дней, однажды утромъ, когда Нелли была одна въ кухнѣ и чистила картофель къ супу, къ ней вошелъ дѣдушка.

— Нелли, сказалъ онъ печально, — Курре околѣлъ!

Сказавъ это, старикъ скорчилъ гримасу и вдругъ заплакалъ.

— Онъ околѣлъ ночью, прибавилъ онъ, немного успокоившись. — Я оставилъ его пока въ клѣткѣ... Голова у него вся распухла... такая странная...

Онъ опять заплакалъ.

Но Нелли оставалась безчувственна. Ей не было жаль Курре и она нисколько не сочувствовала горю дѣдушки. Тѣмъ не менѣе она согласилась идти съ нимъ хоронить бѣлку.

— Я сочинилъ пѣсенку на смерть Курре! жалобно сказалъ дѣдъ.

Нелли не поинтересовалась даже выслушать и пѣсню.

Курре былъ обернуть въ чистый носовой платокъ, котораго не пожалѣлъ на этотъ случай дѣдушка, и они понесли мертвую бѣлку въ садъ. Тамъ и закопали ее.

Даже въ послѣднюю минуту Нелли не заплакала!

Но надо и то сказать, что ихъ было трое... Стало быть одинъ въ этомъ союзѣ былъ лишній!

Со шведскаго баронъ В. Ф — съ

* *
* *

Гдѣ ты забвенье,
Гдѣ упоенье,
Счастьемъ блаженства земного?
Сномъ непробуднымъ,
Въ мечтаньѣ чудномъ,
Жажду забыться я снова!
Гдѣ ты блаженный,
Гдѣ вдохновенный,
Юности даръ заглушенный? —
Радость свиданья,
Грусть разставанья,
Ночи томленья безсонной?
Сердцу все мало!
Пусть миновало
Время любви пережитой, —
Дай мнѣ забвенья,
Дай упоенья,
Страсти восторгъ позабытый!

М. Лохвицкая

ВѢРНОЕ СЕРДЦЕ

(Изъ жизни странствующихъ артистовъ)

А. Е. Зарина

I

Иванъ Кочетовъ, или Францъ Безано, только что произведшій въ циркѣ Хаймовича фуроръ своимъ воздушнымъ полетомъ, вернулся къ себѣ домой и уже собирался лечь спать, какъ въ дверь его комнаты кто-то рѣзко стукнулъ.

Онъ удивленно оглянулся и сказалъ:

— Войдите!

Дверь быстро распахнулась и Иванъ Кочетовъ, хотя и привыкъ ко всякимъ неожиданностямъ въ своей скитальческой жизни, тѣмъ не менѣе не могъ скрыть своего изумленія и, полураскрывъ ротъ, со свистомъ втянулъ въ себя воздухъ.

Въ его убогую комнату порывисто вошла красавица брUNETKA. Ея высокую, полную фигуру плотно облегла ретонда на бѣломъ мѣху, теперь распахнувшаяся; черныя пряди волосъ непослушно выбились изъ подъ бѣлой шляпочки на матовый лобъ; лицо ея горѣло румянцемъ и полныя, красныя губы были полуоткрыты.

— Францъ Безано вы? рѣзко спросила она, устремляя на Кочетова горящій взоръ.

Кочетовъ еще не пришелъ въ себя отъ изумленія. Онъ растерянно взглянулъ на нее, машинально растегнулъ и застегнулъ пуговицу пиджака и уныло оглядѣлся вокругъ, словно желая найти щель, въ которую можно было бы »стрѣльнуть«. Крошечный номеръ, тускло освѣщенный

одною свѣчкой, съ потрескавшимися обоями, двумя стульями, колченогимъ столомъ и убогою кроватью, изъ подъ которой торчалъ уголь дешеваго парусиннаго чемодана, произвелъ еще болѣе угнетающее впечатлѣніе на Кочетова и, не удовлетворенный осмотромъ, онъ снова поднялъ растерянный взглядъ на незнакомку.

Она стояла передъ нимъ, нетерпѣливо смотря на него и ея руки, обтянутыя лайковыми перчатками, нервно сжимали борты ротонды.

— Вы что ли? повторила она свой вопросъ.

— Я, — наконецъ отвѣтилъ Кочетовъ.

— Тотъ, который летаетъ на трапеціи?

— Я.

— Ну вотъ, васъ-то мнѣ и надо! успокоеннымъ тономъ произнесла она, и съ довольнымъ видомъ опустила на стулъ подлѣ стола, ловкимъ движеніемъ сбросивъ съ плечъ ротонду, она откинулась и, повиснувъ на спинкѣ стула, открыла его бѣлымъ волнистымъ мѣхомъ.

Кочетовъ оправился. Онъ быстро подошелъ къ двери, закрылъ ее, потомъ вернулся и сѣлъ на кровать противъ незнакомки; въ такомъ положеніи его колѣни почти касались ея ногъ; незнакомка не обратила на это вниманія. Она сидѣла, положивъ голову на облокоченную на столъ руку, и внимательно, пытливо разсматривала Кочетова своими блестящими черными глазами.

Подъ ея взглядомъ Кочетовъ снова началъ испытывать смущеніе. Она сидѣла передъ нимъ въ яркомъ красномъ платьѣ съ брилліантовой брошью на груди; бѣлая шапочка кокетливо лежала на ея густыхъ, черныхъ, какъ смоль, волосахъ; бѣлый мѣхъ, покрывъ стулъ, падалъ до полу и смущенному Кочетову казалось, что онъ видитъ сонъ.

— Васъ-то мнѣ и надо! повторила незнакомка:— впрочемъ, я и такъ васъ сразу узнала. Костюмъ васъ совсѣмъ не мѣняетъ.

Она замолчала; ея лицо на мгновеніе вдругъ покраснѣло и выразило смущеніе, но она тотчасъ поборолла себя, быстро встала и выпрямилась, встряхнувъ головою.

— Скажите, у меня сценическая наружность?

Кочетовъ, несмотря на удивленіе, невольно залюбовался на ея стройную фигуру, затянутую въ красное платье, на ея высокую грудь и круглыя плечи.

— Только правду! прибавила она.
Кочетовъ очнулся.

— Для какой сцены?.. я думаю...

— Что вы думаете?

— Вы для всякой будете... красивы! отвѣтилъ онъ и покраснѣлъ. Незнакомка улыбнулась, сверкнувъ зубами, и съ довольнымъ видомъ опустилась на стулъ.

— Я точно такъ же думала и хотѣла посоветоваться съ вами; только не знала, когда васъ увидѣть можно, — вотъ и пришла теперь. Вы когда бываете свободны?

— До семи часовъ вечера. Въ восемь начинается представленіе.

— Съ утра?

— Съ двѣнадцати. Утромъ—репетиція, уборка лошадей... Въ циркѣ Хаймовича всѣ артисты были, въ то же время, и плотниками, и конюхами—по условію.

— Значить, придти можете? И отлично! Вотъ и поговоримъ. Кочетовъ невольно подчинился ея властному тону.

— Когда же? спросилъ онъ.

— Завтра съ репетиціи и приходите! Я васъ ждать буду. Смотрите же буду ждать! повторила она и, накинувъ на плечи ротонду, встала.

— Ахъ, адресъ-то чуть и не забыла, сказала она, улыбаясь, потомъ назвала улицу, домъ и прибавила: — тамъ спросите Хлябину, Анну Семеновну; вамъ укажутъ! она кивнула ему головою, растворила дверь и вышла. Кочетовъ нѣсколько мгновений сидѣлъ неподвижно, потомъ бросился за нею; въ полуосвѣщенномъ корридорѣ уже никого не было и до его слуха донесся лишь стукъ затворяемой внизу двери. Онъ вернулся въ свой номеръ и снова сѣлъ на кровать. Все происшедшее казалось ему сномъ. Въ теченіи своей одиннадцати-лѣтней бродячей жизни съ нимъ не случилось ничего подобнаго. Кто она? что ей надо? о чемъ совѣтовать? и въ такой странный часъ... въ комнаткѣ остался легкій запахъ духовъ, да повернутый стулъ напоминалъ ея присутствіе.

»Сумасшедшая«, рѣшилъ, наконецъ, Кочетовъ и, успокоившись на этомъ рѣшеніи, сталъ раздѣваться.

Мысль о незнакомкѣ тревожила его всю ночь; ему снились странные сны и вездѣ въ нихъ она являлась главнымъ лицомъ.

Онъ проснулся усталый и первая мысль его была — опять о ней.

»Пойду къ ней«, рѣшилъ онъ, торопливо одѣваясь.

»Пойду«, повторилъ онъ, выходя изъ гостиницы и направляясь къ трактиру, гдѣ вся труппа Хаймовича пила свой утренній чай.

II

Кочетовъ засталъ уже всю компанію въ сборѣ. Клоунъ Вейсъ сидѣлъ рядомъ съ Кларою, наѣздницей; Анжелика, ходившая по проволокамъ; Цампа, наѣздница; наѣздникъ Галлеръ и жонглеръ Жанъ — всѣ они, въ пиджакахъ, сюртукахъ, ватныхъ пальто, тѣсно сидѣли кругомъ двухъ сдвинутыхъ столовъ и пили чай; передъ ними стоялъ огромный графинъ водки и толстыми кусками наръзанная колбаса.

— Ваня! воскликнулъ Галлеръ, толстый, красный, бѣлокурый нѣмецъ, первый замѣтившій Кочетова.

Цампа радостно сверкнула глазами и привѣтливо закивала ему головой.

— Иди сюда, здѣсь сядешь! она подвинулась и грубо толкнула въ плечо Жана: — подвинься, не видишь что ли!

Жанъ, худосочный, бѣлокурый юноша съ узкой, впалой грудью, поспѣшно отодвинулся и на лицѣ его выдавилась смущенная улыбка. Кочетовъ поздоровался со всѣми и сѣлъ подлѣ Цампы. Она торопливо налила ему стаканъ чаю.

Ея красивое, цыганскаго типа, лицо вдругъ оживилось и просіяло.

— Сперва по спиритизму! берясь за графинъ сказала Вейсъ, молодой человекъ съ широкимъ ртомъ и глазами на выкатъ.

— Вѣдь ты ужъ выпилъ три рюмки! съ упрекомъ сказала ему Клара: — чего съ утра зенки-то наливать?

— Мол-чатъ! не твое дѣло! онъ налилъ четыре рюмки; Клара вспыхнула.

— А когда напъешься, да въ драку полѣзешь — тогда мое?

— Твое дѣло скакать, скакать и скакать! отвѣтилъ Вейсъ, и, громко смѣясь, протянулъ свою рюмку чокнуться съ товарищами.

— Что ты такой скучный сегодня? шепнула Цампа Кочетову. Кочетовъ, дѣйствительно, не былъ сегодня ду-

шою компаніи, какъ всегда; его несложную натуру поразили вчерашній визитъ и онъ искалъ ему объясненія.

— Такъ, отвѣтили онъ и вдругъ спросилъ, обращаясь ко всѣмъ:—господа, не слыхалъ ли кто про Хлябину?

Глаза Цампы ревниво сверкнули.

— Это въ красномъ платьѣ?

Кочетовъ кивнулъ головою.

— Да ты съ неба что ли свалился? изумленно спросилъ Галлеръ.

— Поощрительница наша, сказалъ Вейсъ.

— Любительница, объяснилъ Жанъ.

— Какъ мы пріѣхали, проговорила Анжелика, — она сейчасъ абонементъ на ложу купила. Юська съ нее 50 рублей содралъ, бестія!

— Да ты не зналъ что ли? приставалъ Галлеръ.

— Ей Богу, въ первый разъ слышу! отвѣтилъ Кочетовъ; онъ и самъ не понималъ, какъ могло произойти, что онъ не слыхалъ про Хлябину, а Цампа, съ горящими глазами, прерывающимся голосомъ спрашивала его:

— Зачѣмъ она понадобилась тебѣ, что тебѣ отъ нея нужно? а?

— Отстань! сказалъ Кочетовъ: отстраняя ее локтемъ.

— Идемъ братцы, не то жидъ заругается! сказалъ Вейсъ, поднимаясь съ мѣста.

Вся труппа дружной компаніей двинулась къ цирку. По мѣрѣ приближенія къ нему лица всѣхъ принимали хмурое выраженіе. Женщины въ легкихъ драповыхъ кофточкахъ быстро сѣменили ногами, уткнувъ лица въ свои жидкія муфты; мужчины, поднявъ воротники, мрачно шагали и каждый съ досадою думалъ о томъ, что въ такой холодище ему придется поработать часа три въ нетопленномъ циркѣ.

Двери въ циркъ были отворены. За убогою кассою, украшенной сажеными размалеванными афишами, сидѣла жена Хаймовича. Она корчилась отъ холода, кутаясь въ платокъ и, старая, сморщенная, съ крючковатымъ носомъ и отвислою губою, походила на больную обезьяну.

— Доброга утра, Верга Самуиловна! привѣтствовали ее артисты, проходя другъ за другомъ на арену цирка, откуда, то-и-дѣло, раздавался рѣзкій глосъ хозяина. Онъ училъ двухъ мальчишекъ дѣлать сальтомортале. По срединѣ арены стояли одинъ на другомъ два стола, а внизу передъ ними ле-

жалъ жидкій матрацъ. Бѣдные ребятишки, дрожа отъ холода и страха, влѣзали на столы и прыгали внизъ головою, стараясь перевернуться въ воздухѣ. Подлѣ матраца стоялъ Іосифъ Хаймовичъ съ хлыстомъ въ рукѣ и нещадно билъ мальчишекъ послѣ каждаго неудачнаго прыжка.

— А, поскудные! а, свиньи! хлѣбъ ѣсть умѣютъ, а прыгнуть — страшно! Ты чего руками махаешь, а? Руки прижми, башку внизъ! слушайся темпа!.. взвизгиваль онъ, когда другъ за другомъ на аренѣ цирка появились гимнасты.

Іосифъ Хаймовичъ опустил хлысть и привѣтливо сталъ кивать головою. Онъ отлично зналъ, съ кѣмъ надо быть внимательнымъ.

— Иванъ Матвѣевичъ! сказалъ онъ Кочетову:— хочешь вмѣсто лошадей мальчишекъ поучить?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Кочетовъ, проходя черезъ арену и не глядя на мальчишекъ, которые тупо стояли на краю стола.

— Здравствуйте Вейсъ, здравствуй Карлуша! говорилъ Хаймовичъ, пожимая руки Вейсу и Галлеру,— поработаемъ да и выпьемъ!

— А ты бы, слушай, обратился онъ строго къ Жану:— новый бы номеръ разучилъ: лампа да лампа! надоѣсть!

Жанъ смущенно улыбнулся и какъ-то весь съезжился подъ злымъ взглядомъ воспаленныхъ глазокъ хозяина.

— Я... я... забормоталъ онъ:— приборовъ нѣтъ... дорого!..

Хаймовичъ нахмурился. Жанъ быстро скользнулъ въ конюшню.

На смѣну Жану вошла Цампа и лицо Хаймовича вдругъ просвѣтлѣло. Онъ заморгалъ глазками.

— Здравствуй, Дуничка! потянулся онъ къ Цампѣ губами. Та отшатнулась.

— Что же ты? хозяина поцѣловать не хочешь?

— Я не для этого нанималась, сурово отвѣтила Цампа. Въ это время вошли Анжелика и Клара.

Хаймовичъ, нахмураясь, отвернулся отъ Цампы.

— А, душечки! здравствуйте, ципочки! онъ опять протянулъ свои синія губы.

— Смотри, Галлеръ идетъ, сказала Анжелика.

Хаймовичъ разсердился и отошелъ.

— Ты скорѣй со своими паршивцами кончай! сказалъ вслѣдъ изъ конюшни, Галлеръ:— я хочу лошадь проѣздить.

— Сейчас, сейчас! сердито отвѣтилъ Хаймовичъ. Арена опустѣла.

— Ну вы! закричалъ онъ мальчишкамъ:—слушать темпа. Стасюкъ первый! Ну! прразъ, готовся, два—готовся три!!

Стася растерянно выставилъ одну ногу впередъ, скакнулъ и, желая перевернуться, ударился головою въ матрацъ. Хаймовичъ рѣшилъ на немъ сорвать свою злобу.

— Уу, болванъ! уу, осель! присѣсть надо, присѣсть, присѣсть!! и въ тактъ его визгливымъ крикамъ гибкій хлыстъ свистѣлъ въ воздухѣ и опускался на плечи глупаго Стаси.

III

Группа прошла за кулисы. Въ полутемномъ широкомъ корридорѣ, заставленномъ гимнастическими приборами, они встрѣтили »русского силача« Семенова. Огромный, встрепаанный, съ припухшимъ лицомъ, онъ вылѣзъ изъ за свертка ковра и прсхрипѣлъ:

— Безъ чаю, братцы! жрать, какъ песь, хочу!

— Вотъ чучело то! воскликнула Клара: какъ ты попалъ сюда?

— Напился и заснулъ, а жидъ ушелъ и заперъ.

— Послѣ нажрешься! засмѣялся Вейсъ:—гайда, ребята!

Они свернули направо и вошли въ конюшню. Широкий корридоръ съ ящикомъ для овса и кадкою съ водой былъ разгороженъ на восемь стойлъ. Въ шести изъ нихъ стояли красивыя, но старыя и не жирныя лошади; въ седьмомъ былъ осликъ, а въ восьмомъ—свинья и козель.

При входѣ людей бѣдныя животныя заржали, заблеяли и зашевелились въ стойлахъ, а осель заревѣлъ такъ пронзительно и грустно, что несчастный Стасикъ, не выдержавъ темпа, прямо плашмя слетѣлъ на матрацъ.

Мужчины остались въ конюшнѣ; женщины разбрелись по цирку.

Хаймовичъ не платилъ даромъ денегъ и на всей труппѣ лежали постороннія обязанности: мужчины чистили лошадей и посыпали арену пескомъ, женщины вычищали обивку и приводили въ порядокъ бутафорскія вещи, а мальчишки подметали циркъ, заправляли лампы и расклеивали по городу афиши.

Хаймовичъ зналъ свое дѣло и давно бы былъ богатымъ человекомъ, если бы не его любовь къ женщинамъ. Всю душу его тотчасъ охватывала страсть, едва въ труппѣ появлялась новая женщина.

Теперь онъ ухаживалъ за Цампой...

Мужчины сняли съ себя пальто и пиджаки и пошли каждый къ своей лошади.

— Ишь, жидъ скаредный! сказалъ Галлеръ, съ глубокимъ сожалѣніемъ смотря на своего коня:— и репетиція, и работа, а кормить впроголодь!

— Все равно татарамъ продать! замѣтилъ Вейсъ.

Въ полутемной, холодной конюшнѣ началась работа. Работа кипѣла и по всему цирку. Въ жалкихъ уборныхъ Цампа вытирала столы и лавки, стряхивала соръ на полъ и приготовляла косметику: мѣлъ да охру; Клара ходила вдоль барьеровъ съ камышевой тростью и щеткой, вычищая полинявшее сукно обивки, а Анжелика осматривала въ бутафорской костюмы и на скорую руку штопала порванное трико.

Измучивъ мальчишекъ и выбившись изъ силъ, Хаймовичъ кончилъ урокъ.

— Ну, паскудники, сегодня—все! до завтра! уберите,— и живо за лампы!..

— Веди свою лошадь, Карлуша! сказалъ онъ, входя въ конюшню.

— Ты бы ее кормилъ, скаредъ! — угрюмо проворчалъ Галлеръ.

— Ну и зачѣмъ браниться; ты сдѣлай большой сборъ, я дамъ большаго корма! Хаймовичъ лукаво прищурился и махнулъ хлыстомъ въ воздухъ.

Галлеръ сталъ снаряжать лошадь. Кочетовъ торопливо кончалъ свою работу. Онъ уже вымылъ, выскребъ назначенную ему лошадь и торопился засыпать овесъ; сдѣлавъ свое дѣло, онъ сталъ одѣваться.

— Куда ты? спросилъ Хаймовичъ.

— Некогда, хозяинъ, тороплюсь! — отвѣтилъ Кочетовъ.

— И закусить, и выпить не будешь?

— Дѣло есть, дѣло! Кочетовъ быстро пошелъ къ выходу. На аренѣ его догнала Цампа и схватила за руку. Черные волосы ея растрепались и висѣли вокругъ разгорѣвшагося лица; въ глазахъ ея свѣтились упрекъ и тревога.

— Ты куда же? а? дрожащимъ голосомъ спросила она. Кочетовъ нахмурился. Онъ не любилъ сценъ.

— Пусти!

— Обѣдать со мной не будешь?

— Некогда, дѣло есть!

— Это ты къ ней, къ ней! — чисто женскимъ инстинктомъ догадалась Цампа и грустно сказала: — отчего ты меня полюбить не хочешь?

Кочетовъ пожалъ плечами. Что онъ могъ ей отвѣтить? Цампа пытливо посмотрѣла на него и выпустила его руку.

— Богъ съ тобою, коли такъ! сказала она, отходя. Кочетовъ быстро направился къ выходу. Цампа остановилась посреди арены и потемнѣвшимъ взоромъ смотрѣла на красную занавѣску, за которою скрылся Кочетовъ. Вкругъ ея талли вдругъ обвилась рука.

— Дуня, Дуняшечка! захлебываясь отъ волненія заговорилъ Хаймовичъ, смотря на нее масляными глазами: — отчего ты грустная?

— Тебя вотъ не было! рѣзко отвѣтила Цампа, вывертываясь изъ его руки. Воспаленные глаза Хаймовича заморгали; онъ снова потянулся къ ней:

— Полюби меня, Дуня! я ничего не пожалѣю!

— Отстань ты, жидъ, съ этими разговорами! вдругъ крикнула Цампа и, закрывъ лицо руками, побѣжала за кулисы. Слезы быстро текли между ея тонкихъ пальцевъ.

Хаймовичъ нахмурился, но потомъ вдругъ засмѣялся, словно открылъ что то.

— Гой! закричалъ онъ весело входившему съ лошадей Галлеру: — я тебѣ помогать буду!..

— Ахъ, мусью Галлеръ! Иосифъ Абрамовичъ! мое почтенье! вы обѣзжать будете! Отлично, отлично, посмотримъ! А гдѣ Цампочка, Кларочка, Анжелика? а? тамъ, въ конюшнѣ! ха, ха, ха, начинайте!

Передъ Галлеромъ и Хаймовичемъ вертѣлся испитой, молодой человекъ съ бритою лошадиной физиономіей. Онъ былъ въ ватномъ драповомъ пальмерстонѣ и высочайшемъ цилиндрѣ: словно клоунъ на сценѣ, онъ вертѣлся, взмахивалъ руками и трещалъ безъ умолку. Толстый Галлеръ, небрежно свѣсивъ ноги, сидѣлъ на широкой площадкѣ сѣдла, а Хаймовичъ стоялъ подлѣ лошади съ бичемъ въ рукѣ.

IV

Кочетову было жаль Цампы. Ея упрекъ больно отозвался въ его душѣ, но онъ ничего не могъ сдѣлать, потому что не чувствовалъ къ ней никакой любви. Онъ вышелъ на улицу и мысли его тотчасъ обратились къ той, которая вчера такъ поразила его воображеніе. Онъ пошелъ по указанному адресу. По пустынной улицѣ, на краю города онъ нашелъ двухъэтажный деревянный флигель, окруженный садомъ; голыя вѣтви, осыпанныя снѣгомъ, уныло качались и стучали въ окна флигеля, словно костлявыми пальцами. Кочетовъ вошелъ на дворъ. Огромная, лохматая собака рванулась на цѣпи и съ хриплымъ лаемъ стала метаться подлѣ будки. Кочетовъ пошелъ по протоптанной въ снѣгу дорожкѣ къ ветхому, покосившемуся крылечку. Изъ дверей вышла баба съ охапкою бѣлья.

— Гдѣ здѣсь Анна Семеновна Хлябина? спросилъ ее Кочетовъ.

— Здѣсь, здѣсь, милый человѣкъ, заговорила баба: — сейчасъ въ дверь и потомъ по лѣсенкѣ. Внизу, значить, хозяева живутъ... Она подняла бѣлье, которое сложила во время объясненія и пошла черезъ дворъ, по колѣна утопая въ снѣгу.

Кочетовъ перешагнувъ черезъ порогъ двери и вдругъ оробѣлъ, едва увидѣлъ крутую, узкую лѣсенку, ведущую на верхъ. Въ его головѣ мелькнули мысли: »кто онъ и кто она, зачѣмъ она приходила, зачѣмъ онъ идетъ и что увидитъ?..« Непонятный трепетъ охватилъ его душу, и онъ нерѣшительно сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Надъ его головою хлопнула дверь. Онъ поднялъ глаза и на площадкѣ лѣстницы увидѣлъ Хлябину, она привѣтливо кивала ему головою.

— Вы? здравствуйте! я думала, что не придете! вдругъ слышу скрипъ на лѣстницѣ... здравствуйте! сюда! весело проговорила она и прошла въ дверь.

Кочетовъ слѣдомъ за нею перешагнувъ порогъ передней и сбросилъ съ себя пальто. Передъ нимъ другъ за другомъ виднѣлись двѣ небольшія комнатки, упирающіеся въ дверь третьей; по крашеному навощеному полу тянулася холщевая дорожка; въ правыхъ углахъ комнатъ сверкали ризами большіе образа и теплились лампадки; вездѣ стояла мебель

краснаго дерева съ плоскими сидѣньями и выгнутыми спинками. Кочетовъ прошелъ за Хлябиной во вторую комнату и, пока проходилъ, вся эта обстановка напомнила ему его дѣтство. Его отецъ былъ мелкій торговецъ и ихъ маленькая квартирка имѣла и такой же вощенный полъ, и холщевыя дорожки, и строгія кіоты, и непремѣнную горку.

Вольная жизнь бродячаго артиста веселѣй монотонной жизни лавочника,—но Кочетову иногда вдругъ вспоминается родной уголь, старуха мать, сестры — и ему становилось тогда грустно.

— Теперь грустить не дѣло, хозяйка.

Въ комнатѣ, въ которую она ввела его стоялъ столъ, съ ярко вычищеннымъ самоваромъ посерединѣ, весь уставленный бутылками и закусками.

— Садитесь, вы вѣрно проголодались, заговорила Хлябина, нервно двигаясь по комнатѣ,— вы не повѣрите, какъ я рада, что вы пришли!

Кочетовъ чувствовалъ себя неловко. Его, жалкаго акробата, принимаетъ у себя барыня и еще рада его приходу! Онъ стоялъ, нерѣшительно топчась на мѣстѣ, смущенная улыбка не сходила съ его лица.

— Сядете, вы, что ли? вдругъ нетерпѣливо крикнула Хлябина. Кочетовъ вздрогнулъ и поспѣшилъ сѣсть. Хлябина засмѣялась.— Вотъ такъ-то лучше! проголодались, работали, чего ѣсть хотите? выпейте сперва.

Кочетовъ нѣсколько оправился и исподлобья оглядѣлъ хозяйку; >чудить<, думалъ онъ, смотря на нее и съ каждымъ мгновеньемъ къ нему возвращалась увѣренность.

Хлябина казалась Кочетову еще эффектнѣе вчерашняго. На ней былъ палевый капотъ съ яркой красною вставкою и съ широкими распашными рукавами. Каждый разъ, когда она брала что нибудь, широкіе рукава распахивались и Кочетову рѣзалъ глаза бѣлый, молочный цвѣтъ обнаженной руки съ ровной ямкой на пухломъ локтѣ.

Хлябина словно понимала состояніе Кочетова и глаза ея весело, вызывающе, смотрѣли на него, а губы постоянно раскрывались улыбкою. Когда онъ выпилъ первыя двѣ рюмки и закусилъ, она пересѣла къ нему ближе и стала осыпать его вопросами. Кочетовъ едва успѣвалъ отвѣчать на нихъ; онъ теперь совсѣмъ освоился со своимъ страннымъ

положеніемъ и, говоря съ Хлябиной, открыто смотрѣлъ ей въ глаза и отвѣчалъ улыбкою на ея улыбку.

Она спрашивала его: много ли онъ получаетъ, выгодно ли содержать циркъ, кто такой Хаймовичъ, сколько ихъ въ труппѣ, легко ли выучиться скакать на лошади, какъ они бѣлятся, какъ румянятся, какъ называется ихъ одежда, куда они поѣдутъ дальше... и такъ до безконечности, словно хотѣла сразу узнать всѣ мелочи ихъ повседневной жизни. Она спрашивала его нервнымъ, торопливымъ голосомъ, горящими глазами впиваясь въ его лицо, и жадно прислушивалась къ его отвѣтамъ. Кочетовъ отвѣчалъ, выпивая рюмку за рюмкой и, мало по малу, хмѣльная нѣга овладѣла имъ.

Самоваръ уже давно погасъ, легкіе сумерки наполнили комнату и Кочетовъ видѣлъ только свѣтлый фонъ хозяйкинаго лица да ея горящій взглядъ. Онъ лѣниво откинулся на спинку кресла, вытянулъ ноги и теперь ему, пьяному, сытому, казалось, что онъ здѣсь свой человѣкъ; всякое мущеніе оставило его.

— А страшно вамъ? продолжала вопросы Хлябина.

— Чего?

— Когда вы летите съ трапеціи на трапецію?

— Нѣтъ, привычка!

— А вы долго учились?

— Недѣлю.

— Недѣлю! а что раньше дѣлали?

— А все! воздушной гимнастикой работалъ!..

— Работалъ! воскликнула Хлябина — какъ мнѣ нравится это! именно — работалъ!

»Шалить« подумалъ Кочетовъ, а она вдругъ нагнулась къ нему такъ близко, что онъ чувствовалъ ея дыханіе, и спросила:

— А когда кончится, вы уѣдете отсюда?

— Уѣду! отвѣтилъ съ трудомъ Кочетовъ. У него закружилась голова.

— А если я стану просить остаться?

Кочетовъ почувствовалъ на своей рукѣ ея руку. Передъ глазами его замелькали красные круги, но онъ овладѣлъ собою и вдругъ встрепенулся.

— Однако, мнѣ пора! проговорилъ онъ торопливо. Хлябина отшатнулась.

— Куда?

— Домой, потомъ въ циркъ! выспаться надо, а то шею сломишь!

— Ложитесь у меня!

Кочетовъ словно протрезвѣлъ отъ такого предложенія.

— Нѣтъ, благодарствуйте, мнѣ еще надо и подготовиться дома!

Онъ поднялся и двинулся къ двери. Въ комнатахъ было уже темно. Въ дверяхъ снова его руку сжала горячая рука Хлябиной.

— Я васъ отпущу теперь, но съ условіемъ: послѣ представленія ко мнѣ! прошептала она:—хорошо, придете? мнѣ страхъ сколько еще сказать вамъ надо!

Въ пьяной головѣ Кочетова мелькнули веселыя мысли.

— Отчего же, приду! отвѣтилъ онъ, ощупью отыскивая свое пальто въ передней.

— Я увезу васъ! сказала она, стискивая его руку...

»Ой баба, баба«, думалъ ухмыляясь Кочетовъ, идя къ себѣ домой. »И чего ей надобно! а?« онъ взмахнулъ руками и невѣрнымъ шагомъ вошелъ въ двери гостиницы.

Продолженіе слѣдуетъ

А. Е. Заринъ

Изъ „МОНОЛОГОВЪ ЖИЗНИ“

I

Друзья-актеры

Спасибо вамъ, друзья!.. Я благодаренъ вамъ
За то, что вы своимъ примѣромъ научили,
Какъ понимать враговъ: на зло моимъ врагамъ,
Вы ими для меня съ такой любовью были!
Трудна была вамъ роль, вамъ было не легко
Самихъ-себя ломать, душой кривить для друга;
Но велика любовь, но велика услуга!

И — благодаренъ вамъ за все я глубоко.

Взявъ роль не по душѣ, вложили вы въ нее
Всю душу, весь талантъ... Съ такимъ горячимъ чувствомъ
На сцену вамъ пойти, — вы подняли-бъ ее,
Вы славу Гарриковъ затмили бы искусствомъ!
Артистами въ душѣ вы родились на свѣтъ,
Вы генія въ себѣ-самихъ не разглядѣли...

О, еслибъ вамъ себя да проявить на дѣлѣ, —

На сценѣ въ наши дни вамъ равныхъ даже нѣтъ!

Такую роль сыграть, да какъ сыграть!.. Я самъ
Дивлюсь — не надивлюсь... Вы — жизнь мнѣ отравляли,
Какъ злѣйшіе враги... Да что, да гдѣ врагамъ!
Такъ мучить, такъ терзать? Такъ искренне?! Едва-ли!

Вы каждый мой порывъ умѣли осмѣять,
А чувство каждое — унижить передъ всѣми, —
Какъ возносили вы меня въ иное время,

Чтобъ прямо въ грязь съ небесъ сводить всегда опять!..

Въ театрѣ, на сцену вамъ!.. Вѣдь даже я порой

Терялся и робѣлъ невольно передъ вами, —

Не зналъ я иногда — считать ли все игрой,

Друзей ли видѣть въ васъ, встрѣчать ли васъ врагами?

Безъ васъ и самъ-себя понять не могъ бы я,
 Въ сомнѣньяхъ роковыхъ бесплодно изнывая:
 Вы — поняли меня, себя не сознавая...
 И — васъ я оцѣнилъ... Спасибо вамъ, друзья!..

II

Голосъ сердца

Вѣру сердца потерявшіе —
 Вы, любовью не страдавшіе,
 Вы, страдая — не любившіе,
 Жизнь безжизненно отжившіе, —
 Люди-братья, страшно мнѣ —
 Съ сердцемъ, кровью истекающимъ,
 За любовь любя-страдающимъ, —
 Съ вами жить въ одной странѣ!
 Гдѣ кипитъ борьба ужасная,
 Гдѣ томитъ тоска неясная,
 Гдѣ царитъ одна безстрастная
 Страсть къ наживѣ полновластная, —
 Какъ мнѣ быть и какъ мнѣ жить?
 Повѣрять надежды мнѣ кому,
 Если вѣрять даже некому,
 Если не съ кѣмъ мысль дѣлится?!..
 Не пустыней безответною —
 Безпріютной, непривѣтною,
 Съ тайной мукой безпредметною,
 Для страдальцевъ непримѣтною,
 Жизнь лежитъ передо мной, —
 Нѣтъ, свѣтлѣетъ тьма глубокая;
 Слышу, слышу издалика я
 Голосъ сердца, мнѣ родной:
 — »Вѣру сердца не теряючи,
 »За любовь любя-страдаючи,
 »Подлюбивъ, не разлюбляючи,

»Знойнымъ полымемъ сгораючи,
»Какъ ты жилъ, такъ и живи, —
»Съ сердцемъ, кровью истекающимъ,
»Съ чувствомъ, сердце обновляющимъ
»Обновленіемъ любви!..«

III

Неуловимое

...День-ли то былъ, утомившійся зноемъ,
Утро-ли ясное жаркаго лѣта,
Ночь-ли, съ ея молчаливымъ покоемъ,
Ночь непроглядная, съ звѣзднымъ-ли роемъ,
Вечеръ-ли тихій съ улыбкой привѣта?
Не соловьи-ли то мнѣ рокотали
Въ чащѣ тѣнистой, въ затишьи зелѣномъ,
То не ручьи-ли мнѣ сказки журчали,
То не деревья-ли въ шумной печали
Долу сгибались надъ горнымъ услономъ?
Буря-ли выла, гроза-ль грохотала,
Дождь-ли въ окошко стучалъ сиротливо,
Башня-ль на башню руиной упала,
Молнія-ль тучи огнемъ разсѣкала,
Или шумѣла волнистая нива?
Звуки летали, какъ вольныя птицы,
Или то рѣяли яркія краски,
Иль голубыя мерцали зарницы,
Звѣзды-ль свои закрывали зѣницы,
Млѣя отъ мѣсяца трепетной ласки?
Камнемъ недвижимымъ лежалъ-ли я въ морѣ,
Въ сферѣ-ли неба лазурно-воздушной
Я пролеталъ, утопая въ просторѣ?
Нѣтъ! Позабылъ я про старое горе...
Нѣтъ! Я ушелъ отъ толпы равнодушной!..

Аполлонъ Коринфскій

РЕБЕНОКЪ

РАЗСКАЗЪ

Поля Маргерита

I

Поручикъ Боде, съ большимъ трудомъ выхлопоталъ своему сыну Казимиру стипендію въ военномъ училищѣ въ Лидѣ. Сюда принимались только сыновья офицеровъ, и безъ ходатайства генерала Сабуро, подъ начальствомъ котораго служилъ когда-то Боде, его сына ни за что бы не приняли.

Сильно взволновался отецъ, когда разсылный принесъ повѣстку изъ министерства, въ бѣломъ конвертѣ, за казенной печатью.

Его обыкновенно суровое лицо прояснилось и, дернувъ привычнымъ жестомъ свой сѣдой усъ, онъ громко позвалъ свою жену, Гонорію. Блѣдное созданіе, съ испуганными глазами, тотчасъ же явилось.

Г-жа Боде, когда-то была очень красива и до сихъ поръ еще сохранила слѣды былой красоты, хотя и казалась нѣсколько болѣзненною.

Повидимому, она немного побаивалась своего грубаго повелителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любила его.

— Казимиръ принятъ! произнесъ поручикъ, потрясая бумагою. — Черезъ десять дней онъ поступитъ въ училище. Нечего сказать, везетъ мальчишкѣ!

Лицо жены не выразило радости. Она быстро заморгала глазами и заплакала. Это вывело поручика изъ себя.

— Ахъ, эти женщины! вмѣсто того, чтобы радовать-

ся, онѣ плачутъ. Какъ! Мы бѣдны, я лишаю себя табаку и не хожу даже въ кафе! (это, однако, существовало только въ его воображеніи, такъ какъ онъ курилъ съ утра до ночи и каждый вечеръ проводилъ за игрою въ сосѣднемъ ресторанѣ). У тебя на рукахъ двѣ дочери, ихъ нужно воспитывать; выкормить. Твой Казиміръ ѣсть, какъ собака, въ домѣ хоть шаромъ покати, а ты плачешь, что онъ уходитъ. Но, чего же тебѣ нужно? Онъ будетъ сытъ, одѣтъ, обутъ, получить солидное образованіе. Между тѣмъ, какъ я!.. О, если бы въ дѣтствѣ у меня было то же, что у этого замарашки, я бы теперь былъ, по крайней мѣрѣ, подполковникомъ. Я прослужилъ 30 лѣтъ, сдѣлалъ пять кампаній, получилъ шесть ранъ, да еще, Богъ знаетъ, сколько разъ меня чиномъ обходили, а между тѣмъ я сражался съ Бу-Мазой и чуть было не взялъ его живымъ въ плѣнъ. Я овладѣлъ австрійскимъ знаменемъ и собственноручно убилъ Рамона и-Квистецъ, главу испанскихъ гверильсасовъ и, мало того, попробовалъ еще арабовъ, русскихъ и пруссаковъ!

Съ краснымъ лицомъ и съ налившимся кровью щрамомъ на лбу, поручикъ долго расхаживалъ по комнатѣ, и, наконецъ, остановился, какъ вкопанный, передъ женою.

— Ну довольно болтать, гдѣ Казиміръ?

— Онъ играетъ съ сестрами и маленькой Эстеллой.

— Позови его!

И Бодѣ закурилъ свою трубку, вѣчно торчавшую у него въ карманѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату заглянулъ робкій, болѣзненный и безобразный мальчикъ.

— Войди, да скорѣе, произнесъ отецъ, выведенный изъ себя медленностью, съ какой Казиміръ притворялъ за собой двери. Онъ оглядѣлъ съ головы до ногъ невзрачнаго ребенка. Рыжий, не золотистаго, а гадкаго рыжаго цвѣта, съ лицомъ запачканнымъ въ отрубяхъ, съ курносимъ носомъ огромнымъ ртомъ, непомерно огромными ушами и съ черезъ чуръ огромной головою для его тщедушнаго тѣла, Казиміръ, несмотря на свои четырнадцать лѣтъ, казался не болѣе десяти.

Но за то его глаза, свѣтлоголубые, какъ у его матери, выкупали все. Эти глаза, печальные и робкіе, придавали ему мечтательный видъ, выводившій изъ себя отца, пред-

почитавшаго ему двухъ младшихъ сестеръ, кокетливыя ужимки которыхъ забавляли его.

Онъ строго и пытливо посмотрѣлъ на мальчика.

— Взгляни-ка на меня, сказалъ онъ, — у тебя руки грязны, и затѣмъ продолжалъ: Ты принять въ училище. Но не думай, что ты выдержалъ экзаменъ: ты сдѣлалъ три ошибки во французской диктовкѣ. Генераль Сабуро выхлопоталъ, чтобы тебя приняли. Черезъ недѣлю я отвезу тебя въ Лидъ. И тамъ старайся учиться! Это образцовая военная школа: ты будешь носить мундиръ и тебя учать военной выправкѣ. Все дѣлается по командѣ и по барабану. Ходить придется въ ногу. Я все сказалъ! На лѣво кругомъ маршъ! Да вымой себѣ руки!

II

Ребенокъ, ни слова не говоря, сдѣлалъ на лѣво кругомъ. Что-то непонятное сдавило ему грудь. Мысль, что онъ не будетъ болѣе играть съ Эстеллой, надрывала его сердце и увеличивало его ужасъ, внушаемый ему жизнью въ военномъ училищѣ, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не хотѣлъ быть солдатомъ, а суровая дисциплина просто пугала его.

Для него солдатъ, значило вѣчно слышать повелительные голоса, какъ у его отца, не смѣть дышать, говорить, думать. Его нѣжная, болѣзненная натура молча возставала противъ этой тирании.

Ему бы хотѣлось, но какъ-то смутно, учиться и сдѣлаться докторомъ или адвокатомъ. Его мать дѣлала несбыточную мечту, что онъ сдѣлается священникомъ. Онъ готовъ былъ на все, только бы не носить мундира; его пытливая душа возставала противъ убійства. Но онъ зналъ, что имъ управляетъ сила сильнѣе его и что бороться съ нею, ему, такому маленькому, щедрушему, немислимо и такъ какъ, по счастью, впечатлѣнiя дѣтства непродолжительны, то онъ и не думалъ болѣе ни о чемъ, какъ объ оставшихся 60 дняхъ каникулъ.

У фонтана, на дворѣ, онъ остановился, вымылъ руки, торопясь отыскать своихъ сестеръ и Эстеллу.

Этотъ юноша зачастую игралъ съ десятилѣтними дѣвочками, хотя, конечно, при этомъ въ играхъ ему доставались

самыя низшія назначенія: старой собаки, лошади—и ужъ стегали-же его! Въ ту минуту, когда его позвали, онъ былъ садовникомъ и копалъ землю. Возвратясь отъ отца на лужокъ, усѣянный желтыми цвѣтами, и служившій дѣтямъ садомъ, онъ нашелъ только сестеръ.

— Гдѣ же Эстелла?

— За ней мама пришла.

— Она вернется?

Дѣвочки не удостоили его даже отвѣтомъ и бѣдный Казиміръ чуть было не заплакалъ.

Онъ вернулся въ домъ и, поджидавшая его мать, тревожно сказала ему, въ полголоса:

— Ты бы занялся. Вѣдь ты знаешь, папа такъ настаиваетъ на этомъ.

Онъ сgrimасничалъ: развѣ во время каникулъ занимаются? Но противорѣчить не посмѣлъ и послѣдовалъ за матерью въ комнату, гдѣ та вышивала свою работу, продаваемую ею черезъ посредство церковной общины и плата за которую, безъ вѣдома господина Боде, нѣсколько увеличивала ихъ ограниченныя средства.

Какъ часто эта усидчивая, кропотливая работа развлекала ребенка, будила въ немъ вопросъ — почему его мама всегда покорна и молчалива, какъ онъ, но онъ тотчасъ же успокаивалъ себя тѣмъ, что такъ нужно и, въ концѣ концовъ, находилъ почти естественнымъ, что она портитъ свои глаза и пальцы надъ этою неблагодарною работою. Конечно, его нѣжное сердце нашептывало ему, что его мама слаба и беззащитна, какъ и онъ, и сынъ жалѣлъ ее.

Она же, съ своей стороны, жалѣла этого мальчика не такого сильнаго и здороваго, какъ другія дѣти, котораго къ тому же мучили и товарищи въ школѣ. Но несмотря на то, мать и сынъ никогда не высказывали своихъ чувствъ другъ другу и каждый страдалъ отдѣльно.

Г-жа Боде задумчиво сидѣла за пальцами, медленно двигая иглою, обыкновенно такъ быстро сновавшей взадъ и впередъ. Казиміръ, сидя у открытаго окна, выходившаго на фабрику, казалось, былъ весь погруженъ въ свою задачу, но, искоса поглядывая вокругъ, онъ видѣлъ деревья, начинающія темнѣть и кусокъ неба, нѣжнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ яркаго голубаго цвѣта, который даетъ только южный воздухъ. Онъ думалъ о прогулкахъ съ товарищами по лѣсу,

о сборѣ яблоковъ. Но въ этихъ прогулкахъ и шумныхъ играхъ было много и непріятнаго для него. Часто товарищи смѣялись надъ его неловкостью. Его безобразіе, сосредоточенный видъ, отсутствіе гибкости и ловкости въ играхъ, дѣлали его какимъ-то посмѣшищемъ.

Его слабость и трусость передъ ударами сдѣлали изъ него козла очищенія, какъ-то всегда бываетъ въ училищѣ. Особенно одинъ изъ старшихъ, по имени Матвѣй, сынъ мясника, яростно преслѣдовалъ его. Надежда избавиться отъ него, нѣсколько смягчила его печаль, при извѣстіи, что ему придется покинуть Лодевъ. Конечно, въ морскомъ училищѣ, гдѣ его никто не знаетъ, его уже не будутъ такъ дразнить, никакой Матвѣй уже не будетъ дергать его за его длинныя уши. Да развѣ они уже такъ длинны!

Какъ у большинства дѣтей, преслѣдованіе и насмѣшка товарищей развили въ немъ болѣзненное самолюбіе, эгоистичное противодѣйствіе и мучительное довольство собою.

— Они мучатъ меня, потому что я на нихъ не похожъ, убѣждалъ онъ себя, потомъ добавлялъ:— Они мучатъ меня, потому что я лучше ихъ. И онъ отплачивалъ имъ всѣмъ гордымъ презрѣніемъ, что не мѣшало ему, однако, находить непріятными ихъ насмѣшки.

Но вдругъ, чья-то рука опустилась на его плечо. Онъ вздрогнулъ. Его мать съ жалостью смотрѣла на него, а въ ея блѣдныхъ глазахъ выражалась глубокая нѣжность.

— Ты будешь тамъ пайнкой? Ты будешь стараться учиться, не правда ли, дитя мое?

Онъ общалъ и, пристально посмотрѣвъ на ея печальное лицо, замѣтилъ, что ея губы дрожали.

— И... продолжала она, и... ты не забудешь меня скоро, не правда ли дорогой мой?

— Мама! и онъ бросился ей на шею, онъ, не смѣвший даже никогда ее поцѣловать.

Ихъ объятія были нѣжны, но кратки. Она быстро ушла, чтобы не разрыдаться.

III

— Эй Бодѣ! Алиборонъ, эй Бодѣ! Онъ узналъ голосъ товарища и опасно (а что если Матвѣй, гдѣ нибудь за угломъ!), но съ любопытствомъ высунулъ изъ окна.

Пахъ! И огромный комокъ мокрой бумаги шлепнулся ему прямо въ лицо, между тѣмъ, какъ подъ окномъ раздался громкій смѣхъ и стукъ убѣгающихъ ногъ. Казиміръ, вовсе не удивленный, обтерся. Онъ не обидѣлся, его раздражала только мысль, что прохожіе могли это видѣть. При мысли объ Эстеллѣ, что, быть можетъ, въ эту минуту она переходила улицу, онъ сильно покраснѣлъ и его бѣдное, наболтѣвшее сердечко защемило.

Какъ разъ, въ эту минуту, чей-то нѣжный голосъ позвалъ его.

— Казиміръ, ты здѣсь?

Онъ вспрыгнулъ на стулъ.

— Это ты, Эстелла?

Подъ окномъ стояла, поднявъ голову, хорошенькая блондинка въ бѣломъ передничкѣ. Онъ пристально глядѣлъ на нее. Въ ея личикѣ не выражалось ни насмѣшки, ни — что еще болѣе оскорбило бы его — жалости, которую иногда онъ видѣлъ на немъ. По всей вѣроятности, она ничего не видѣла.

— Почему ты ушла отъ насъ, спросилъ онъ ее.

— Мама позвала. У насъ были гости, — потомъ она добавила.

— Иди же!

Онъ колебался:

— Боюсь, папа увидитъ.

Но дѣвочка успокоила его.

— Онъ пошелъ въ ресторанъ и не увидитъ тебя.

Тогда, расхрабрившись, онъ спустился въ окно, разсуждая, что если онъ выйдетъ въ дверь, мать можетъ его остановить.

— Хочешь орѣшковъ? спросила его Эстелла, и съ этими словами, вынула ихъ изъ карманка своего передника.

Съ минуту они грызли орѣшки, какъ бѣлки. Затѣмъ Эстелла (какъ она была мила въ своемъ голубомъ платьѣ, съ розовымъ личикомъ и длинными свѣтлыми косами!) посмотрѣвъ на него изъ-подъ рѣсницъ спросила:

— Что съ тобою? Какой у тебя глупый видъ?

Ей не было еще и 11 лѣтъ, но она была по характеру настоящей женщиной и хитра же она была!

— Меня приняли въ училище, прошепталъ онъ. — Я скоро уѣду.

— А! проивнесла она спокойно. Затѣмъ вдругъ быстро добавила. — Ты будешь въ солдатскомъ платьѣ? Вотъ бы посмотрѣть на тебя!!

Но бѣдный Казиміръ подумалъ, что это бы только огорчило его. Онъ зналъ ее уже десять лѣтъ и любилъ даже больше, чѣмъ своихъ сестеръ, слишкомъ избалованныхъ отцомъ. Его сильно уязвило, когда дѣвочка спросила его совсѣмъ невиннымъ тономъ:

— Ужъ не съ Гимолиномъ ли ты разговаривалъ сейчасъ?

Съ кѣмъ онъ говорилъ! Это съ мокрой-то бумагой, слѣдовательно она все видѣла. А такъ какъ Гимолинъ иногда игралъ съ Эстеллой, то Бодѣ сердито отвѣтилъ ей:

— Онъ слишкомъ скоро убѣжалъ, а то я бы сказалъ ему пару словъ. Эстелла сдѣлала видъ, что не понимаетъ.

— Ахъ знаешь, мама поручила мнѣ пригласить тебя завтра къ намъ, мы поѣдемъ послѣ за городъ.

Отецъ Эстеллы, общинный сборщикъ, имѣлъ въ окрестностяхъ города небольшую ферму. Это приглашеніе успокоило Казиміра, чтобы его окончательно умиротворить Эстелла добавила:

— Будутъ только Жанъ и Мари, ты, моя подруга Лора и ея братъ.

Дѣвочка улыбнулась съ видомъ превосходства: брату ея подруги было всего только семь лѣтъ и при томъ же онъ былъ мирнаго нрава и нѣсколько глуповатъ.

Оба замолчали; наконецъ, Эстелла начала кокетливо.

— Тебѣ не хочется ѣхать въ училище!

Онъ чуть было не напустилъ на себя слѣсъ и не сказалъ: не особенно! Но какая-то неизъяснимая нѣжность овладѣла имъ и онъ произнесъ печально:

— Ахъ, какъ не хочется!

Этотъ искренній тонъ произвелъ на дѣвочку сильное впечатлѣніе и она, украдкой посмотрѣвъ на Казиміра, сказала:

— Ты будешь намъ писать?

— Конечно, отвѣтилъ онъ успокоенный и почти шепотомъ.

Высоко въ воздухѣ рѣяли ласточки. Солнце садилось. Легкій вѣтерокъ колебалъ верхушки пожелтѣвшихъ деревьевъ. Все было тихо вокругъ и Казиміръ, печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ довольный, смотря по тому думалъ ли онъ о пред-

стоящемъ ему отъѣздѣ или о завтрашней прогулкѣ, сначала глубоко вздохнулъ, а потомъ улыбнулся.

IV

Г-нъ Боде съ Казиміромъ пріѣхалъ въ 3-мъ классѣ, выпилъ чашку кофе и повелъ его по улицамъ по направленію къ училищу.

Черезъ нѣсколько минутъ они увидѣли передъ собою его высокія стѣны и огромныя, точно тюремныя ворота. Видъ параднаго двора, окаймленнаго бархатнымъ дерномъ, внушалъ Казиміру уваженіе, и, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ приготовился къ торжественнымъ событіямъ.

Майоръ, котораго предупредили о пріѣздѣ новаго ученика, присутствовалъ при его переодѣванъѣ. Домашнее платье, бѣлье, сапоги, все, принявшее уже форму его тѣла, онъ долженъ былъ снять, свернуть въ узелъ и отдать отцу. Одѣтый съ головы до ногъ въ грубую ткань, въ плотное, прилегающее къ тѣлу платье, изъ синяго и краснаго сукна, молодой Боде сталъ совершенно неузнаваемъ.

Ему дали нумеръ, и съ этой минуты онъ сталъ едилица какого-то цѣлаго, ничего не значущей цифрой.

Покончивъ съ переодѣваньемъ, его повели показать сначала командиру училища, потомъ полковнику, священнику и сестрѣ милосердія.

Ошеломленный Казиміръ кромѣ того долженъ былъ осмотрѣть заведеніе въ подробностяхъ, какъ бы для того, чтобы оно заранѣе опротивило ему. Лакей въ черной ливреѣ съ краснымъ воротникомъ и плоской фуражкѣ, въ надеждѣ получить серебряную монетку, удовлетворялъ ненасытное любопытство Боде старшаго. Все-то онъ хотѣлъ видѣть: спальни, кухню, столовую, дворъ и большой паркъ, гдѣ ученики играли во время большихъ рекреаций, тут же высились трапеціи, коньки и канаты. Восхищенный поручикъ даже попробовалъ крѣпость гимнастическихъ колець, также какъ и супъ изъ большихъ котловъ, а рукою пощупалъ соломенники постелей.

— Каково Казиміръ? то и дѣло спрашивалъ онъ, вращая глазами, каково? восхитительно!.. везетъ ему, везетъ! И, обращаясь къ мальчику, говорилъ ему, что онъ, Боде, старый солдатъ, африканской арміи, никогда не получалъ

подобнаго воспитанія. Онъ вспомнилъ австрійское знамя, Рамона-и-Квистецъ. Его эспаньолка такъ и прыгала на подбородкѣ и онъ, то-и-дѣло, ударялъ въ свою красную, совсѣмъ новую орденскую ленту. Казиміръ страдалъ нравственно, оскорбленный въ своей скромности болтливымъ изліяніемъ отца и угрюмою почительностью лакея. Въ церкви Боде примолкъ. Затѣмъ онъ заглянулъ въ классы, въ физическій и химическій кабинеты. Поручикъ серьезно выслушалъ объясненія своего провожатаго. Это почтеніе невѣжды къ наукѣ вовсе не обратило на себя вниманіе ребенка; ему непонятна была вся трогательная наивность этого почтенія. При выходѣ отецъ обидѣлъ его вопросомъ:

— Почему у тебя такой мрачный видъ? Вотъ идетъ офицеръ — отдай ему честь. Вотъ еще одинъ; но какъ ты отдаешь честь! чистая мокрая курица!

Казиміръ самъ сознавалъ свою неловкость и его самолюбіе сильно страдало. Но онъ забылъ рѣзкое замѣчаніе отца, при мысли, что теперь онъ не скоро увидитъ его. Онъ почувствовалъ, что нѣжно любить его, хотя и не подозревалъ того ранѣе, только ему хотѣлось, чтобы онъ былъ нѣсколько мягче, нѣжнѣе къ нему.

Позавтракали они въ какой-то дешевой гостинницѣ. Толстощекая служанка разносила множество блюдъ, полныхъ до краевъ какими то соусами, рагу, потрохами, телячьей головкой, ломтиками жареной свинины и этими прекрасными откормленными циплятами, жирный запахъ которыхъ, однако, возбуждалъ съ непривычки отвращеніе. Битыя сливки дрожали въ салатникахъ, между нищенскими тарелками. Громкій голосъ поручика Боде покрывалъ шумъ табль-д'ота и обращалъ на себя общее вниманіе. Казиміръ сначала слушалъ разговоры присутствующихъ, но, замѣтя вниманіе, съ которымъ всѣ прислушивались, къ словамъ поручика, почувствовалъ себя нѣсколько легче. Была минута, когда онъ понялъ, что его отцомъ любятъ. Онъ рассказывалъ разные случаи изъ походной жизни, и вся зала внимательно слушала его.

— Да, государи мои, говорилъ онъ, тутъ не до моволей было, увѣряю васъ! На большихъ переходахъ мы закусывали штыкомъ со свинымъ саломъ, а не то, чтобы обѣды себѣ стряпать! Чулокъ у насъ оне было, отъ нихъ ноги болятъ. Офицеры просто на просто разбивали яйцо, выли-

вали его въ сапоги и надѣвали прямо на голую ногу. Сознаюсь, это было не важно, но за то предохраняло кожу. По походному!

И затѣмъ, поднимая свой стаканъ, онъ провозглашалъ:
— За ваше здорovie, господа!

Всѣ съ восторгомъ пили за его здорovie. Сердце Казимира радостно забилось. Да, несмотря ни на что, онъ любилъ своего отца и, въ порывѣ этой безграничной любви, онъ хотѣлъ бы остановить время и съ ужасомъ представлялъ себѣ, какъ онъ останется одинъ, между чужими. Какъ разъ въ эту минуту за столомъ упомянули объ одномъ изъ завсегдатаевъ ресторана, поставщикѣ вина въ военной школѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и школьный привратникъ.

— Вахмистръ Бриккаръ, онъ также служилъ въ Африкѣ и, быть можетъ, вы его знали?

Боде даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Бриккаръ, большой толстый сержантъ, у него еще медаль за итальянскій походъ, безъ лѣвой руки... Еще бы не знать!

И онъ тотчасъ же всталъ, чтобы возобновить знакомство. Комиссіонеръ, предвидя выпивку, пошелъ за нимъ.

Утомленный Казимиръ едва волочилъ ноги. Привратникъ военной школы былъ еще бодрый старикъ; лѣвый рукавъ его сюртука былъ тщательно сложенъ и аккуратно припиленъ къ плечу; на груди ярко блестя медаль. Боде съ восторгомъ призналъ стараго товарища по походамъ. Встрѣча была очень радостная и сопровождалась обильнымъ возліаніемъ. Только одинъ Казимиръ скучалъ. Воспоминанія объ Африкѣ мало занимали его. Бриккаръ относился съ большимъ почтеніемъ къ своему бывшему командиру и когда вернулась отъ вечерни его жена, онъ торжественно объявилъ:

— Рѣшено, поручикъ! вашъ сынъ будетъ приходить къ намъ обѣдать четыре раза въ годъ, а если ему, что понадобится, моя жена замѣнитъ ему мать!

— Но только прошу васъ, предупредите меня, если онъ будетъ плохо себя вести, отвѣтилъ тотъ.

Когда прозвонилъ колоколъ они простились.

— Какъ быстро время то идетъ! подумалъ Казимиръ.

При выходѣ, онъ еще разъ оглянулъ величественный подъѣздъ училища. Его особенно поразилъ молчаливый видъ

огромнаго зданія, пустота, царствовавшая въ этомъ уголкѣ, предназначавшемся для жизни и движенія, и который завтра приметъ его въ свои стѣны. На улицѣ ему встрѣчались ученики, одѣтые также, какъ и онъ. Всѣ, исключая только самыхъ маленькихъ, въ которыхъ тотчасъ же можно было признать новичковъ, имѣли развязный видъ и весело шли по улицѣ. Ихъ ироническіе презрительные взгляды преслѣдовали его и онъ самъ сознавалъ, что, рядомъ съ ними, онъ казался очень мизернымъ.

Долго еще поручикъ Боде разгуливалъ съ сыномъ по улицамъ, какъ бы стараясь чѣмъ либо наполнить убійственно долго тянувшееся время. Иногда они обмѣнивались ничего не значущими словами и чувствовали себя уже далекими другъ другу.

Объгавъ весь городъ, они на минуту остановились на берегу Лоары.

За предмѣстьемъ начиналась деревня. Туда Боде не пошелъ. Маленькій Казиміръ посмотрѣлъ на окрестные луга и поля и, какъ узникъ, вдохнулъ въ себя свѣжій вечерній воздухъ. Потомъ они вернулись въ гостиницу.

Поручикъ, истощивъ весь запасъ совѣтовъ и увѣщаній, оставилъ ребенка въ покоѣ и потребовалъ себѣ газету, а потомъ и неизбѣжный абсентъ.

До самаго обѣда Казиміръ простоялъ у окна, ловя мухъ, и тотчасъ же выпуская ихъ на волю или писалъ свое имя на запотѣвшемъ стеклѣ.

Обѣдъ прошелъ очень скоро подъ нескончаемый шумъ голосовъ и дребезжанье посуды. Большая стрѣлка стѣнныхъ часовъ, минута за минутою, отмѣчала проходящее время. Казиміру неудержимо захотѣлось остановить секунды и отдалить это вступленіе свое въ темную неизвѣстность. Отъ страха его бѣдное сердечко билось все сильнѣе и сильнѣе. Передъ нимъ какъ бы воочію вставали воспоминанія о Лодевѣ, Эстеллѣ, сестрахъ Жаннѣ и Маріи, о плачущей матери и, вообще, о казавшемся ему теперь счастливымъ, дѣтствѣ. Мало по малу ужасъ овладѣлъ имъ. Что то ему скажутъ, что то съ нимъ сдѣлаютъ? Неужели опять какой нибудь Матвѣй будетъ его мучить? тоскливо вопрошалъ онъ будущность. Когда же онъ поднялъ голову, большая стрѣлка была уже далеко.

V

Свершилось! Наскоро простаясь съ отцемъ, Казиміръ очутился въ толпѣ учениковъ. Голоса сержантовъ гулко раздавались въ ночной тишинѣ. Ученики выстроились по ротнo, въ три батальона. Боде, числившейся въ 3-й ротѣ, боясь потеряться, пустился ее отыскивать. Онъ наступалъ на ноги учениковъ, его толкали.

— Это еще что за фигура?

— Куда спѣшите? насмѣшливо спрашивали его кадеты. Но, не слыша ничего и толкаемый съ одного ряда на другой, какъ мячъ, онъ, наконецъ, очутился въ самомъ послѣднемъ ряду. Тутъ онъ вздохнулъ. Вся его спина и затылокъ были влажны отъ пота.

Между тѣмъ, мало по малу, повзводно, ученики прошли въ залу, гдѣ ихъ начали обыскивать: вѣтъ ли у нихъ контрабанды, т. е. табаку и денегъ. Тутъ на несчастнаго Боде посыпались со всѣхъ сторонъ насмѣшки. Даже сержанты и тѣ, унимая учениковъ, насмѣшливо поглядывали на новичка. Несчастный Казиміръ, не видя ни одного дружескаго лица, глупо и болѣзненно улыбался всѣмъ, поводя вокругъ испуганными глазами. Какое облегченіе испыталъ онъ, когда его рота выстроилась на дворѣ и по командѣ: на лѣво кругомъ, маршъ! ровнымъ шагомъ, прошла корридоръ, и поднялась по лѣстницѣ въ спальню.

Тутъ началась новая пытка для Казиміра, какъ найти свою постель? Сначала необходимо отыскать номеръ, выставленный на спинкѣ шкафика, стоящаго въ ногахъ каждой койки. Казиміръ былъ близорукъ и ему долго пришлось отыскивать свой номеръ, пока не получилъ въ голову узелъ съ бѣльемъ: пробная шутка сосѣда, пожелавшаго узнать, какъ онъ посмотритъ на это. Казиміръ промолчалъ.

Передъ тѣмъ, какъ отвести его въ школу, отецъ рассказывалъ ему что то о нападкахъ учениковъ и совѣтовалъ дать отпоръ, но должно быть ему суждено было свыше только получать толчки, а не самому раздавать ихъ, такъ какъ минуты черезъ три выдвигная дверца его шкафика, брошенная сосѣдомъ съ другой стороны, ударила его прямо въ носъ.

— О, вскричалъ бѣдный мальчикъ, возмущенный до глубины души; изъ носа, крупными каплями, потекла кровь.

Сержантъ, случайно видѣвшій всю сцену, бросился къ нимъ:

— Моранси три лишнихъ дежурства!

— Лицемѣрь! сказалъ взбѣшенный сосѣдь Бодѣ.

Такъ закончился первый день его пребыванія въ училищѣ.

VI

Разбуженный громкой барабанною дробью, Бодѣ отпра-вился къ общему крану, умылся и затѣмъ, вмѣстѣ съ дру-гими, вошелъ въ классъ, гдѣ въ этотъ разъ дежурилъ вы-сокій блѣдный учитель, въ эспаньолкѣ и съ длинными волосами по модѣ Людовика XIII, прозванный Таарррко, за отчаянное произношеніе буквы *p* и къ тому же еще какимъ то особеннымъ зловѣщимъ голосомъ, какъ у траги-ческихъ злодѣевъ. По двѣ пары, повинуюсь мановенію бро-вей своего грознаго надзирателя, шли ученики къ библио-текарю за учебными книгами на цѣлый годъ. Дѣти воз-вращались, неся въ рукахъ цѣлыя груды книгъ: крошечные томики лежали на вершинѣ пирамиды, а толстые — въ ея основаніи, на атласахъ.

При входѣ въ классъ, несчастный Бодѣ растянулся на порогѣ, разронялъ всѣ книги и, ползая на четверинкахъ, сталъ собирать ихъ подъ скамейками.

Весь классъ такъ и покатился отъ смѣха, за что Та-арррка тѣмъ же сатанинскимъ тономъ, какъ на сценахъ говорятъ герои: »Свести его въ башню и заковать въ цѣпи!« послалъ Казиміра въ уголъ.

Но это были еще цвѣточки, а ягоды—впередѣ.

Когда мальчикъ, съ корзиною на шеѣ, обходилъ ряды учениковъ, подавая каждому кусокъ хлѣба, а начальники скомандовали: »Начинай!« Казиміръ страшно испугался. Изъ подъ его коротко остриженныхъ волосъ рѣзко высту-палъ черепъ, походившій формою на страусовое яйцо, а огромныя уши торчали въ двѣ стороны. Дѣйствительно, въ синей курткѣ, придававшей ему сходство съ обезьяною, онъ, поистинѣ, былъ безобразенъ.

Въ довершеніе всего, ученики замѣтили, что его пан-

талоны (въ то время носили ихъ по старому, на тесемкѣ) развязались сзади. Онъ былъ уморителенъ и мальчики начали ему шикать и дразнить его.

Онъ былъ пятномъ на школьной выправкѣ и его видъ, жалкій и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшной, оскорблялъ самолюбіе товарищей.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ его небольшого роста ученикъ съ злымъ, похожимъ на куницу, лицомъ.

— Да онъ не говорить. Вѣдь онъ нѣмой!

— Господа, закричалъ маленькій Бриссекъ, пронзительнымъ голосомъ, вы, можетъ быть думаете, что это живое существо, вы говорите себѣ: вотъ некрасивое то лицо...

— Конечно!..

— Не умное...

— Навѣрняка!..

— И даже не особенно чистое! (громкій смѣхъ)... Но все же лицо, какъ лицо, какъ у всѣхъ людей, оно и плачетъ и смѣется... Но, господа, голова этого феномена вовсе не голова. Это бапка. Лучше сказать—просто головка сыра, итальянскаго сыра, сдѣланнаго изъ свинины. Его можно рѣзать и мазать на хлѣбъ. Не угодно-ли? Онъ взмахнулъ своимъ перочиннымъ ножикомъ. Вы правы, онъ...

Грубый толстякъ, завидя остроумной выходкѣ Бриссекъ, оттолкнулъ его:

— Убирайся прочь! А ты, отвѣчай! Какъ тебя зовутъ?

— Боде.

— Ха, ха, ха! расхохотался толстый Лабузь. Боде? Нечего сказать славное имячко. Но твои уши слишкомъ коротки. Подожди немного! И съ этими словами, онъ со всего размаха ударилъ Казимира по уху. Боде отшатнулся. Лицо приняло плаксивое выраженіе и онъ заслонилъ лицо руками.

— Трусь, подлець! сказалъ Моранси, подбѣгая на помощь Лабузу и съ яростью ударилъ Казимира въ другое ухо.

— Сержантъ! закричалъ кто то!

Такъ началось первое школьное утро бѣднаго Боде.

VII

Первые дни, проведенные Казиміромъ въ училищѣ были далеко не веселы.

Впрочемъ, ученики были къ нему злы и беспощадны

не болѣе, чѣмъ въ другихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Только нужно сознаться, они были слишкомъ грубы, какъ истыя дѣти военныхъ семей. Быстрая рѣчь, рѣзкія движенія, нѣкоторая простота манеръ, казарменный умъ и грубыя пѣсни, вотъ что пріобрѣталась ими въ школѣ, если только не приносилось сюда изъ родительскаго дома. Эти плевелы произрастали здѣсь, несмотря на бдительный надзоръ сержантовъ и высшаго начальства.

Въ то время, къ которому относится настоящій рассказъ, это учебное заведеніе представляло собою всё преимущество и неудобства военной системы, преобладавшей надъ всѣмъ.

Съ статскими учителями и репетиторами ученики встрѣчались только въ классѣ, все же остальное время, какъ-то: въ спальнѣ, въ столовой и рекреационномъ залѣ, они находились подъ надзоромъ сержантовъ и адъютанта.

Три поручика, дежурившіе поочередно обращались съ учениками сурово и свысока. Капитанъ и маіоръ стояли еще выше. Что же касается до генерала, полковника и директора учебной части, то они показывались только въ послѣдній день мѣсяца, въ сопровожденіи всего штаба, когда происходило чтеніе балловъ и отчетовъ.

Казиміръ, жившій до сихъ поръ на югѣ и знакомый только съ мѣстной маленькой школой, страдалъ двойною тоскою по родинѣ, посреди товарищей почти такихъ же грубыхъ, какъ солдатскія дѣти.

Несмотря на то, почти всё они при своемъ поступленіи въ училищѣ испытали то же самое.

Прошла недѣля, но бѣдный Казиміръ не чувствовалъ себя счастливымъ. Брань, толчки и даже команда сержанта и барабанная дробь наводили на него паническій страхъ и мальчикъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Особенно нѣкоторые товарищи, напримѣръ, маленькій Бриссекъ, толстякъ Лабузь и красавецъ Моранси были истиннѣ его мучителями. Какъ и всѣ слабые, онъ боялся драки, но еще болѣе злыхъ насмѣшекъ. Когда его драли за уши ему было не такъ больно, какъ получать удары въ грудь, но за то гораздо унижительнѣе. Казиміръ не зналъ жестокости дѣтства. Она никогда не бросала камень въ птицъ.

Видъ страждущаго животнаго надрывалъ ему сердце. Маленькій уродецъ обладалъ нѣжнымъ сердцемъ, дока-

казательствомъ чему служило то, что онъ долго не могъ возненавидѣть своихъ товарищей-мучителей. Онъ боялся ихъ, но любилъ.

Странное дѣло, Моранси, съ его свѣтлыми волосами, гордыми губами, никогда не былъ ему противенъ.

VIII

Въ продолженіи многихъ недѣль его воображеніе тщетно пыталось разбить стѣны тюрьмы. Все его существо стремилось въ Лодевъ, на родину, къ счастливой жизни въ родительскомъ домѣ.

Дома, ему казалось, что онъ страдалъ, въ маленькомъ училищѣ онъ боялся Матвѣя, дрожалъ передъ отцомъ, считалъ себя оставленнымъ всѣми и не разъ завидовалъ красивымъ, богатымъ, и веселымъ дѣтямъ. Но все же онъ былъ счастливъ тогда!

Куда дѣвались его прогулки по дорогамъ, ежевика, собранная подъ заборомъ? Какъ сладко спалось ему въ его крошечной комнаткѣ, рядомъ съ спальней папы и мамы. Какъ добры казались они ему рядомъ съ этими равнодушными, незнакомыми, а иногда даже враждебными лицами,

Первое его письмо домой было полно отчаянія. Съ навивною и смѣшною напыщенностью, свойственной его возрасту, описывалъ онъ свою тоску по родинѣ, свое одиночество, умолялъ о сожалѣніи, надѣясь своимъ краснорѣчіемъ повліять на родителей, чтобъ она взяли его изъ училища. Съ нетерпѣніемъ поджидалъ онъ изъ дому отвѣта.

Однажды утромъ на раздачѣ, адъютантъ закричалъ:

— Боде, Казиміръ!

Надъ смѣющейся толпой поднялась рука и взяла письмо. Ваглядъ брошенный на надпись... дрожаніе въ пальцахъ... Почеркъ отца.

»Дорогой Казиміръ!

Совершенно бесполезно пачкать бумагу такими глупостями, какъ ты написалъ намъ въ послѣднемъ письмѣ и которыя только огорчаютъ твою мать.

Если, ты дѣйствительно, любишь насъ, какъ то повторяешь на каждомъ шагу, то легко можешь доказать намъ это своимъ прилежаніемъ. Видишь ли, въ настоящее время (дѣло было немного спустя послѣ 70 года) мальчики тво-

ихъ лѣтъ должны, какъ можно скорѣе, сдѣлаться людьми, чтобы отплатить, чертъ побери! Итакъ, бодрись! Займись прилежнѣе, въ свободное время играй и дѣлай гимнастику. Надѣюсь, что ты не забываешь хорошенько мыть себѣ уши и шею. Помни: ты обязанъ сдѣлать мнѣ честь. Прощай, мой мальчикъ, мать и сестры цѣлуютъ тебя равно, какъ я.

Твой отецъ

Боде«.

О нападкахъ класса поручикъ Боде даже не упомянулъ, такъ какъ Казимиръ, изъ гордости, въ своемъ письмѣ промолчалъ о нихъ. Онъ такъ надѣялся получить вѣсточку объ Эстеллѣ, а между тѣмъ — ничего! Перевернувъ письмо онъ увидѣлъ внизу, на четвертой страницѣ, нѣсколько строчекъ, наскоро нацарапанныхъ матерью. Ничего особеннаго, просто нѣсколько ласковыхъ словъ, показавшихся ему слаще меду, послѣ суроваго письма отца. Онъ долго съ умиленіемъ смотрѣлъ на маленькій кружокъ, нарисованный перомъ и въ немъ рукою мамы: »здѣсь я два раза цѣлую тебя!«. Въ эту самую минуту Лабузь со всего размаха ударилъ его по уху. Казимиръ, внѣ себя, возбужденный бессмысленнымъ рычаніемъ толпы бросился на него съ кулаками. Но онъ не умѣлъ драться. Толпа была на сторонѣ сильнѣйшаго. Крикъ оглушилъ его.

— Бей его, Лабузь!

Всѣ хотели, какъ безумные. Но это продолжалось не долго.

Боде почувствовалъ, какъ чья-то твердая рука потянула его назадъ, надъ самымъ ухомъ онъ услышалъ голосъ взбѣшеннаго адъютанта.

— Лабузь и вы, новичекъ, идите за мной въ дежурную комнату! Я вамъ покажу, какъ драться! Подождите вы у меня!

Къ нимъ подошелъ поручикъ маленькаго роста, съ калмыцкимъ лицомъ, свѣтлыми глазами, настоящій казакъ, почему его и прозвали Платовымъ.

— Какъ васъ зовутъ?

Казимиръ прошепталъ свое имя.

— А вы, любезнѣйшій, какъ кажется съ норовомъ! Идите-ка оба въ усиленный взводъ на штрафъ. А вы, обратился онъ къ адъютанту, напишите рапортъ.

Боде машинально повиновался. Онъ стыдился своей зло-

сти; беспомощность приводила его въ отчаяніе, но несмотря на то, онъ предпочелъ быть жертвой.

— Носомъ къ стѣнѣ! закричалъ ему Платовъ.—Смирно!

Не имѣя никакого дѣла, офицеръ разгуливалъ за ихъ спинами, бросая на штрафныхъ мрачные взгляды.

Скоро у Казимира забѣгали мурашки въ ногахъ и затылокъ затекъ. Ему казалось, что полъ притягиваетъ его къ себѣ и онъ боялся упасть. Въ мозгу еще кипѣло, злость еще не улеглась, но, мало по малу, четверть часа, проведенныхъ у стѣны успокоили его и все тѣло впало, какъ бы въ летаргію.

Это было вовсе не худо. По крайней мѣрѣ, никто его не мучилъ.

Когда забилъ барабанъ и Платовъ закричалъ:

— Снимись! Онъ остался, какъ оцѣпенѣлый на мѣстѣ и невольно подумалъ, что все же эти полчаса далеко не самыя худшія изъ проведенныхъ имъ въ стѣнахъ училища.

IX

— Ваша работа сдѣлана весьма неряшливо. У васъ семь ошибокъ, не считая ошибокъ противъ синтаксиса и кляксъ, вы и урока своего не знаете! Неприятно, а что дѣлать, придется васъ наказать!

Такъ говорилъ маленькій, жирненькій человѣчекъ, вѣчно улыбающійся и облизывающій свои жирныя губы. Это былъ г. Гадо, учитель словесности.

Конечно, онъ обращался къ Казимиру Боде.

Боде протестовалъ противъ его обвиненій. У него есть оправданіе: мальчики стащили его словарь и забрызгали всѣ тетради чернилами.

Урокъ свой онъ знаетъ, по крайней мѣрѣ зналъ сію минуту, только растерялся.

— Ни слова, другъ мой, не увеличивайте своей вины. Плохо, другъ мой, начинаете!

Плохо началъ! да! Все оттого и идетъ такъ скверно, что плохо началъ. Плохо началъ съ Моранси, въ первый вечеръ. Слѣдовало показать зубы и кости. Плохо началъ въ классѣ. Таарррка, не довѣряетъ ему и подозрительно не спускаетъ съ него глазъ.

Какъ только онъ отвернется, что нибудь да влетитъ

ему въ лицо. А кого накажутъ? Конечно того, кто нарушаетъ порядокъ—Боде.

И глухой трагическій голосъ шлетъ его въ уголь или на штрафъ.

Плохо началъ и въ строю: сержантъ Беррье съ желтымъ лицомъ, при свѣтлыхъ, цвѣта перьевъ соловья, волосахъ, схожій съ пастушьей собакой, не разъ, скосясь на неловкаго новичка, выступавшаго изъ ряда, ворчить:

— № 7, вниманіе! Лѣво не право! Берегись! Беррье, Таарррка, Гадо, вотъ тройца—пугающая Боде, хотя онъ и не шумливъ, не разсѣянъ, послушенъ, но онъ не нравится никому и не безъ нѣкоторой доли восхищенія, завидуетъ товарищамъ, обладающимъ свойствомъ нравиться.

Ихъ не наказываютъ даже за проступки.

Ихъ любить такъ просто, здорово живешь.

Они—славные ребята и, дѣйствительно, они ему никогда ничего худого не сдѣлали и кажутся ему какими-то особенными существами, такъ какъ всѣ ихъ любятъ. А ему ставятъ въ преступленіе даже то, что онъ осмѣлился защищаться.

— Зачѣмъ ты ударилъ Лабуза, а? Потому что «собака» на васъ смотрѣла, а? чтобъ его отправили въ карцеръ?

Весь день его преслѣдовало воспоминаніе объ этой дракѣ и онъ страшно боялся рапорта адъютанта. Завтра, передъ всѣмъ батальономъ, прочтутъ имена наказанныхъ. Казимиръ сдѣлался разсѣянъ: въ саду онъ молча расхаживалъ, одинокій, вдоль небольшой стѣны, окаймляющей Легръ, небольшую вонючую рѣченку, изрѣдка взглядывая на высокаго мальчика съ безумными глазами, что-то ворчавшаго себѣ подъ носъ.

Ученики изгнали его изъ своей среды за доносъ на одного изъ товарищей и это настоящее изгнаніе: съ нимъ не говорятъ, на него не смотрятъ, его долю оставляютъ на блюдѣ и онъ самъ беретъ ее себѣ на тарелку. Географическимъ атласомъ ему отгородили уголокъ, а въ спальнѣ его постель отодвинули въ сторону.

Это парія, а между тѣмъ его отецъ полковникъ. Даже такія натуры, какъ натура Боде сознаютъ чувство справедливости, но строгость суда поражаетъ ихъ.

Подобное наказаніе ужасаетъ его. Онъ жалѣетъ изгнанника, но и самъ онъ развѣ не такой же изгнанникъ?

Между тѣмъ, какъ товарищи, человѣкъ по десяти собираются вмѣстѣ и, стоя на перекресткахъ садовыхъ аллей, оживленно болтають между собою, онъ всегда одинъ. Быть можетъ, еслибы у него было больше денегъ, и у него нашлись бы друзья. Или же отецъ бы попросилъ кого либо изъ офицеровъ взять его подъ свое покровительство; но во всемъ заведеніи у него знакомыхъ только одинъ Бриккаръ, привратникъ. Еслибы онъ могъ по утрамъ покупать у булочника пирожное—и около него были бы паразиты какъ, напримѣръ, около Шатемока, внука министра, которому всѣ и начальники, и ученики наперерывъ стараются угодить. Но Шатемокъ не золь, по счастью для Боде, онъ только потѣшается надъ нимъ, потому что еслибы онъ сказалъ: »убей его«, его безчисленные друзья разорвали бы несчастнаго Боде на клочки.

Между преслѣдователями Казиміра есть лица, привлекающія его къ себѣ, не смотря ни на что и ихъ-то оскорбленія для него больнѣе всего.

Кромѣ Боде, въ классѣ были еще два козла очищенія: головастый мальчикъ и блѣдный юноша съ торчащими, какъ щетка, волосами, похожій на мокраго котенка. Казиміръ жалѣлъ ихъ отъ души и даже гордился передъ ними. Ему даже и въ голову не приходило, что онъ самъ похожъ на нихъ.

Но вотъ раздается барабанная дробь, ряды смыкаются и ученики, попарно, идутъ на урокъ ариметики.

Конечно, кромѣ Боде, много страдальцевъ на свѣтѣ и г-нъ Шомъ, эльвасецъ, учитель ариметики, могъ бы порассказать о томъ не мало. Его уроки восхитительны. На нихъ классъ отдыхаетъ и позволяетъ себѣ разныя штуки, какъ бы вознаграждая себя за мрачное и зловѣщее благодушіе Гадо. Такъ, напримѣръ, они вымазываютъ клеємъ стулъ Шома или пачкають его брюки. На его замѣчанія ему въ голову летятъ комки жеванной бумаги; онъ оглядывается во всѣ стороны, стараясь отыскать виновнаго, а между тѣмъ изъ его печальныхъ, испуганныхъ глазъ текутъ слезы. Крикъ, шумъ, ничто не мѣшаетъ ему писать цифры, только рука, держащая мѣлъ, дрожить слегка.

Въ прошлый вторникъ, изъ послѣднихъ рядовъ, въ него полетѣло яйцо и разбилося на столъ, заливъ журналъ и книги, а вѣдь это цѣлили ему въ голову! Что же будетъ въ концѣ года!

Что же Боду? Его сердце возмущается: развѣ такъ можно... со старикомъ... у него жена, дѣти!.. Говорятъ, онъ пьетъ, но, кто знаетъ, быть можетъ, онъ и пьетъ-то, чтобы забыться. Однажды, на урокъ ариеметики, Казиміу бросили въ лицо книгой. Шомъ долго, молча, смотрѣлъ на обиженнаго мальчика, а взглядъ этихъ печальныхъ глазъ не былъ суровъ: въ немъ виднѣлась безконечная жалость и отеческая любовь.

На вечернемъ занятіи, при свѣтѣ лампъ, зажженныхъ толстымъ ламповщикомъ въ пропитанномъ масломъ платѣ, Боду снова мечталъ о Лодевѣ, его мысль витала далеко. Что-то подѣлываютъ теперь мама, сестры, Эстелла? Паиньками сидятъ себѣ около стола, рядомъ съ мамою и шьютъ платья для своихъ куколъ. Какъ онѣ далеки отъ него! Домой онъ вернется только къ Пасхѣ, еще цѣлыхъ восемьдесятъ три дня! И Казиміръ вычеркиваетъ прожитый день въ своемъ календарикѣ.

Таарррка вызываетъ его:

— Боду, принесите мнѣ то, что вы пррячете въ свой пюпитръ!

Онъ хватается календарикъ и рветъ его на куски. Казиміру кажется, что рвется нить, связывающая его съ Лодевомъ. Онъ никогда не вернется туда, у него нѣтъ даже календарика считать дни.

На другой день, читая недѣльный журналъ, Беррье вызвалъ:

— Боду и Лабузъ, за драку на три дня въ карцеръ. Кто-то изъ товарищей радостно защелкалъ языкомъ.

X

Время шло... прошли недѣли... Боду ввели въ небольшую каморку, тамъ стояла только деревянная скамья и пюпитръ, прикрѣпленный къ стѣнѣ.

Онъ узналъ мѣсто по имени, написанномъ перомъ на пюпитрѣ.

Итакъ, онъ здѣсь не въ первый разъ? Конечно, нѣтъ. Былъ ужъ декабрь, и въ три мѣсяца онъ былъ въ карцерѣ разъ десять.

Боду молча присѣлъ на скамейку, между тѣмъ, какъ сторожъ, прозванный Молытке, за свое сходство съ марша-

ломъ, заперъ двери. Съ какимъ стыдомъ пошелъ онъ за Лабузомъ въ первый разъ въ карцеръ. Ихъ вели мимо кухонь и жирный запахъ горячаго супа съ тѣхъ поръ навсегда соединился для него съ холодомъ и сыростью карцера. Когда дверь захлопнулась и онъ остался одинъ, онъ горько заплакалъ. Въ его понятіи слово заключеніе означало безчестіе, поворъ и ему казалось, что онъ навѣки опозоренъ. Особенно его пугало, что объ этомъ узнаетъ отецъ. Мало по малу, онъ успокоился и съ аппетитомъ поѣлъ холодный супъ и сухой хлѣбъ, принесенный Мольтке.

Ему было почти весело; онъ чувствовалъ себя прекрасно, по крайней мѣрѣ, его никто не беспокоилъ. Когда его позвали изъ карцера онъ шелъ неохотно въ классъ и черезъ недѣлю безъ неудовольствія вернулся туда.

Въ настоящее время, онъ совершенно освоился въ немъ. Правда, онъ нѣсколько смущался, сознавая свою вину, но ко всему привыкнешь, кромѣ страданій, а въ карцерѣ онъ страдалъ отъ холода, конечно, болѣе, чѣмъ на дворѣ или въ паркѣ, гдѣ мальчики съ веселымъ смѣхомъ скользили по льду. Но онъ не завидовалъ имъ, такъ какъ отъ измѣническаго толчка онъ почти всегда падалъ на льду, чѣмъ возбуждалъ только насмѣшки товарищей и дулъ на пальцы, вздвигаясь и покраснѣвшіе отъ холода.

Большую часть свободнаго времени онъ проводилъ у стѣны.

Какимъ образомъ, бывши посредственнымъ ученикомъ въ Лодевѣ, Казиміръ превратился въ лѣнивца? Онъ и самъ того не зналъ. Вѣрно потому, что онъ «плохо началъ».

Къ чему выучивать уроки, если во время отвѣта страхъ сжималъ ему горло и затемнялъ память? Могъ ли онъ старательно приготавливать письменныя работы, ожидая, каждую минуту комка жеванной бумаги въ голову? Его наказывали за все, не разбирая—виноватъ онъ или нѣтъ. Таарррка и Беррье постоянно придирались къ нему, такъ что, готовя уроки, онъ не рисковалъ ровно ничѣмъ. Но все же, въ душѣ, онъ побаивался отца. Черезъ нѣсколько дней онъ получитъ третныя баллы и тогда?.. Отецъ никогда не пойметъ, почему его сынъ не старается избѣгнуть карцера, а тѣмъ болѣе того, почему онъ идетъ туда охотнѣе, чѣмъ въ классъ? Объ одномъ только жалѣлъ Казиміръ—о прогулкѣ. Хотя разгуливанье по полямъ, въ продолженіи двухъ часовъ и доставляло ему удовольствіе, но все же нѣкоторая горечь

примѣшивалась къ тому: черныя деревья, поля, покрытыя инеемъ, сѣрое небо своимъ контрастомъ напоминало ему теплую зиму юга, веселыя прогулки съ сестрами, при воспоминаніи о которыхъ наболѣвшее сердце сжималось отъ тоски.

Медленно волоча свои ноющія отъ холода ноги, онъ хромалъ за батальономъ, пока брошенный на него взглядъ »Желтой собаки« (такъ прозвали Беррье) не заставлялъ его прибавить шагу и присоединиться къ стаду.

Не разъ ему въ голову приходила безумная мысль убѣжать изъ училища. Дорогой онъ будетъ просить милостыню на фермахъ; только ему необходимо раздобыть себѣ крестьянское платье, а то форма выдастъ его.

Нѣтъ, конечно, онъ не жалѣетъ о прогулкѣ, такъ какъ по возвращеніи въ классъ, онъ еще болѣе чувствуетъ свою неволю.

Особенно онъ не любилъ урока гимнастики. Трусливый, съ мягкими мускулами, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ взбирался на балку; но болѣе всего его пугала воздушная трапеція. Съ высокой площадки, нужно было, какъ въ циркѣ, поймать брошенную трапецію и, описавъ кривую въ 20 ф., опуститься внизъ. До сихъ поръ дѣло шло такъ себѣ, но когда дошло до трапеціи — все пропало.

Казиміръ вскарабкался вверхъ по лѣстницѣ и скорчившись на доскѣ, вытянувъ руки, съ ужасомъ въ большихъ близорукихъ глазахъ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, не смѣя броситься на поперечину, веревка которой, слегка поскрипывая, качалась въ воздухѣ.

Помощники учителя, въ своихъ полотняныхъ рубахахъ, гимнастическихъ поясахъ, поднявъ носы кверху, наблюдали за нимъ. Весь отрядъ съ тоскою выжидалъ: поймаетъ онъ или нѣтъ.

Наконецъ, дежурный въ тотъ день, поручикъ Платовъ, строго нахмутивъ брови, закричалъ:

— Сержантъ Беррье войдите на площадку и бросьте этого труса на трапецію. Онъ долженъ ее поймать!

Но Боду не поймалъ ее и предпочелъ упасть, какъ мѣшокъ, прямо на полъ.

Товарищи съ презрѣніемъ насмѣхались надъ нимъ и нѣсколько разъ дернули его за уши, зная, что это его Ахиллесова пята. Возмущался ли онъ? Да, конечно; въ кар-

церѣ было гораздо лучше, тамъ не было ни трапецій, ни щипковъ.

Должно быть, много перестрадалъ бѣдный Боде, прежде чѣмъ пришелъ къ этому рѣшенію, машинально поглаживая свои огромныя красныя, распухшія уши.

Задвижка щелкнула и въ дверяхъ, въ плоской фуражкѣ, показалась голова Мольтке.

— Идите, промычалъ онъ.

— Генераль зоветъ васъ, сказалъ, ожидавшій Боде, сержантъ.

XI

Отъ страха у Казиміра сдѣлались спазмы въ сердцѣ.

Генераль съ огромными усами, какъ у кота, сѣдой, съ краснымъ лицомъ, рѣзкими движеніями и громкимъ голосомъ, казался какимъ-то особеннымъ существомъ, обладающимъ неограниченною властью. Въ дѣйствительности же надъ этой грозной наружностью таился самый мирный изъ людей, занятый единственно разводкой розъ въ своемъ паркѣ, считавшемся наилучшимъ во всей округѣ. Изъ боязни, что у него ихъ украдутъ, онъ пересчитывалъ даже бутоны.

Казиміръ, съ сильно бьющимся сердцемъ, остановился въ передней. Страшный голосъ произнесъ его имя и подтолкнутый кѣмъ-то въ кабинетъ, онъ поклонился генералу по военному.

Генераль такъ порывисто обернулся, что чуть было не опрокинулъ стаканъ, съ стоящимъ въ немъ розаномъ.

— Геррр! Боде! Васъ зовутъ Боде! Вашъ отецъ поручикъ, служилъ въ Африкѣ!.. По ходатайству моего товарища и друга Сабура, а то!.. министръ слѣдитъ за вами... Другіе, гораздо достойнѣе васъ, ожидаютъ вакансіи, *вашей* вакансіи... И, конечно, получаютъ ее, если вы не оправдаете, оказанной вамъ милости... Неужели вы думаете, что я буду васъ откармливать въ карцерѣ? (онъ заглянулъ въ журналъ)... Какъ 17 дней въ карцерѣ, и тридцать штрафовъ въ одну треть. Ну, другъ любезный, если вамъ не нравится здѣсь, предупредите заранѣе. Васъ выгонять черезъ кухонную дверь, знаете? Берегитесь, Боде, берегитесь! При первомъ подобномъ случаѣ, васъ уже не посадятъ въ

карцеръ, а въ настоящую тюрьму, яму! Надѣюсь, вы меня понимаете!

Онъ остановился, осторожно поднесъ къ носу стаканъ съ розаномъ, медленно понюхалъ и затѣмъ уже другимъ голосомъ, началъ спокойно:

— Дитя мое, не огорчайте вашей матери. Вѣдь у васъ есть мать, неправда ли? Вы ее любите, такъ не заставляйте же ее плакать, послушайтесь меня!

Казиміръ молча и почти спокойно выслушавшій грозный выговоръ генерала, услыша ласковое и совершенно неожиданное увѣщаніе, умилился, потомъ эта роза, ласковое лицо этого ужаснаго человѣка... И онъ разрыдался.

— Идите, Боде, идите и старайтесь не быть больше наказаннымъ.

Казиміра снова отвели въ карцеръ, но онъ не казался ему болѣе мирнымъ убѣжищемъ, а ужасной тюрьмой. Съ этого дня онъ стыдился быть наказаннымъ и, дѣйствительно, его стали рѣже наказывать.

XII

Мало того, онъ сталъ стараться учиться. Это былъ бы наилучшій періодъ изъ всей его жизни въ училищѣ, если бы не было подлаго преслѣдованія, ополчившихся противъ него, товарищей. Его ослиныя уши выдерживали огонь. Отъ постоянныхъ ударовъ въ правое ухо оно распухло и разболѣлось, тогда его стали бить только по лѣвому, но за то лѣвому доставалось за двухъ.

Теперь каждое утро онъ ходилъ въ лазаретъ, гдѣ старушка, сестра милосердія, дѣлала въ больное ухо сприндованіе изъ настоя проскурняка. Затѣмъ его снова отводили въ классъ. На перевязкѣ, онъ присматривался къ лазаретной обстановкѣ. Ему нравилось спокойствіе маленькаго домика, небольшой дворъ, садикъ, тишина, царствовавшая въ больничныхъ палатахъ, улыбка сестеръ и ихъ бѣлые чепцы, какъ расправленные крылья летящихъ птицъ, ему нравилось все, а тѣмъ болѣе запахъ сытныхъ кушаній, подаваемыхъ выздоравливающимъ.

Онъ желалъ захворать и здѣсь отдохнуть отъ неприятностей школьной жизни. Что бы для того сдѣлать? Если бы только онъ осмѣлился солгать доктору или натереть какъ

другіе, себѣ ногу? Честность и страхъ удерживали его. Но то, что онъ назвалъ удачей, — его выручило. Дѣло было на урокъ гимнастики и какъ всегда на воздушной трапеціи. На высокой площадкѣ, подѣ самымъ потолокомъ, стоялъ дюжій сержантъ, извѣстный пьяница въ училищѣ и, слегка покачиваясь подѣ пристальнымъ взглядомъ злыхъ глазъ Платова, ержалъ Казиміра за бока.

Бросая мальчика на трапецію, сержантъ потерялъ равновѣсіе и оба упали на полъ. Толстый сержантъ поднялся съ эластичностью резиновой куклы, но Казиміръ вывихнулъ себѣ ногу и не могъ двинуться съ мѣста.

Его подняли блѣднаго и почти безъ чувствъ.

Онъ видѣлъ, какъ толстый сержантъ держалъ его за ноги. Потомъ лазаретъ... сестры милосердія и мягкая постель подѣ бѣлымъ пологомъ... Нога болѣла не очень сильно, особенно если онъ ею не двигалъ, — и онъ улыбался отъ удовольствія, видя свою мечту осуществившейся.

Что за чудная жизнь въ лазаретѣ! Проснувшись утромъ, приступали къ общей молитвѣ, затѣмъ завтракъ, стаканъ подслащеннаго молока. Затѣмъ отдыхали до докторскаго обхода и перевязки. По счастью, спальня средняго возраста была полна и Боде помѣстили къ маленькимъ, третьяго батальона, которые, въ свою очередь, уже боялись его, какъ старшаго. Это было что то новое для него и онъ началъ важничать. Изъ всѣхъ сестеръ милосердія онъ особенно любилъ одну, сестру Василису, почти молодую и хорошенькую. Увидя ее, онъ тотчасъ же вспомнилъ объ Эстеллѣ, хотя между ними не было никакого сходства.

Вставая съ постели, онъ надѣлъ бѣлый байковый халатикъ и цѣлую недѣлю отдыхалъ, разгуливая по дворику и мечтая объ обѣдѣ, такъ какъ пища, дѣйствительно, была хорошая.

Здѣсь никто его не мучилъ; нога поправилась и ухо зажило. Какая жалость! Теперь придется вернуться въ классъ, встрѣтиться съ Моранси, Лабюзомъ и прочими.

XIII

Когда въ первый разъ онъ всталъ въ ряды, Беррье, взглянувъ на него сердито, закричалъ ему:

— Г. Боде, берегитесь! Встаньте въ рядъ, равняйтесь! Знайте, впредь это вамъ такъ не пройдетъ!

Но что же произошло тутъ? Почему всё такъ странно относятся къ нему?

Товарищи съ таинственнымъ видомъ избѣгали съ нимъ разговаривать и толкать его на глазахъ начальства, но какъ только начальство отвертывалось, Бриссекъ, наклонясь къ самому его лицу, произнесъ:

— Ага, ухо то поджило.

Хлопъ! и плашмя рукою ударилъ по его ушамъ.

— Иди, жалуйся опять, трусь! сказалъ задорно Моранси и также изо всей силы ударилъ по ушамъ несчастнаго Боде.

Боде хотѣлъ было толкнуть ногою, но Лабузь предупредилъ его. Шателюкъ подошелъ къ нимъ съ добродушнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливымъ видомъ и спросилъ:

— Ты жаловался на то, что классъ нападаетъ на тебя?

— Я никому не жаловался, отвѣтилъ Боде.

— Лгунъ! произнесъ Моранси, ты виноватъ, что Беррье получилъ отъ полковника выговоръ за недосмотръ и насъ увѣщевали, что бы мы тебя оставили въ покоѣ. Вотъ тебѣ! И снова по ушамъ, — которые отъ постоянныхъ ударовъ превратились уже въ настоящіе пѣтушьи гребни.

— Ахъ, оставьте его! мягко замѣтилъ Шателюкъ. Остолбенѣлый Казиміръ тщетно силился понять. Дѣйствительно, изъ лазарета онъ писалъ матери и жаловался ей на свои страданія, быть можетъ, надѣясь тѣмъ смягчить гнѣвъ отца, за свои третные баллы. Но почему-же отецъ ни слова не отвѣчалъ ему? Худой знакъ. Но его зовутъ, капитанъ въ дежурной комнатѣ и хочетъ что-то ему сказать.

— Боде, говорить тотъ сухо, товарищи, какъ кажется, мучать васъ?

— Никакъ нѣтъ, г. капитанъ, шепчетъ дитя.

— Нѣтъ? переспрашиваетъ офицеръ презрительно.

— Такъ почему-же вашъ отецъ писалъ генералу? Почему-же производилось слѣдствіе? Дѣйствительно, ничего не открыли, кромѣ легкихъ незначительныхъ насмѣшекъ, навлекаемыхъ на васъ вашей дикостью. Берегитесь, ваши жалобы произвели дурное впечатлѣніе на высшее начальство. Тамъ не любятъ жалобъ штрафованнаго ученика. Ваши дурные баллы и вѣчныя наказанія, которымъ вы подвергаетесь, къ несчастію, навлекаютъ на васъ подозрѣніе. Смотрите, чтобы это не повторялось, можете идти!

И Казиміръ снова зажилъ, какъ прежде.

Нужно сознаться, онъ былъ нѣсколько недоволенъ своимъ отцемъ, за его вмѣшательство! Неужели онъ думалъ помочь ему! Но его молчаніе предвѣщало, что-то ужасное. И вотъ черезъ нѣсколько дней разрѣшилось.

»Сынъ мой, писалъ поручикъ Бодѣ; ты дрянной мальчишка и лгунъ! Твои плачевныя письма привели въ отчаяніе твою мать. Неужели ты думалъ, что, донося на то-варищей и клевета на начальство, ты вознаградишь меня за твою лѣность! Я пожелалъ узнать правду и знаю ее! Не правда, что товарищи преслѣдуютъ и мучаютъ тебя, а если и такъ, то ты подлець, если не съумѣешь отвадить ихъ. Будь за-то наказанъ, тогда я прощу тебя. Но ты сидишь въ карцерѣ за свою лѣнь и дурное поведеніе. Ты ведешь себя, какъ кретинъ и не воображай, что я пощажу тебя. Для начала ты лишаешься своихъ каникулъ на Пасху. Въмѣсто того, чтобы провести двѣ недѣли дома, ты останешься въ училищѣ. Если ты поскучаешь, тѣмъ лучше. Воспользуйся этимъ временемъ и обдумай свое поведеніе. Знай, сынъ мой, что я требую повиновенія. И ты покоришься мнѣ, я въ томъ ручаюсь. P. S. Само-собой разумѣется, что впредь получаемые тобою на мелкіе расходы 15 су отминяются, и я запрещаю Бриккару брать тебя къ себѣ.«

XIV

Онъ зналъ, что отецъ уже не переменитъ своего рѣшенія. Не смотря на то, онъ все еще надѣялся. Онъ надѣялся на любовь матери, и удивлялся, не получая отъ нея писемъ. Или, быть можетъ, она не смѣла жалѣть его?

Однажды въ свободный часъ, его позвали къ Бриккарамъ. Привратникъ сдѣлалъ ему таинственный знакъ, а Г-жа Бриккаръ, въ чепцѣ съ цвѣтами, увела его въ заднюю комнату!

— Неужели, Казиміръ, вы такъ дурно ведете себя и огорчаете своихъ родителей? Ваша мать, ваша бѣдная мама, очень огорчена. Вотъ, сказала она, подавая ему небольшой пакетъ, она посылаетъ вамъ теплыя перчатки и шоколадъ для завтрака. Въ своемъ письмѣ она просила меня уговорить васъ, чтобы вы старались больше, а то

не только на Пасху, но и на лѣтнія каникулы васъ не возьметъ вашъ отецъ, потому (она понизила голосъ) она спрашиваетъ меня — правда-ли что товарищи мучать васъ?

Казиміръ, не смотря на нее, кивнулъ головой.

— Правда-ли продолжала она, съ любопытствомъ, что они бьютъ васъ по ушамъ?

— Да, отвѣтилъ онъ печально, и со слезами на глазахъ, да, у меня даже заболѣли уши.

И онъ показалъ ей свои распухшія, красныя уши. Въ дверяхъ показался вахмистръ Бриккаръ и спросилъ покровительственномъ тономъ:

— Что? придирки? Глупости! На нихъ нужно отвѣчать смѣхомъ! Вы принимаете ихъ слишкомъ къ сердцу.

Ни старуха Бриккаръ, ни Казиміръ не возражали ему.

Когда Казиміръ собрался уходить, она остановила его со словами.

— А вотъ перчатки-то!

Бодѣ возвратился изъ пріемной! Мальчики много смѣялись, когда онъ вернулся въ классъ и спрашивали его:

— Давно-ли ты друженъ съ привратникомъ?

— Въ свободные дни онъ отворяетъ двери, насмѣхался Бриссекъ.

Казиміръ чувствовалъ себя униженнымъ и не удостоивалъ ихъ даже отвѣта. Коробочку съ шоколадомъ онъ несъ подъ мышкой. Ударъ, нанесенный Моранси, выбилъ ее изъ рукъ и конфетки рассыпались по полу.

— Благодарю! произнесъ Бриссекъ, подбирая и поѣдая ихъ, другіе послѣдовали его примѣру и черезъ минуту, всѣ конфетки исчезли. Мальчики разбѣжались.

Бѣдному Казиміру было обидно лишиться гостинцевъ, присланныхъ матерью. Нѣтъ, ему никогда не привыкнуть къ школѣ. Онъ поднималъ пустую коробку и съ безсильною злобою смотрѣлъ на убѣгающихъ товарищей. Если его выключатъ, отецъ отдастъ его въ матросы. Онъ увидитъ новыя страны, большія моря, но страхъ погибнуть въ морѣ и быть сѣдеными канибаллами охладилъ его восторгъ. Въ эту минуту ему попался на встрѣчу Рамо, изгнанный товарищами. Казиміръ позавидовалъ даже ему. Его презирали, но, по крайней мѣрѣ, никто не мучилъ его, его избѣгали, для нихъ онъ не существовалъ. Бодѣ только и мечталъ объ этомъ.

Онъ почувствовалъ къ этому отверженцу глубокую симпатію и, когда Рамо нечаянно задѣлъ его, дыханіемъ согрѣвая свои посинѣвшіе отъ холода пальцы, Казиміръ подаль ему свои новыя перчатки, изъ мягкой голубой шерсти, вязанныя его матерью. Онъ наслаждался своимъ самоотверженіемъ, а тотъ, пораженный поступкомъ Боде, ни слова не говоря, взялъ ихъ и продолжалъ свою прогулку.

На слѣдующей рекреациі, когда мальчики высыпали въ садъ, на его рукахъ уже красовались перчатки Казиміра и когда тотъ взглядомъ удивленія и благодарности посмотрѣлъ на Боде, онъ смутился и, довольный собою, въ душѣ все-же пожалѣлъ о своемъ подаркѣ, зная, съ какой нѣжной любовью вязалась каждая петля.

Съ этого дня мысль, что и его могутъ изгнать изъ класса, пугала его уже гораздо менѣе. Онъ даже задавалъ себѣ вопросъ, какъ достигнуть этого? Теперь его такъ часто рвали за уши, что они отвисли у него, какъ у собаки.

Надзоръ начальства помочь тутъ никакъ не могъ, такъ какъ мальчики нападали на него въ тѣ минуты, когда начальство удалялось хотя бы на мигъ.

Даже ночью онъ не имѣлъ покоя. Все училище смѣялось надъ нимъ и не разъ онъ встрѣчалъ свое изображеніе, начерченное мѣломъ или углемъ на стѣнахъ заведенія. Въ столовой, нисколько не стѣсняясь, выливали его вино и онъ уже предпочиталъ пить воду, которую, по крайней мѣрѣ, никто не оспаривалъ у него. За классами его тетрадки покрывали огромными кляксами, а на ученѣ давили ружьями ноги.

Несмотря на то, что мѣсячные баллы, посланные Казиміромъ домой, на этотъ разъ были гораздо лучше, отъ отца все-таки не было письма.

Вѣрно ему придется провести каникулы въ училищѣ.

При мысли о безконечныхъ недѣляхъ и мѣсяцахъ, которые ему придется провести далеко отъ дома, безъ отпуски, безъ развлеченій, онъ впалъ въ какое-то безчувствіе. Надежда вернуться домой, поддерживавшая его, исчезла. Онъ пришелъ въ отчаяніе, пересталъ жить и лишь прозябалъ, не чувствуя ничего болѣе, кромѣ физической боли.

Уроковъ своихъ онъ не училъ, въ классѣ, за уроками, онъ думалъ о прежней жизни въ Лодевѣ.

Наказанія не дѣйствовали на него больше. Видя его безчувственность и равнодушіе ко всему, товарищи признали его идиотомъ и ихъ презрѣніе увеличилось. До сихъ поръ его отчужденность и болѣзненная гордость вмѣстѣ съ его слабостью возвышали его въ ихъ глазахъ, а теперь онъ палъ ниже самыхъ ничтожныхъ.

Прочіе козлы очищенія въ батальонѣ большеголовый мальчикъ и маленькое существо съ глазами котенка, сохраняли еще чувство собственнаго достоинства и бодро шли, между тѣмъ какъ Бодѣ только позорилъ свою роту.

Вѣчно наказанный — за свои торчація пуговики, нечистые башмаки, смятое платье — онъ сдѣлался настоящимъ неряхой. Его стыдили при всемъ классѣ.

Онъ сталъ даже нечувствителенъ къ побоямъ, что положительно приводило въ отчаяніе его преслѣдователей.

Они стали испытывать его терпѣніе и продѣлывали надъ нимъ всевозможныя штуки, какъ, на примѣръ, толстякъ Лабузъ, несмотря на свою медвѣжью неловкость и неповоротливость ночью подкрался къ нему и перевернулъ его тюфякъ вмѣстѣ съ нимъ.

Сержантъ Беррье, разбуженный шумомъ, не давая себѣ труда выдти изъ комнаты закричалъ:

— Г-въ Бодѣ, вы нарушаете порядокъ! Завтра я напомню вамъ объ этомъ!

На другой день его отвели въ тюрьму. Онъ надѣлъ свое платье наказанныхъ, и провелъ нѣсколько дней въ ямѣ; тамъ было темно, и, завернувшись въ одѣяло, онъ позналъ мученія посаженнаго въ клѣтку звѣря. При такой жизни, и безъ того слабое здоровье его окончательно распаталось.

Онъ пересталъ ѣсть. Къ нѣкоторымъ блюдамъ онъ получилъ положительное отвращеніе.

Питался онъ только хлѣбомъ и овощами, отчего его силы значительно ослабѣли. Явилась головная боль, да и ухо снова разболѣлось.

Такъ какъ у него часто шла кровь изъ носа, то придумали новую пытку: кто-то будто нечаянно толкнулъ его въ лицо. Моранси давалъ ему въ носъ щелчки.

Во время класса ему кидали въ лицо шарики засушеннаго хлѣба, и они ударялись такъ сильно, что кровь брызгала на книгу. Онъ выходилъ изъ класса на дворъ и мылся у фонтана. Свѣжій воздухъ обдавалъ его, и, по вече-

рамъ, выходя на дворъ, окруженный со всѣхъ сторонъ ярко освѣщеннымъ окнами, онъ испытывалъ глубокое отчаяніе отъ невозможности бѣжать за эти стѣны. Звѣзды съ голубой высоты, смотрѣли участливо, на его горе. Какъ часто, бывало, изъ своей дѣтской кровати онъ любовался ими!

Онъ чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, что въ отчаяніи садился на карнизъ фонтана и закрывалъ глаза, съ страстнымъ желаніемъ заснуть и умереть. Но почти всегда кто либо изъ товарищей выходилъ изъ класса и нарушалъ его покой, бросивъ въ него камень, или ударивъ башмакомъ, или же надзиратель отводилъ его прямо къ Таарррка.

XVI

Въ спальнѣ воспитанниковъ страшное волненіе.

— Моранси обокрали!

— Кто?

У него были спрятаны въ кепи двадцать франковъ.

— Должно быть ночью, или пока онъ былъ у крана.

— Но кто же, кто?

— А что если это Боде!

Неизвѣстно, кто это сказалъ, но всѣ глаза устремились на Боде, между тѣмъ какъ Моранси злобно посмотрѣлъ на него. За классами всѣ слѣдили за его движеніями.

Всѣ до такой степени увлеклись отыскиваніемъ вора, что даже забыли помучить его, но въ рекрецію, когда воспитатели ушли, ученики окружили его.

— Это ты, признавайся, ты.

И даже, не дожидаясь, его отвѣта, кто-то крикнулъ:

— Воръ!

— Я! воскликнулъ съ негодованіемъ Казиміръ, выведенный вдругъ изъ своего столбняка. — Неправда! Кто смѣетъ?

Въ эту минуту Боде увидѣлъ, что маленькій черненькій кадетъ, съ тихими умными глазами, насмѣшливо улыбнулся.

— Это ты сказалъ? началъ Боде опять. — Можетъ быть ты самъ воръ!

Кадетъ измѣнился въ лицѣ и, проворчавъ подъ носъ: — повтори-ка еще, попробуй! скрылся въ толпѣ.

Боде удовольствовался пожатіемъ плечъ. Моранси, сжавъ зубы и сверкая глазами, бросился на Боде:

— Нѣтъ, это еще не все, ты мой сосѣдъ по койкѣ. Ты былъ тамъ, когда воровали, ты самъ укралъ или видѣлъ вора. Говори!..

Боде посмотрѣлъ на него и гордо выдержалъ его оскорбительный взглядъ. Мысль, что Моранси, которымъ онъ всегда любовался и котораго охотно полюбилъ бы всей душой, могъ его заподозрить, опечалила его.

Онъ сталъ защищаться.

— Говори! прокричалъ Моранси надъ самымъ его ухомъ и ударилъ по лицу.

Получивъ пощечину, Казиміръ закусилъ до крови губы и съ пылающими щеками смотрѣлъ на него.

— Если онъ не признается—въ карантинъ его! рѣшило большинство голосовъ.

На лицѣ ребенка показалась улыбка мужества.

Въ карантинъ, такъ въ карантинъ. Тамъ будетъ лучше. Никто не будетъ съ нимъ говорить, но такъ и лучше. Но почему бы, въ самомъ дѣлѣ ему не украсть, что они могутъ ему еще сдѣлать? Безумная надежда, что наконецъ-то оставятъ его въ покоѣ, подсказала ему отвратительную ложь:

— Да, правда, я укралъ!

Поднялась сумятица. Оскорбленія градомъ посыпались на него.

— А! сказалъ Моранси тихо и, какъ бы удивленный, спросилъ Боде:

— Когда ты успѣлъ взять мои деньги?

— Вчера вечеромъ, отвѣтилъ Казиміръ, придумывая.

— И что ты съ ними сдѣлалъ?

— Бросилъ.

— Куда?

Боде остановился, придумывая, куда бы онъ могъ ихъ бросить.

— Изъ окна спальни, въ Легрѣ.

Это глупо, но возможно. Образовавшійся вокругъ Казиміра кругъ расширился и онъ увидѣлъ себя одинокимъ посреди разъяренныхъ учениковъ.

Толстякъ Лабузъ, обладавшій огромными кулаками, подошелъ къ нему.

— Хорошо, ты отплотишь въ такомъ случаѣ натурой; десять франковъ—это двѣсти су. Подожди же! Онъ схватилъ ребенка, связалъ ему руки, поставалъ его на колѣни и сказалъ:

— Бейте между ушей, по очереди!

Пытка началась. Одинъ за другимъ, подходили ученики и били сначала вправо, потомъ на лѣво. Только Моранси не подходилъ. Наконецъ, Казимиръ началъ жалобно кричать, но шумъ голосовъ покрылъ его стоны. Въ комнату, гдѣ производилась расправа, прибѣжали ученики:

— Воръ найденъ!..

— Въ спальняхъ обыскали шкафики...

— Его ведутъ зъ тюрьму...

— Онъ во всемъ признался...

Воромъ оказался маленькій черненькій кадетъ съ умными глазами.

Казимира отпустили—и онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія.

— Зачѣмъ же ты сказалъ, что это ты! спросилъ его пораженный Лабузъ.

Боде даже не взглянулъ на него и, смотря на Моранси, сказалъ, прикладывая платокъ къ распухшему уху.

— Чтобы меня оставили въ покоѣ.

— Ну, это было бы слишкомъ хорошо для тебя. У тебя, губа не дура, но намъ-то будетъ скучно.

Въ эту минуту дежурный воспитанникъ позвалъ Боде. Слухъ объ его лжи дошелъ до капитана.

— Не угодно ли вамъ, сударь, объяснить мнѣ—почему вы похвалялись такимъ позорнымъ поступкомъ?

Боде молчалъ: чувство чести, въ школьномъ смыслѣ, какъ всегда, не дозволило ему признаться въ томъ, что онъ только что объяснилъ товарищамъ.

Капитанъ принялъ это за порочное бахвальство и сказалъ:

— Я жду вашихъ объясненій, сударь! Затѣмъ добавилъ:— А знаете ли, еслибы воръ не сознался, васъ выключили бы отсюда?

То же молчаніе.

— Вы это знали? переспросилъ его капитанъ.

Боде утвердительно кивнулъ головой и нязко опустилъ ее на грудь.

— Вы знали и все же лгали? значить, вы хотите, чтобы васъ выключили?

Боде не поднималъ головы и пристально смотрѣлъ на свои башмаки.

— Ступайте. Я извѣщу обо всемъ вашего отца.

XVII

Потрясеніе было слишкомъ сильно. Весь вечеръ Боде колотила лихорадка. Когда онъ легъ въ постель, страшная дрожь потрясала все тѣло. Онъ засыпалъ, но черезъ нѣсколько минутъ просыпался и опять метался по постели. Тоска овладѣла имъ. Неотвязное предчувствіе какого-то несчастія не давало ему покоя. Мысль о грозящемъ ему бѣдствіи перенеслась на прошлое: то ему снилось, что Эстелла умираетъ, то онъ видѣлъ свою мать блѣдную, какъ воскъ, лежащую на смертномъ одрѣ. Иногда ему казалось, что родные оплакиваютъ его самого, что вчера его привезли съ глубокой раной на лбу, полученной отъ удара камнемъ, брошеннымъ его врагомъ, Матвѣемъ.

Все это происходило въ Лодевѣ, а не Людѣ, какъ будто его жизнь въ училищѣ исчезла, а въ его памяти воскресло его раннее дѣтство. Мало по малу, видѣнія дѣлались все неяснѣе, все спутаннѣе. Онъ уже плавалъ около какого-то пустынного острова и огромный крокодилъ схватилъ его. Дикари вырвали его изъ пасти чудовища, чтобы сжарить и съѣсть...

Боде метался, сбрасывалъ съ себя одѣяло, простыни и громко бредилъ. Рано утромъ, чуть свѣтъ, онъ всталъ, надѣлъ панталоны и, какъ былъ, на босу ногу, выбѣжалъ изъ спальни. Куда? онъ и самъ не зналъ. Машинально спустился онъ съ лѣстницы, прошелъ черезъ дворъ и, по привычкѣ, подошелъ къ классной двери, но она была заперта. Затѣмъ какая-то непреодолимая сила повлекла его къ парадному подъѣзду. Въ эту минуту, одинъ изъ слугъ заведенія, обходя училище съ фонаремъ въ рукѣ, отворилъ двери. Боде толкнулъ его, скользнулъ мимо него и бросился бѣжать къ выходнымъ воротамъ. Лакей закричалъ, что есть мочи. Привратникъ выбѣжалъ изъ своей каморки и преградилъ ему путь. Казиміръ остановился на мгновеніе и

затѣмъ кинулся къ парку, перескочилъ черезъ ограду и исчезъ въ чашѣ деревьевъ.

Быстро неся Казимиръ по кустамъ, раздирая тѣло о кусты розъ и ушибая ноги о бордюры клумбъ, за нимъ, что есть мочи, бѣжалъ лакей...

Его нашли часа черезъ два, когда уже все училище было на ногахъ и два отряда слугъ и сержантовъ обшарили весь паркъ.

Боде, спрятавшись за стволъ старой узловатой ивы, стоялъ по колѣна въ водѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Сержанты принесли въ училище не ученика Боде, № 1724, но несчастнаго звѣрка, безчувственное тѣло, дрожащее въ лихорадкѣ. Его снесли прямо въ лазаретъ.

XVIII

.....

Казимиръ открылъ глаза и подумалъ, что бредъ еще не кончился: ему все еще казалось, что онъ въ Лодевѣ, въ своей кроваткѣ и на оклеенныхъ пестрыми обоями стѣнахъ ему привидѣлось даже блѣдное лицо матери, но это чудное видѣнiе исчезнетъ и онъ снова очутится въ лазаретѣ и вмѣсто мамы увидитъ надъ собою лицо сестры Василисы, въ огромномъ бѣломъ чепцѣ. Онъ вдохнулъ. Чье-то дыханiе коснулось его лба, холодныя руки, милыя, дорогiя руки дотронулись его лица и дорогой голосъ прошепталъ:

— Мое дитя, мое бѣдное дитя!

Онъ слабо улыбнулся, не довѣряя себѣ и заснулъ. Когда онъ проснулся, кроватка, обои съ цвѣточками, все было на своемъ мѣстѣ и первымъ его словомъ было:

— Мама!

Да, она была около него, онъ ее видѣлъ, узналъ. Какъ она поблѣднѣла! Какъ озабоченно ея изстрадавшееся лицо. За нею онъ увидѣлъ суровое лицо отца ласково и какъ-то смущенно смотрѣвшаго на него.

— Ну, что, лучше ли тебѣ?

Тутъ же стоялъ какой-то незнакомый господинъ. Казимиръ догадался, что это, должно быть, Дюпаркъ, лучший врачъ въ Лодевѣ, лечившій только тѣхъ, къ кому у него лежитъ душа.

Докторъ отстранилъ тихонько отца и произнесъ вполголоса:

— Никакихъ волненій.

Боде покорно вышелъ изъ комнаты и Казиміръ, тяготившійся его присутствіемъ, вздохнулъ свободно.

Мать сѣла у изголовья и ласково гладила его по головѣ.

Слезы брызгнули изъ глазъ изстрадавшагося мальчика и, взглянувъ на мать, онъ увидѣлъ, что она, склонясь на его подушку, тихо рыдала. Но странное дѣло, Дюпаркъ не останавливалъ ее. Онъ всталъ у окна и наигрывалъ по стеклу какой-то маршъ.

— Мама, мама, прошепталъ мальчикъ и, высунувъ изъ подъ одѣяла исхудавшую руку, обвинилъ ею шею матери.

— Меня не отдадутъ больше въ училище, ты не пустишь меня, нѣтъ, мама? умолялъ онъ. Бѣдная мать вспомнила бредъ Казиміра въ продолженіи этихъ ужасныхъ мѣсяцевъ: его страхъ, ужасъ, крики, имена товарищей, повторяемые по сту разъ, жестокость учениковъ, все даже распухшія уши, заставлявшія его кричать въ бреду отъ боли: — Мама, мама, они бьютъ меня, они бьютъ! Я не кралъ никогда, никогда! Съ ужасомъ представляла она себѣ его мученія, какъ они получили телеграмму, извѣщавшую ихъ о болѣзни сына, ихъ торопливый отъѣздъ, лазаретъ и какъ она, какъ только явилась малѣйшая возможность, перевезла его къ себѣ, въ первый разъ въ жизни возставъ противъ мужа, не желавшаго того.

— Не думай объ этомъ, успокаиваетъ она сына, вытирая слезы на своемъ исхудавшемъ лицѣ, ты долженъ поправиться, окрѣпнуть.

Казиміръ пересталъ плакать и спросилъ слабымъ голосомъ:

— А сестры, Эстелла?

— Ты ихъ увидишь, отвѣчаетъ мама, онѣ вернутся изъ школы. Эстелла каждый день приходила узнавать о твоёмъ здоровьи. Она будетъ такъ рада, что ты поправляешься.

Мысли Казиміра переносятся къ играмъ дѣвочекъ на лужку, покрытомъ желтыми цвѣтами. Онъ хочетъ быть сильнымъ, бѣгать, играть, но, къ несчастью, до этого еще долго.

— Мама, вздыхаетъ онъ, не горюй обо мнѣ.

Она удерживаетъ слезы и старается улыбнуться.

Какъ печальна эта улыбка бѣдной матери, оберегающей больного сына!

Въ сосѣдней комнатѣ Бодѣ спрашиваетъ доктора, прописывающаго больному рецептъ.

— Наконецъ, онъ спасенъ? Не правда ли онъ поправится? Вы говорите, что это переломъ, къ росту... Но когда думаете вы, онъ можетъ приняться за ученіе?

И старый поручикъ, нервно подергивая сѣдой усъ, тоскливо ожидаетъ отвѣта врача, въ душѣ опасаясь, что онъ будетъ мало утѣшителенъ.

— Въ моей семьѣ, началъ онъ, помолчавъ немного, какъ бы ободряя самъ себя, здоровые организмы... Въ молодости я просто желѣзо гнулъ. Казиміръ поправится и догонитъ товарищей. Въ двадцать два года онъ будетъ уже офицеромъ, не правда ли?

И онъ съ надеждою ожидаетъ приговора доктора. Но тотъ, послѣ продолжительнаго молчанія, отвѣчаетъ уклончиво:

— Сударь, вашъ сынъ много выстрадалъ!..

Конецъ

ДѢТИ

Увы, мудрецъ сѣдой,
Какъ умъ твой гордый пусть
И тщетень — предъ одной
Улыбкой дѣтскихъ устъ.

Твои молитвы — грѣхъ.
Но, чуждъ страстей и битвъ,
Ребенка милый смѣхъ —
Священнѣй всѣхъ молитвъ.

Родного неба вѣсть —
Его глубокой взглядъ,
Онъ радъ всему, что есть,
Онъ только жизни радъ.

Онъ съ горней вышины,
Какъ ангель, къ намъ слетѣлъ,
Отъ райской тишины
Проснуться не успѣлъ.

Душа хранитъ слѣды
Своихъ небесныхъ грезъ,
Какъ сонные цвѣты
Росинки Божьихъ слезъ.

Д. Мережковскій

КЛЕОПАТРА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ

Георга Эберса

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Ночь принесла Клеопатрѣ мало сна. Одно отдаленное воспоминаніе цѣплялось за другое и соображенія слѣдовали за соображеніями. То, что она рѣшила вчера, было самымъ правильнымъ. Исполненіе задуманнаго должно было начаться сегодня-же. Что-бы ни случилось, царица приготовилась встрѣтить всякую неожиданность.

Прежде, чѣмъ приняться за работу, она позволила уполномоченному изъ Рима еще разъ повидаться съ нею. Тимагенъ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, все искусство оболъщенія, все остроуміе и находчивость. Онъ снова обѣщалъ Клеопатрѣ жизнь и свободу, а ея дѣтямъ—тронъ; но когда посредникъ сталъ настаивать на выдачѣ или умерщвленіи Марка Антонія, какъ на предварительномъ условіи всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ, царица отказала ему на отрѣзъ и онъ, вполне разочарованный, не получивъ даже ни малѣйшаго обѣщанія, былъ принужденъ отправиться въ обратный путь.

Послѣ его ухода, Клеопатра разсмотрѣла съ Ирасъ планы гробницы, принесенные Горгіасомъ, но глубокое душевное волненіе мѣшало ей внимательно отнестись къ дѣлу и она попросила зодчаго придти потомъ. Послѣ его ухода, царица вынула письма, писанныя ей Цезаремъ и Антоніемъ. Какъ утонченны, умны, исполнены любви были

полученныя отъ перваго, какъ пламенны, многорѣчивы, но искренно прочувствованы посланія могучаго предводителя всадниковъ и горячаго, увлекавшаго за собой массы оратора, котораго Клеопатра влекла за собою, своей нѣжною женскою рукою, куда ей вздумается.

Сердце забилося у ней сильнѣе, когда она подумала о предстоявшемъ свиданіи съ супругомъ, потому что Харміонъ уже отправилась къ нему съ нубіянкой, чтобы пригласить его опять соединиться съ царицею. Со времени ухода обѣихъ женщинъ прошло уже нѣсколько часовъ и съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидала Клеопатра ихъ возвращенія. Для послѣдней борьбы сообщая призвала она къ себѣ Антонія и не сомнѣвалась, что онъ придетъ. Ахъ, еслибы ему удалось еще разъ собраться съ мужествомъ! Людямъ, которые были такъ тѣсно связаны между собою, какъ они, слѣдовало въ тѣсномъ союзѣ пасть и умереть въ послѣднемъ бою, если боги не судили имъ побѣду.

Тутъ доложили о приходѣ Архібія.

Для успокоенія Клеопатры было достаточно взглянуть этому преданному челоуѣку въ лицо, которое будило въ ней самыя лучшія воспоминанія.

Безъ утайки открыла она ему душу. Онъ выпрямился, точно помолодѣвъ, пока царица говорила ему, что никогда, ни за что не запятнаетъ себя предательствомъ возлюбленнаго и супруга; когда-же она прибавила, что рѣшилась умереть достойной ея смертью, его взглядъ краснорѣчиво одобрилъ ея рѣшеніе.

Прежде чѣмъ Клеопатра успѣла обратиться къ нему съ просьбой взять на себя воспитаніе ея дѣтей, онъ самъ, по собственному побужденію, предложилъ посвятить имъ свои лучшія силы. Мысль соединить садъ Дидима съ Лохисомъ и предоставить его малюткамъ была одобрена Архібиемъ. О томъ, что государыня намѣрена выстроить себѣ гробницу, онъ узналъ отъ сестры.

Однако, — прибавилъ преданный другъ царицы, — надо надѣяться, что двери послѣдней откроются для нее лишь въ преклонныхъ лѣтахъ.

Но Клеопатра печально покачала головой и воскликнула:

— О, еслибъ я умѣла читать на всѣхъ лицахъ, какъ на твоёмъ! Ужъ если кто желаетъ мнѣ долгой жизни, такъ это Архібій; но онъ также мудръ, какъ вѣренъ, а потому

думаетъ, что земное существованіе далеко не во всякомъ случаѣ представляетъ для человѣка счастье, и говоритъ самъ себѣ: этой царицѣ и женщинѣ, моей пріятельницѣ, предстоитъ много такого, изъ за чего, пожалуй, было-бы лучше воспользоваться привиллегіей, которую небожители предоставляютъ смертнымъ, когда тѣмъ бываетъ угодно добровольно сойти со сцены жизни. И такъ, пускай она строитъ себѣ гробницу. Вѣрно-ли я прочитала въ старой, знакомой мнѣ книгѣ?

— Въ общемъ, да, — серьезно отвѣчалъ Архібій. — Но на страницахъ той книги написано также, что великой государынѣ и царицѣ только тогда позволительно пуститься въ послѣдній путь, откуда нѣтъ возврата...

— Когда, перебила она, — позорный конецъ, подобно гадкой тучѣ саранчи, затемняющей солнце, пожирающей и уничтожающей жатву, грозитъ свѣтлому началу, блестящей срединѣ и злополучному заключенію человѣческой жизни. Я знаю это и хочу дѣйствовать согласно обстоятельствамъ.

— Кромѣ того, прибавилъ Архібій, — и этотъ конецъ оставишь ты истинно по царски, сообразно твоему характеру. Дорогой, по близости Хомы, я встрѣтилъ сестру. Ты послала ее къ своему супругу. Антоній приметъ протянутую ему руку. Такъ какъ теперь надо пустить въ ходъ всѣ свои силы или погибнуть, то внукъ Геракла опять проявитъ свое прежнее геройство. Можетъ быть, воспламенившись призывомъ и примѣромъ возлюбленной, онъ даже заставитъ враждебную судьбу снова быть къ нему благосклонной.

— Все идетъ своимъ чередомъ, съ твердостью перебила Клеопатра, — но Антоній долженъ помочь мнѣ преградить препятствіями путь торжествующему врагу. Вѣдь какія глыбы скалъ можетъ швырять его могучая рука, когда ему вздумается пустить въ ходъ свою исполинскую силу!

— И если твой высокій умъ уравниаетъ дорогу Антонию, тогда госпожа...

— И тогда исходомъ трагедіи будетъ смерть, а финаломъ каждой сцены — неудача. Развѣ не была смѣлой и многообъщающей мысль перевести флотъ черезъ перешеекъ въ аравійское море? Даже специалисты привѣтствовали ее одобреніемъ, а между тѣмъ она оказалась неисполнимой. Сама судьба вырыла ей могилу, а ко всему этому еще

ужасныя предназначенія до и послѣ Акціума и звѣзды, звѣзды! Все указываетъ на близкую гибель, все! Каждый часъ приноситъ извѣстія объ измѣнѣ союзнаго государя или военочальника. Какъ съ обсерваторіи окидываю я взглядомъ теперь посѣянную мною жатву. Куда ни взглянешь, пустые колосья или плевелы, а между тѣмъ ты, который знаешь мою жизнь съ самаго начала, — скажи, должна-ли я закатать свою голову отъ стыда, если будетъ поставленъ вопросъ, употребляла-ли на пользу Клеопатра свой умъ и свои дарованія, не было-ли у ней недостатка въ прилежаніи и доброй волѣ?

— Нѣтъ, госпожа, тысячу разъ нѣтъ.

— А между тѣмъ каждое дерево, посаженное мною, выродилось или засохло. Цезаріонъ вянетъ въ самомъ разцвѣтѣ, — по чьей винѣ, къ несчастью, я знаю это слишкомъ, хорошо. Воспитаніе остальныхъ дѣтей ты берешь на себя. Поэтому отъ тебя зависитъ вспомнить, что привело меня туда, гдѣ я очутилась теперь, и какъ надо уберечь ихъ корабль, чтобы онъ не попалъ на ложный путь и не потерпѣлъ крушенія.

— Дай мнѣ воспитать ихъ людьми, съ жаромъ воскликнулъ Архібій, — и предохранить отъ стремленія равняться съ богами. Изъ нетребовательной Клеопатры въ саду эпикурейцевъ, которая была отрадою добрыхъ и мудрыхъ, ты обратилась въ »новую Изиду«, и толпы народа въ чадѣ упоенія, въ ослѣпленіи сердца воздѣвали къ тебѣ сердца и руки. Близнецовъ Геліоса и Селену, солнце и луну, мы переселимъ съ неба на землю; людьми, греками должны они стать. Не въ садъ Эпикура, а въ другой хочу я переселить ихъ, чтобы они дышали болѣе строгою атмосферою. Надъ его входомъ не слѣдуетъ писать: »Здѣсь величайшее благо есть — наслажденіе«, но »Это школа борьбы для выработки характера«. Кто выходитъ изъ этого сада, долженъ уносить изъ него не жажду счастья и благополучія, но непоколебимо твердое нравственное направленіе. Какъ ты, такъ и твои дѣти родились на востокѣ, склонномъ ко всему чудесному, сверхъестественному, къ излишествамъ и крайностямямъ. Если ты довѣришь мнѣ своихъ малютокъ, они должны научиться ограничивать себя. Пусть у ихъ кормила стоитъ строгость нравовъ, не исключаяющая жизнерадостности нашего народа, а паруса пусть ставятъ имъ

чувство мѣры, благороднѣйшее преимущество греческаго характера.

— Понимаю, перебила Клеопатра, понуривъ голову. — Тѣмъ, что должно послужить на пользу дѣтямъ, ты напоминаешь матери причину ея неудачъ. По твоему ея корабль разбился оттого, что у ней не было этого чувства мѣры и ты, пожалуй, правъ. Уже давно, какъ мнѣ извѣстно, отвергъ ты ученіе Эпикура, какъ и ученіе Стои, и сталъ отыскивать новыхъ путей, поставивъ себѣ серьезную цѣль. Меня увлекли бури жизни далеко отъ тишины сада, гдѣ мы стремились къ самому чистому наслажденію. Теперь я узнала опасности, которыя грозятъ тому, кто видитъ величайшее благо въ личномъ счастьи. Невозмутимое блаженство слишкомъ высоко для смертнаго; въ пестрой сутолокѣ жизни оно недостижимо и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ слишкомъ низменную цѣль для того, чтобъ его добиваться, такъ какъ существуютъ другія гораздо болѣе благородныя стремленія. Однако, не станемъ забывать одного изреченія Эпикура, потому что оно послужило намъ на пользу до сегодняшняго дня. »Мудрость«, сказалъ онъ, »не можетъ получить болѣе драгоценнаго добавленія для счастья цѣлой жизни, какъ обладаніе дружбою«.

Съ этими словами Клеопатра протянула Архибію руку и когда онъ съ волненіемъ поднесъ ее къ губамъ, царица продолжала: — Послѣдней отчаянной борьбѣ, какъ тебѣ извѣстно, иду я на встрѣчу,—и, если будетъ угодно богамъ, плечомъ къ плечу съ Антоніемъ. Поэтому мнѣ не суждено внимательно слѣдить за дѣломъ воспитаніе моихъ дѣтей, которое я отдала въ твои руки, но способствовать ему я все-таки желаю. Когда мои дѣти станутъ спрашивать тебя о матери, тебѣ будетъ трудно удержаться, чтобы не сказать имъ: »Вмѣсто того, чтобы стремиться къ безболѣзненному душевному покою, къ благородному наслажденію Эпикура, казавшемуся ей нѣкогда высшимъ благомъ, она ненасытно искала земныхъ наслажденій съ ихъ скоропреходящимъ угаромъ; безъ мѣры расточала уроженка востока прекрасные дары своего ума и достояніе своего народа, подчиняясь быстрымъ влеченіямъ своей страстной души. Но ты имѣешь также право отвѣтить имъ: »Сердце вашей матери было полно любви; она презирала все мелкое, упорно

стремилась къ возвышенному и когда была побѣждена, предпочла смерть предательству и позору».

Тутъ Клеопатра остановилась, слышавъ приближающіеся шаги, и потомъ воскликнула озабоченнымъ тономъ: — А я жду и жду! Пожалуй Антоній не можетъ вырваться изъ тисковъ разслабляющаго отчаянія. Выдержать послѣднюю борьбу безъ него, но подъ мрачнымъ и гнѣвнымъ взоромъ его нѣкогда такихъ веселыхъ глазъ, это, Архібій, было бы величайшимъ горемъ моей жизни. Влискому другу, тебѣ, который видѣлъ какъ зародилась въ груди ребенка любовь къ этому человѣку, я могу сознаться... Но, что это такое?.. Бунтъ... Неужели народъ возсталъ? Не дальше какъ вчера, представители духовенства, члены музея, предводители войска увѣрили меня въ своей неизмѣнной любви и преданности. Положимъ, Діонъ принадлежалъ къ числу македонскихъ мужей совѣта... но я уже заявила по совѣсти, что никогда не думала преслѣдовать его за Цезаріона; я даже не знаю, гдѣ онъ находится съ новобрачной и не забочусь о томъ. Или новое увеличеніе налоговъ, приказаніе воспользоваться богатствами, накопленными въ храмахъ, возбудили недовольство александрійцевъ? Что ты хочешь? Намъ нужно золото, чтобы встать лицомъ къ лицу съ врагомъ, чтобы защитить самостоятельность трона, страны и народа. Или, можетъ быть, изъ Рима?.. Однако дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и шумъ все приближается.

— Я посмотрю, что имъ надо, озабоченно прервалъ Архібій и поспѣшилъ къ дверямъ. Но «вводитель» тутъ какъ разъ и отворилъ ихъ и воскликнулъ, заглянувъ въ комнату:

— Маркъ Антоній приближается къ Лохіасу и съ нимъ половина Александрій.

— Высокій императоръ возвращается, торопливо доложилъ бородатый начальникъ драбантовъ, не давъ придворному договорить. А въ ту же минуту Ирасъ промчалась мимо него и внѣ себя крикнула повелительницѣ: — Онъ идетъ! онъ уже тутъ! Я знала, что такъ будетъ. Какъ они кричатъ и ликуютъ! Ступайте отсюда вонъ, мужчины. Если тебѣ будетъ угодно, госпожа, мы выйдемъ къ нему на встрѣчу, на террасу Вереники. Еслибъ только намъ успѣть...

— Близнецы, маленький Александръ, перебила ее прерывающимъ голосомъ, блѣдная какъ смерть, Клеопатра. — Надѣть имъ праздничныя платья!..

— Бѣги скорѣе къ дѣтямъ, Зоя, дополнила Ирасъ этотъ приказъ и захопала въ ладоши. Потомъ она обратилась къ царицѣ съ мольбою: — Успокойся, госпожа, заклинаю тебя, успокойся! У насъ достаточно времени. Я уже захватила съ собой вѣнецъ Изиды, украшенный коршуномъ, и все остальное. Невольникъ Эросъ только что прибѣжалъ, запыхавшись, сюда. Императоръ, говоритъ онъ, появится въ видѣ »новаго Діониса« и ему было бы пріятно, хотя онъ и не поручалъ невольнику передавать намъ этого, — если ты встрѣтишь его, какъ »новая Изида«. Помоги мнѣ, Гаеоръ... А ты, Нефорисъ, передай вводителю, чтобы онъ позаботился собрать прислужниковъ съ опахалами и остальной штатъ женщинъ и мужчинъ. Пускай они выстроятся по своимъ мѣстамъ. Вотъ нити жемчуга на шею и на грудь. Осторожнѣе съ одеждой! Нѣжна, какъ паутинка, прозрачная ткань бомбикса и если вы ее разорвете... Нѣтъ, ты не должна, противиться, государыня! Вѣдь мы знаемъ всѣ, какъ радуется Антонія видѣть свою богиню въ божественномъ великолѣпіи и красотѣ.

Уступивъ настояніямъ наперсницы, съ разгорѣвшимися вновь щеками и сильно бьющимся сердцемъ, Клеопатра позволила надѣть на себя праздничное одѣяніе, усыпанное блестящимъ жемчугомъ и сверкающими драгоценными камнями. Гораздо болѣе пріятно и сообразно съ ея чувствами было бы выйти навстрѣчу возвращающемуся супругу въ простой темной одеждѣ, которую она, со своего возвращенія, замѣняла болѣе роскошно только при торжественныхъ случаяхъ; но Антоній шелъ къ супругѣ, перодѣтый Діонисомъ, и Эросъ отлично зналъ, чѣмъ угодить своему господину. Восемь проворныхъ женскихъ рукъ, къ которымъ часто присоединялись ловкіе пальцы Ирасъ, дружно засуетились, и вскорѣ молодая дѣвушка могла поднести царицѣ зеркало, восклицая отъ глубины души: — Хороша, какъ рожденная изъ пѣны Афродита и золотая Гаеоръ!

Послѣ того Ирасъ, забывшая во время одѣванія госпожи и свою обманутую любовь, и ненависть, и зависть, успѣвшая среди торопливой лихорадочной дѣятельности сотворить краткую горячую молитву за счастливый исходъ этого свиданія, распахнула настежь обѣ широкія половинки дверей, какъ будто открывая передъ молельщиками въ

храмъ таинственный доступъ въ святаыя святаыхъ, гдѣ стоитъ священное изображеніе божества.

Протяжный громкій возгласъ изумленія и восторга, встрѣтилъ царицу, такъ какъ за дверьми ее ожидала уже наскоро созванная свита, отъ посѣдѣвшаго эпистологафа *) до самаго младшаго пажа. По праздничному разодѣтыя женщины на дворцовой службѣ подняли длинный, далеко раскинутый шлейфъ плаща Клеопатры, другія, въ жреческіхъ одѣяніяхъ, пробовали подвижность колець на палочкахъ систрума, мужчины и мальчики проходили рядами, каждый согласно своему рангу; наконецъ, старшій опалоносецъ подалъ знакъ къ открытію шествія. Послѣ короткаго перехода черезъ нѣсколько залъ и корридоровъ, процессія достигла передняго дворцоваго двора и поднялась по ступенямъ широкой терассы у наружныхъ воротъ; отсюда былъ виденъ весь Брухіумъ и Царская улица, по которой приближался кортежъ Антонія.

Издали крики толпы звучали грозно, но теперь въ оглушительномъ гамѣ можно было различить каждый привѣтливый возгласъ, каждый кликъ радости, ликованія, изумленія, одобренія, восторга, преданности и поклоненія, какіе только существовали на языкѣ эллиновъ и египтянъ.

Лишь середина и конецъ шествія были видны съ терассы, тогда какъ его начало скрывалось за старыми деревьями сада, на поворотѣ дороги между храмомъ Изиды и участкомъ Дидима, возлѣ угла Музъ. Конецъ же процессіи до сихъ поръ достигалъ мыса Хома, откуда она вышла.

Вся Александрія, казалось, примкнула къ ней. Большой и малый, высокій и незначительный, старъ и младъ, калѣка и хромой, вмѣшались въ толпу, кто на колесницѣ, кто верхомъ на конѣ, кто на вьючномъ животномъ, кто на телѣгѣ, и все это стремилось впередъ, подобно бурному потоку, который мчится съ горныхъ высей въ долину. Здѣсь раздавался пронзительный вопль изъ опрокинутыхъ носилокъ, потому что люди, несшіе ихъ, упали отъ изнеможенія, тамъ ревѣлъ, сбитый съ ногъ ребенокъ или жалобно визжала собака, затоптанная толпою. Но клики ликованія были до такой степени громки, что заглушали флейты и тамбурины, цимбалы и лютни музыкальныхъ хоровъ, кото-

*) Составитель писемъ.

рые слѣдовали за приближающимся человѣкомъ въ одеждѣ божества.

Теперь начало шествія оставило позади себя уголъ Музъ и стало видимо также съ террасы.

Не могло быть и вопроса о томъ, за кѣмъ слѣдовалъ этотъ кортежъ, потому что возвращающійся домой шествовалъ впереди, высоко возвышаясь надъ толпою. Со своего золотого трона, который несли на плечахъ двѣнадцать черныхъ невольниковъ, привѣтствовалъ онъ ликующія массы народа, склоняя надъ ними свой длинный тирсъ. Передъ вакхической свитой, сопровождавшей его, и позади хоровъ музыки, шагали два слона, между ними колыхалась какаютто легкая ноша, прикрытая пурпурно-краснымъ платкомъ. Теперь шествіе вступило въ высокія ворота между двумя пилонами, отдѣлявшія дворецъ отъ Царской улицы, и остановилось противъ террасы.

Пока драбанты, скиены и тѣлохранители всѣхъ отбѣнокъ кожи, пѣшкомъ и на коняхъ, осаживали наступающія толпы народа силою, тамъ, гдѣ не дѣйствовали ласковыя увѣщанія, Клеопатра увидѣла, какъ ея другъ сошелъ съ трона и подаль знакъ индѣйцу-рабу, который велъ слоновъ. Платокъ немедленно слетѣлъ съ таинственной ноши и удивленнымъ взорамъ собравшихся предсталъ букетъ, еще невиданный ни однимъ изъ александрійцевъ. Онъ состоялъ изъ цѣльныхъ сплошь усыпанныхъ цвѣтами розовыхъ кустовъ. Красныя розы составляли центральный кругъ; бѣлая обвивали его широкимъ, болѣе свѣтлымъ вѣнкомъ. Все это исполинское произведеніе покоилось, какъ яйцо въ кубкѣ, въ подставкѣ изъ граціозно выгибавшихся пальмовыхъ вѣтвей. Болѣе тысячи цвѣтовъ ссединылось въ этомъ неподобномъ букетѣ и рѣдкостный исполинскій подарокъ соответствовалъ личности подносителя.

Пѣшкомъ приблизился онъ къ возвышенной террасѣ; его богатырская фигура превышала всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ, коричневыхъ, свѣтлокожихъ и черныхъ, свободныхъ и рабовъ, подобно тому, какъ на египетскихъ памятникахъ фараоновъ изображеніе властелина, превышаетъ фигуры подданныхъ и непріятелей.

Даже на самыхъ рослыхъ смотрѣлъ онъ сверху внизъ, а высотѣ его роста соответствовала ширина могучихъ плечъ и прекрасно развитога торса. Длинная, затканная золотомъ

пурпурная одежда шафраннаго цвѣта, доходившая ему до щиколодокъ, заставляла Антонія казаться еще выше. Могучія руки съ выпуклыми мускулами атлета простерлись, изъ хитона безъ рукавовъ, на встрѣчу возлюбленной царицѣ.

Богатырской фигурѣ этого человѣка соотвѣтствовала голова прекрасной формы, съ густыми, темными волосами и великолѣпной бородой. Эти волосы были черны, какъ вороново крыло съ синеватымъ отливомъ, когда они украшали голову юноши; теперь же обильную сѣдину, серебрившуюся въ нихъ, удалось скрыть подъ слоемъ краски. Густой вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ обвивалъ чело Антонія и виноградныя вѣтви съ гроздьями темныхъ ягодъ ниспадали ему на широкія плечи и спину, на которую была наброшена вмѣсто плаща звѣриная шкура, но не леопарда, а индійскаго королевскаго тигра необыкновенной величины, собственноручно заколотога Антоніемъ на аренѣ цирка. Голова и лапы животнаго были изъ золота, а вмѣсто глазъ у него сверкали два великолѣпныхъ сапфира. Замокъ цѣпочки, на которой висѣла шкура, какъ и застежка, величиною въ ладонь, на золотомъ поясѣ, обхватывавшемъ бедра императора, были усыпаны рубинами и смарагдами. На широкихъ пряжкахъ, придерживавшихъ на плечахъ одежду, на золотомъ украшеніи, облегавшемъ высокую грудь, даже на красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, сверкали и блестяли иристые драгоцѣнные камни.

Ослѣпительно, какъ нѣкогда его счастье, было великолѣпіе одѣянія этого павшаго могучаго героя, который еще вчера робко и уныло прятался отъ людскихъ глазъ. Веди-чаво, благородно и прекрасно было также его лицо, но хотя блѣдныя щеки Антонія пылали искусственнымъ румянцемъ юности, полстолѣтія самой необузданной погони за наслажденіями и мучительныя волненія послѣднихъ недѣль, оставили слишкомъ ясныя слѣды въ его чертахъ; вялая кожа отвисла подъ большими глазами, а глубокія морщины бороздили лобъ и разбѣгались лучеобразными линіями отъ угловъ глазъ по вискамъ.

Но между тѣмъ никому изъ тѣхъ, кто видѣлъ вблизи этого наряженнаго пятидесятилѣтняго человѣка, не приходило въ голову сравнить его со старымъ расфранченнымъ скоморохомъ, до того шло къ нему это великолѣпіе, этотъ блескъ и при томъ въ его наружности было столько величія

и мощи, что они исключали всякую насмѣшку и презрѣніе. Какъ открыто, добродушно и пріятно было лицо этого человека, съ какимъ искреннимъ сердечнымъ умиленіемъ смотрѣли его, еще юношески свѣтлые, глаза на возлюбленную, съ которою онъ былъ такъ долго разлученъ! Каждая черта Антонія дышала пылкою нѣжностью къ высокой государынѣ, къ которой онъ подходилъ, а въ его улыбкѣ быстро смѣнялось выраженіе смиренной горькой тоски, благодарности и блаженства, невольно взволновавшихъ сердце даже его враговъ. Когда же онъ прижалъ руку къ широкой груди и сталъ приближаться къ царицѣ, такъ низко наклонившись, какъ будто хотѣлъ облобызать ей ноги, и когда, дѣйствительно, его исполинская фигура склонилась передъ ней на колѣни, а могучія руки протянулись впередъ въ порывѣ страстной преданности, какъ будто онъ былъ ребенкомъ, молившимъ о помощи,—тогда женщина, которая любила его всю жизнь, со всѣмъ пыломъ страстной души, почувствовала, что все стоявшее между ними, какъ и всѣ ихъ взаимныя вины другъ передъ другомъ канули въ вѣчность. И Антоній уловилъ ясную, какъ солнце, улыбку на дорогомъ, все еще прекрасномъ лицѣ Клеопатры, услышалъ свое имя, слетѣвшее съ милыхъ устъ, которымъ онъ былъ обязанъ самыми лучшими наслажденіями, которыя служили ему кубкомъ любви. Какъ будто очарованный звуками ея голоса, казавшимися ему сладостнѣе гнѣнія Музъ, онъ слабо улыбнулся шуткѣ, отъ которой не могъ отрѣшиться даже въ самыя серьезныя минуты жизни; вслѣдъ затѣмъ императоръ, потрясенный избыткомъ вновь пробуждающагося счастья послѣ такого большого горя,—указалъ на исполинскій букетъ, снятый со слоновъ и поднесенный царицѣ тремя невольниками; Клеопатра въ свою очередь была глубоко взволнована.

Это цвѣточное подношеніе подражало въ исполински-увеличенномъ размѣрѣ маленькому букету, который нѣкогда былъ ввѣтъ избалованнымъ всеобщимъ почетомъ молодымъ предводителемъ римскихъ всадниковъ у калитки сада эпикурейцевъ изъ рукъ ея отца и поднесенъ ей въ видѣ перваго подарка. Тамъ были также красныя розы, окруженныя бѣлыми. Вмѣсто пальмовыхъ вѣтвей, тѣ цвѣты были обрамлены, конечно, только папоротникомъ. Теперешній букетъ принадлежалъ къ числу прекрасныхъ даровъ, которые такъ хорошо умѣлъ выбирать Антоній съ его ласковымъ

вниманіемъ ко всѣмъ. Символомъ неслыханнаго великодушія, свойственнаго ему, гиганту между людьми, служилъ этотъ даръ. Приблизиться къ ней съ такими почестями заставили его не волшебный кубокъ, одаренный магическою силою, а только собственное переполненное сердце и вѣчно юная, неувядающая любовь.

Какъ будто помолодѣвъ и точно по волшебству перенесенная къ счастливымъ днямъ, только что расцвѣтающей юности, Клеопатра забыла свое царское достоинство, сотни глазъ, устремленныхъ на Антонія, и, повинувась неодолимому сердечному порыву упала на широкую, высоко вздымавшуюся грудь, стоявшаго передъ ней на колѣняхъ, любимаго человѣка. А онъ залился серебристымъ счастливымъ смѣхомъ, обыкновенно свойственнымъ только юности, охватилъ ее своими богатырскими руками, приподнялъ ея нѣжную фигуру отъ земли вмѣстѣ съ длиннымъ пурпуровымъ царскимъ плащемъ, расцѣловалъ ее въ губы, въ глаза и долго держалъ царицу на вѣсу, въ парящей позѣ богини побѣды, какъ будто желая показать присутствующимъ свое счастье, и, наконецъ, бережно опустилъ Клеопатру на землю, какъ драгоценное и хрупкое сокровище.

Потомъ Антоній обратился къ дѣтямъ, которыя ожидали его рядомъ съ матерью, поднялъ на воздухъ сначала маленькаго Александра, потомъ близнецовъ, чтобы поцѣловать ихъ, и пока онъ держалъ на могучихъ рукахъ обоихъ десятилѣтнихъ дѣтей, не чувствуя отъ радости свиданія тяжести ихъ тѣла, — послѣдовалъ новый взрывъ всеобщаго ликованія, который разразился еще тогда, когда царица опустилась на грудь своего супруга.

Старыя стѣны дворца на Лохіасѣ еще никогда не были свидѣтелями такихъ восторженныхъ овацій; клики народа росли и распространялись все дальше, отъ одного человѣка къ другому, отъ одной сотни зрителей къ другой и хотя стоявшіе вдали не знали хорошенько, что здѣсь происходитъ, но и они кричали вмѣстѣ съ прочими. На всемъ длинномъ протяженіи отъ Лохіаса до Хомы это ликованіе сливалось въ нѣчто цѣлое, потрясающее, нераздѣльное, и гремѣло надъ гаванью, надъ стоящими на якорѣ судами съ ихъ мачтами, раскатываясь до утеса на морѣ, гдѣ Барина ухаживала за больнымъ новобрачнымъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Скалистая площадка къ сѣверу отъ гавани, не многимъ обширнѣе сада Дидима близъ угла Музъ, пустынный клочокъ земли, гдѣ не росло ни деревца, ни кустарника, составляла собственность вольноотпущенника Пирруса. Островокъ этотъ назывался »Змѣинымъ«, хотя его обитатели давно вывели опасныхъ гадовъ, гнѣздившихся, напротивъ, въ большомъ изобиліи на всѣхъ сосѣднихъ утесахъ. Негостепримная почва была неудобна для воздѣлыванія и даже прѣсную воду для питья приходилось доставлять съ материка.

Эта пустыня, надъ которой кружились только чайки, морскія ласточки и морскіе орлы, служила, вотъ уже нѣсколько недѣль, мѣстопребываніемъ юной четъ, спасшейся бѣгствомъ отъ своихъ преслѣдователей.

Двѣ комнаты, занятыя пріѣзжими, замѣняли супругамъ и спальни и пріемныя. Днемъ на открытомъ воздухѣ солнце немилосердно палило желтые известковые камни. Тѣни нигдѣ нельзя было найти, какъ только у дома да у подножія вертикально поднимавшагося утеса на южной оконечности острова, обсерваціоннаго пункта рыбаковъ.

Изъ произведеній рукъ человѣческихъ тутъ находились лишь небольшое святилище Посейдона, алтарь Изиды, большой, прочно и цѣлесообразно выстроенный александрійскими каменщиками домъ Пирруса и другой поменьше для женатыхъ сыновей вольноотпущенника съ ихъ семействами. Длинная деревянная рама съ развѣшанными для просушки сѣтями возвышалась на берегу. Близъ нея на сѣверѣ, въ открытомъ морѣ, была стоянка болѣе крупныхъ морскихъ барокъ, лодокъ и челноковъ, служившихъ для рыбной ловли. На устроенной тутъ же верфи Діоникъ, младшій неженатый сынъ Пирруса, строилъ новыя суда и починалъ старыя.

Его двое братьевъ, молчаливыхъ силачей, съ женами и дѣтьми, отецъ, Пиррусъ, мать и младшая шестнадцатилѣтняя сестра Діона, да нѣсколько собакъ, кошекъ и куръ составляли все населеніе Змѣинаго острова.

Въ такой обстановкѣ очутилась новобрачная чета, вы-

росшая въ столицѣ. Сначала молодымъ людямъ пришлось привыкать къ новымъ условіямъ жизни, но они старались мириться съ ними и уже давно признались другъ другу, что некогда еще не жили такъ спокойно и безмятежно, какъ здѣсь.

Въ первую недѣлю приходилось еще бороться съ лихорадкой Діона и лѣчить его рану, однако, предсказаніе Пирруса, что чистый, освѣжающій морской воздухъ поможетъ больному, оправдалось вполнѣ, а молодой новобрачной некогда было скучать во время ухода за раненымъ мужемъ. Такимъ образомъ, монотонные дни проходили для обоихъ незамѣтно.

Жена Пирруса, »мать«, какъ называли ее здѣсь всѣ, безъ исключенія, оказалась сверхъ того искусной лекаркою, а обѣ невѣстки и молоденькая Діона усердными и ловкими помощницами. У одра болѣзни мужа Барина подружилась съ ними. Чѣмъ молчаливѣе были въ этой семьѣ мужчины, боявшіеся проронить лишнее слово, тѣмъ охотнѣе болтали женщины, а, выросшей на островѣ, хорошенькой и любознательной Діонѣ доставляло особенное наслажденіе вести бесѣду.

Діонъ давно уже всталъ съ постели и выходилъ изъ дому, а между тѣмъ онъ все еще смотрѣлъ безконечно счастливымъ человѣкомъ, довольнымъ собою и своимъ мѣстопробываніемъ.

Въ первые дни въ лихорадочномъ бреду ему все представлялась покойная мать; съ озабоченнымъ видомъ и какъ будто желая предостеречь его, она указывала сыну на новобрачную. Эти порожденія больной фантазіи вспоминались теперь и выздоравливающему; основываясь на нихъ, онъ задавалъ себѣ вопросъ, перенесетъ ли Барина уединеніе на этомъ пустынномъ утесѣ, не утратитъ ли она здѣсь своей чарующей веселости, которая не переставала восхищать его. Барина легко могла затосковать въ глуши и заболѣть отъ неизбѣжныхъ лишеній.

Видя, что любовь замѣняетъ теперь ей все, составлявшее прелесть ея предшествующей жизни, Діонъ былъ счастливъ, но онъ не смѣлъ рассчитывать, что такъ пойдетъ и дальше; думать такъ было-бы, по его мнѣнію, величайшей самонадѣянностью. Однако новобрачный очевидно не зналъ настоящей цѣны или своей привлекательности, или любви

Барины, потому что съ каждой недѣлей ея веселое довольство окружающимъ становилось постояннѣе, какъ и прочія прелестныя свойства характера молодой женщины. Съ самимъ Діономъ происходило, пожалуй, тоже самое; давно уже не чувствовалъ онъ себя свѣжѣе, свободнѣе и беззаботнѣе. Только невозможность принимать участіе въ политической жизни города, въ эти тяжелыя времена, огорчала Діона и порой онъ тревожился мыслью о судьбѣ своего богатаго имущества, хотя порядочная часть его капиталовъ находилась въ рукахъ надежнаго банкира, такъ что онъ не рисковалъ остаться безъ средствъ даже въ случаѣ конфискаціи своихъ роскошныхъ домовъ, земель и прочей собственности. Барина сочувствовала всѣмъ заботамъ и опасеніямъ мужа, поэтому онъ сталъ нерѣдко толковать съ нею теперь о городскихъ и государственныхъ дѣлахъ, которыя не особенно интересовали ее раньше, а также о своихъ имѣніяхъ въ Александріи и въ провинціи. И какъ охотно и внимательно слушала она его, когда днемъ они выѣзжали вмѣстѣ покататься въ открытое море изъ сѣверной бухты острова, или въ длинные зимніе вечера, когда Барина плела рыбацки сѣти, искусство, которому она выучилась у маленькой Діоны.

Изъ города ей привезли ея лютию и какое наслажденіе доставляли пѣсни прелестной пѣвуньи мужу и ей самой, съ какою благодарностью слушали ее хозяева, отъ мала до велика!

На Змѣиный островъ были доставлены также и нѣкоторые книжные свитки, при чемъ Діону доставляло удовольствіе бесѣдовать съ Бариной объ ихъ содержаніи. Самъ онъ читалъ мало, потому что днемъ рѣдко оставался дома. Уже на четвертную недѣлю по прїѣздѣ сюда молодой человекъ былъ въ состояніи помогать мужчинамъ въ рыбной ловлѣ, а Діонику въ постройкѣ судовъ, довольный тѣмъ, что можетъ примѣнить къ чему нибудь полезному силу своихъ мускуловъ, закаленныхъ упражненіями въ палестрѣ.

При близкомъ, непрерывномъ и ничѣмъ не нарушаемомъ общеніи между новобрачными каждый изъ нихъ неожиданно открывалъ въ другомъ все новыя достоинства, которыя, можетъ быть, навсегда ускользнули-бы отъ него въ шумной городской суетѣ. Здѣсь-же каждый изъ супруговъ замѣнялъ для другого все на свѣтѣ и эта уединенная совмѣстная жизнь вдвоемъ вскорѣ заставила ихъ съ восторгомъ почув-

ствовать, какъ между ними крѣпнеть та тѣсная нравственная связь, которая обыкновенно является плодомъ только долгихъ лѣтъ счастливаго супружества и взаимной любви.

Конечно, бывали часы, когда Баринъ страстно хотѣлось повидаться съ матерью и другими близкими, но приходившія отъ времени до времени письма утѣшали ее въ разлукѣ съ ними.

Изъ благоразумной осторожности надо было ограничивать сношенія съ городомъ. Однако всякій разъ, когда Пиррусъ отправлялся на рынокъ, на островъ приходили посланія, которыя передавала старому вольноотпущеннику при распродажѣ рыбы въ гавани Анукисъ, служанка Хармионъ. Старикъ все болѣе и болѣе дружилъ съ нубіянкой, видя ея преданность своимъ господамъ.

Такимъ образомъ, настало время, когда Діонъ, не обманывая себя, могъ сказать, что Барина не тяготится одиночествомъ вдали отъ всякихъ развлеченій и что его любовь и близость замѣняютъ ей веселье и разнообразіе личной жизни. Ни какое письмо отъ матери, сестры или Хармионъ, отъ дѣда, Архибія или Горгіаса не могло заставить ее перейти отъ понятнаго желанія покинуть ихъ пустынное убѣжище къ жгучей тоскѣ по дому; напротивъ, каждое изъ нихъ давало только новую пищу бесѣдамъ между супругами и вмѣстѣ съ тѣмъ новый поводъ обоимъ почувствовать еще глубже, соединявшую ихъ, тѣсную связь.

На второй мѣсяцъ послѣ побѣга Діонъ съ Бариной получили письмо отъ Архибія, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ ихъ, что теперь они въ скоромъ времени могутъ подумать о возвращеніи домой, такъ какъ сиріецъ Алексасъ оказался коварнымъ предателемъ. Вмѣсто того, чтобы, согласно принятому имъ на себя порученію, склонить Ирода къ новому союзу съ Антоніемъ, онъ предательски покинулъ своего покровителя и перешелъ на службу къ іудейскому царю. Когда-же этотъ безсовѣтный человекъ позволилъ себѣ неслыханную дерзость явиться лично къ самому Октавиану съ предложеніемъ открыть ему за деньги государственныя тайны своихъ благодѣтелей, египетской царицы и ея супруга, то былъ взятъ подъ стражу и казненъ у себя на родинѣ въ Лаодикии.

Теперь, продолжалъ преданный другъ молодой четы, — у Клеопатры и Антонія открылись глаза на истинный ха-

рактёръ самаго важнаго изъ обвинителей Барины. Само собою разумѣется, что позорный поступокъ брата отозвался очень дурно и на положеніи Филострата, окончательно лишивъ его всякаго почета. Тѣмъ не менѣ Діону съ Бариной еще не слѣдуетъ торопиться оставлять свое безопасное убѣжище, такъ какъ Цезаріонъ, только что вступилъ въ союзъ эфебовъ, а Антилъ облекся въ тогу совершеннолѣтняго. Теперь они могутъ дѣйствовать и отъ себя, а что Цезаріонъ не отказался отъ преслѣдованія Барины, это можно было понять изъ нѣкоторыхъ его рѣчей.

За себя Діонъ ничего не страшился со стороны царственнаго юноши, но ради жены онъ не долженъ былъ пренебрегать предостереженіемъ стараго друга. Это было очень непріятно; хотя ему жилось хорошо на Змѣиномъ островѣ, но все-таки онъ желалъ поскорѣе ввести возлюбленную въ свой собственный домъ и кромѣ того Діона неудержимо влекло на засѣданія городского совѣта въ это критическое время. Онъ охотно вернулся бы въ городъ, но Барина убѣдительно просила мужа—не рисковать легкомысленно безмятежнымъ счастьемъ, которымъ они наслаждались здѣсь, ради того, чтобы получить большее, за которымъ скрывалось, пожалуй, самое жестокое бѣдствіе. Новое письмо Харміонъ вскорѣ подтвердило насколько имъ еще необходимо соблюдать благоразумную осторожность.

Что всю Александрію, включая сюда царскій дворъ, обуяла страсть къ шумнымъ удовольствіямъ, пышнымъ празднествамъ и излишествамъ всякаго рода, это было замѣтно даже съ уединеннаго острова. Когда вѣтеръ дулъ съ юга, онъ приносилъ отрывочные звуки громкой музыки или неясные клики самаго разнузданнаго веселья, самаго дикаго ликованья народныхъ массъ.

Молодая рыбацка Діона часто звала своихъ гостей на берегъ — полюбоваться разукрашенными со сказочною пышностью гондолами, которыя были обвиты цвѣточными гирляндами и скользили по морю подъ звуки лютней и пѣнія: то были увеселительныя поѣздки блестящаго двора Клеопатры и Антонія. Паруса изъ вышитаго пурпурнаго шелка несли эти легкіе челноки по свѣтлой глади моря. Однажды молодые люди разсмотрѣли даже въ числѣ прислуги одного изъ богато украшенныхъ золотомъ судовъ, юныхъ невольницъ съ распущенными волосами въ прозрачныхъ голубовато зе-

ленныхъ одеждахъ цвѣта морской волны; въ этомъ фантастическомъ костюмѣ перниды красавицы гребли раззолоченными, съ ручкою изъ легкаго сандалнаго дерева, веслами. Много разъ вѣтеръ приносилъ ароматы, струившіеся съ гондолъ, а въ тихія ночи красивыя суда скользили по зеркальной поверхности водъ, ярко иллюминированныя волшебнымъ свѣтомъ пестрыхъ фонариковъ. Катавшіеся гости были наряжены богами, богинями и героями; образуя живописныя группы, стоя и полулежа, они изображали передъ зрителями цѣлыя сцены изъ миеологіи и исторіи. На палубѣ великолѣпнаго корабля царицы знатные приглашенные въ вѣнкахъ возлежали на пурпурныхъ ложахъ подъ цвѣточными гирляндами, пируя и осушая золотыя кубки съ виномъ.

Въ другія ночи берегъ Брухіума былъ освѣщенъ какъ днемъ. Колоссальный куполь серапеума въ Ракотисѣ, унизанный лампами, точно спустившійся на землю сверкающій звѣздами небесный сводъ другого, меньшаго міра, возвышался надъ плоскими кровлями города. Каждый храмъ, каждый дворецъ превращался въ исполинскій канделябръ, а ряды разноцвѣтныхъ фонарей на набережной тянулись подобно пестрымъ ползучимъ растеніямъ отъ ослѣпительно иллюминированнаго мраморнаго храма Посейдона до дворца на Лохіасѣ, который весь утопалъ въ огняхъ.

Когда Пиррусъ или одинъ изъ его сыновей возвращались съ рынка, они рассказывали о празднествахъ и театральныя представленія, о пирахъ, скачкахъ и увеселительныхъ поѣздкахъ безъ конца, которые устраивалъ дворъ, не давая опомниться александрійцамъ.

То было хорошее время для рыбаковъ, потому что повара царицы закупали у нихъ всю пойманную рыбу и щедро платили за товаръ.

Наступилъ январь и вскорѣ изгнаиникамъ пришла новая вѣсточка отъ Харміонъ.

Діонъ съ Бариной въ день рожденія Клеопатры обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: въ городѣ не замѣчалось никакихъ особенныхъ празднествъ; за то въ день рожденія Антонія, приходившійся нѣсколькими числами позже, было довольно музыки и праздничнаго шума, а вечеромъ зазвглась особенно роскошная иллюминація.

Два дня спустя Пиррусъ получилъ письмо Харміонъ изъ рукъ своей темнокожей пріятельницы, Анукисъ.

На ея вопросъ, можно ли, наконецъ, тому или другому изъ близкихъ посѣтить изгнанниковъ, старикъ отвѣчалъ отрицательно, потому что съ тѣхъ поръ, какъ Октавіанъ прибылъ въ Азію, гавань кишела шпионами охранительной стражи и малѣйшая оплошность могла испортить все дѣло.

Письмо сестры Архибія еще болѣе, чѣмъ предостереженіе стараго рыбака, убѣдило Діона въ необходимости подавить на время свое пламенное желаніе поскорѣ вернуться домой.

Въ первыхъ его строкахъ заключались добрыя вѣсти о родныхъ Барины, но дальше наперсница Клеопатры сообщала Діону, что его дядя, хранитель печати, плаваетъ въ блаженствѣ. Болѣе, чѣмъ когда либо его изобрѣтательность творить чудеса. Каждый день приноситъ новый праздникъ, каждая ночь — новый пиръ. Театральныя представленія, прогулки, охоты слѣдуютъ непрерывнымъ чередомъ. Въ театрахъ, въ одеонѣ, въ гипподромѣ, даже до Акціума не бывало такихъ блестящихъ зрѣлищъ: бѣговъ, примѣрныхъ морскихъ сраженій, гладиаторскихъ боевъ и звѣриной травли. Прежде Діонъ и самъ участвовалъ въ увеселеніяхъ, близкаго ко двору, кружка, общества »неподражаемыхъ художниковъ жизни«; этотъ кружокъ ожилъ вновь, но Антоній далъ ему теперь названіе »сотоварищей смерти«.

Это было весьма знаменательно.

Каждый знаетъ, что дѣло идетъ къ концу и подражалъ тому фараону, который, получивъ предсказаніе оракула, что ему остается только шесть лѣтъ жизни, опровергъ его и сдѣлалъ изъ шести лѣтъ двѣнадцать, проводя ночи въ пиршествахъ.

Свиданіе царицы съ супругомъ, о чемъ Харміонъ сообщила раньше, вышло великолѣпно.

»Тогда«,— писала сестра Архибія, »мы надѣялись, что теперь настанутъ болѣе благородныя времена и Маркъ Антоній, увлеченный вновь пробудившейся любовью, проявитъ прежнюю геройскую силу подѣ влияніемъ возвышенныхъ чувствъ. Но мы горько ошиблись. Клеопатра, правда, не утомимо трудилась и хлопотала, но императоръ какъ будто подалъ знакъ своимъ чудовищнымъ букетомъ розъ, что теперь надо достигъ апогея всего, что только можетъ измыслить разгоряченная фантазія человѣка, преданнаго наслажденіямъ. »Сотоварищи смерти« оставили далеко позади себя всѣ затѣи неподражаемыхъ »художниковъ жизни«.

Антоній стоитъ во главѣ ихъ и ему, при его богатырскомъ сложеніи, которому ни по чемъ всякія излишества, удается опьянить себя удовольствіями и забыть, приближающійся, окончателный погромъ. Когда онъ приходитъ къ намъ, послѣ бурно проведенной ночи, его глаза блестятъ также ярко, а могучій голосъ также металлически звонко и свѣжъ, какъ и въ началѣ пира. Царица стала для него богиней и нельзя безъ волненія видѣть, какъ этотъ великанъ, покорно повинувась малѣйшему знаку своей нѣжной повелительницы, преклоняется передъ нею и придумываетъ невѣроятныя вещи на потѣху ей, чтобы получить въ награду улыбку съ устъ Клеопатры. Къ его возрасту не идетъ пылкое, порывистое ухаживаніе за любимой женщиною, понятное въ юности, но поклоненіе Антонія, которое эфебы, пожалуй, могутъ находить устарѣвшимъ, всегда наводитъ меня на мысль о могучей горной вершинѣ, преклоняющейся передъ звѣздою.

Постороннему, который видитъ Клеопатру въ его обществѣ, царица кажется счастливой.

Въ сказочномъ блескѣ праздничнаго украшенія, когда все окружающее боготворить ее, воздаетъ ей почести, рассыпаетъ передъ ней цвѣты, можно даже подумать, что къ намъ опять вернулись прежніе безоблачныя дни, но когда мы остаемся съ Клеопатрою наединѣ, я рѣдко вижу улыбку въ чертахъ повелительницы!

Тогда она снова начинаетъ хлопотать о своей гробницѣ— которая быстро растетъ подъ руководствомъ Горгіаса — и разсуждаетъ съ водчимъ, какъ-бы сдѣлать это сооруженіе болѣе неприступнымъ убѣжищемъ покоя.

Все, даже скульптурныя украшенія на камнѣ саркофага, назначаетъ она сама.

Кромѣ того устраиваются комнаты и кладовыя въ подвалахъ и подъ землею для склада ея сокровищъ. Подъ ними она велѣла провести подземные ходы для запасовъ смолы и соломы, которыя въ случаѣ крайности будутъ подожжены. Золото и серебро, драгоценныя камни и gems, рѣдкія благовонія, однимъ словомъ, всѣ сокровища, принадлежащія ей лично, Клеопатра хочетъ тогда предать огню.

Одни жемчужины царицы представляютъ стоимость многихъ царствъ. Кто можетъ упрекнуть ее въ томъ, что

она охотнѣе обрекаетъ ихъ на уничтоженіе, чѣмъ соглашается уступить врагу.

Тотъ садъ, Барина, гдѣ ты выросла, отданъ теперь въ распоряженіе близнецовъ и Александра и служить постояннымъ мѣстомъ ихъ веселыхъ игръ и свободной дѣятельности. Здѣсь они забавляются на просторѣ, строятъ и копаютъ землю подъ руководствомъ моего брата. Это премилыя, прекрасно одаренныя дѣти. Къ нимъ удаляется Клеопатра, когда жаждетъ покоя послѣ погони за наслажденіями, которыя не имѣютъ для нея больше цѣны.

Когда Антоній, третьяго дня, переодѣтый новымъ Дионисомъ, увѣнчанный плющемъ, ѣхалъ по Царской улицѣ въ золотой колесницѣ, запряженной ручными львами, чтобы взять ее, одѣтую новою Изидою, на прогулку въ экипажѣ, сдѣланномъ въ видѣ цвѣтка лотоса изъ серебра съ бѣлой эмалью и запряженномъ четверкою совершенно бѣлыхъ коней, она указала мнѣ, изъ дворца на Лохіастъ, на этотъ блестящій кортежъ со словами:

— Между тишиною сада философа, гдѣ я начала жить и гдѣ до сихъ поръ чувствую себя всего отраднѣе, и могилы, гдѣ ничто не нарушаетъ больше утраченного покоя, проходитъ Царская улица со своимъ ошеломляющимъ шумомъ и этою ничтожною пышностью. Она служитъ символомъ моего жизненнаго пути.

О, дитя, нѣкогда было совсѣмъ по другому! Клеопатра пылко и страстно любила Марка Антонія. Онъ былъ первымъ человѣкомъ въ мірѣ, а между тѣмъ подчинялся могуществу ея воли. Томленіе пробуждающагося сердца, жгучее честолюбіе, воспламенявшее еще душу ребенка, нашли полное удовлетвореніе, и цѣлый міръ лицедрѣлъ, какъ смертная женщина, Клеопатра, насыщала для своего возлюбленнаго и самой себя жалкую земную жизнь блаженствомъ безсмертныхъ боговъ. Съ благодарностью предавался онъ этому наслажденію и, великодушнѣйшій изъ великодушныхъ, положилъ къ стопамъ »царицы царей востока«
самого себя, могущество Рима и повелителей двухъ частей свѣта.

Какъ въ чаду пролетѣли для обоихъ тѣ года. Бракъ Антонія съ Октавіей послужилъ имъ первымъ пробужденіемъ. Оно было тяжело и мучительно. Но не ради женщины покинулъ Антоній Клеопатру, а ради того, чтобы удержать

за собою пошатнувшуюся власть и господство. Между тѣмъ нелюбимая Октавія принудила его смотрѣть на себя съ почтительнымъ удивленіемъ; мало того, она сдѣлалась ему дорога.

Жестокая война за Антонія и его сердце вспыхнула тогда между обѣими женщинами. Весьма различнымъ орудіемъ сражались онѣ—и Клеопатра побѣдила. Упоеніе, волшебный сонъ начались снова. Но тутъ грянулъ Актіумъ, отрезвляющее пробужденіе, паденіе съ высоты и позорное бѣгство отъ людей. Теперь слѣдовало не допускать Антонія снова забыться въ чадѣ наслажденій, но пробудить отъ сна мужество и силу героя, воспользоваться его любовью, чтобъ сдѣлать изъ него товарища въ борьбѣ за общее дѣло.

Однако онъ привыкъ видѣть въ Клеопатрѣ только источникъ сладостнаго упоенія. Единственное, чего еще желалъ Маркъ Антоній, это осушать въ союзѣ съ нею кубокъ наслажденій, пока придетъ конецъ всему. Она видитъ его цѣль и терзается ею. Царица пробуетъ все, чтобы пробудить его энергію, но какъ рѣдко находитъ онъ силы для серьезной дѣятельности.

Укрѣпляя устья Нила и границы Египта, строя корабль за кораблемъ для новаго флота, вооружаясь и ведя переговоры, она все-таки не можетъ устоять противъ него, когда Антоній призываетъ ее къ новымъ наслажденіямъ.

Хотя онъ потерялъ много преимуществъ, дѣлавшихъ его великимъ и достойнымъ любви, тѣмъ не менѣе Клеопатра не можетъ забыть своей прежней привязанности къ нему и остается ей вѣрна, какъ въ былые годы, потому что... потому что... я, право, не знаю, почему. Любящее женское сердце не подчиняется законамъ, не хочетъ знать основательныхъ причинъ. Во всякомъ случаѣ онъ отецъ ея дѣтей и въ играхъ съ ними возвращается къ своей прежней чарующей веселости.

Съ тѣхъ поръ, какъ при нихъ находится Архібій, они могутъ обойтись безъ своего воспитателя Эфроніона. Этотъ умный человѣкъ хорошо знаетъ Римъ, Октавіана и теперешній дворъ императора. По этой причинѣ его выбрали посланникомъ. Онъ долженъ былъ склонить побѣдителя къ тому, чтобы тотъ закрѣпилъ господство надъ Египтомъ за мальчиками—Антоніемъ-Геліосомъ и Александромъ; однако

Цезарь не удостоилъ уполномоченнаго никакого отвѣта и даже не принялъ его.

Клеопатрѣ Октавіанъ обѣщаль свою милость и готовъ осуществить ея желаніе относительно мальчиковъ, если она исполнить поставленное имъ раньше условіе—навсегда удалить съ дороги своего друга или выдать Антонія ему.

Такое требованіе, заключающее въ себѣ постыдное предательство, неисполнимо для ея благородной души. Съ тѣхъ поръ, какъ она рѣшила выстроить себѣ гробницу, подобная вещь сдѣлалась вполнѣ невѣроятной. А между тѣмъ Октавіанъ пустилъ въ ходъ рѣшительно все, чтобы склонить государыню къ такому позорному дѣянію. Дѣйствительно, смерть одного этого человѣка предотвратила бы страшное кровопролитіе. Цезарь умѣетъ выбирать людей. Сюда онъ послалъ для переговоровъ молодого человѣка, одареннаго замѣчательной красотою и умомъ. Къ какимъ только средствамъ не прибѣгалъ онъ, чтобы возстановить Клеопатру противъ супруга и склонить ее къ предательству. Онъ зашелъ такъ далеко, что принялся даже увѣрять царицу, будто бы она въ былые годы похитила сердце племянника Цезаря и онъ любитъ ее до сихъ поръ. Однако государыня поняла, чего стоятъ подобныя увѣренія, и не уступила.

Ея супругъ сначала смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣйствія интригана. Когда же онъ узналъ, какія хитрости пустилъ въ ходъ посредникъ императора и какъ онъ воспользовался давнишнимъ опрометчивымъ поступкомъ самого Антонія, чтобы заклеить его именемъ неблагодарнаго предателя—Антоній нѣкогда выдалъ одного изъ убійцъ Цезаря, въ чемъ жестоко раскаивался впоследствии,—то дѣло приняло крутой оборотъ. И другъ государыни не былъ бы самимъ собою, если бы молча снесъ такое оскорбленіе. Тутъ мы увидали передъ своими глазами прежняго Антонія, когда онъ, не взирая на неприкосновенность личности того, кто во всякомъ случаѣ былъ посланникомъ могущественнаго побѣдителя, распорядился безъ дальнихъ церемоній наказать кнутомъ сладкорѣчиваго дипломата и отослалъ его обратно въ Римъ, написавъ Октавіану письмо, въ которомъ жаловался на дерзость и наглость его уполномоченнаго, прибавляя—хотя у меня ужасно тяжело на сердцѣ, но я не могу безъ улыбки вспомнить объ этомъ!—что неудачи сдѣлали его самого крайне раздражительнымъ, если

же Октавіану, пожалуй, не понравится его образъ дѣйствій, то пусть Цезарь поступить точно также съ вольноотпущенникомъ Антоніа, Гиппархомъ, находящимся въ его власти, какъ онъ поступилъ съ Фирсомъ.

Вы видите, что императоръ остался прежнимъ веселымъ шутникомъ. Страніе скользить съ него, какъ дождь съ грубаго солдатскаго плаща, который онъ носилъ во время войны съ парянами, и потому не производитъ на супруга Клеопатры своего очищающаго дѣйствія.

Когда вспомнишь, что этотъ человѣкъ еще немного лѣтъ назадъ поражалъ всѣхъ своею геройскою отвагою, что величайшія опасности только удваивали его силы, то теперь его поведеніе—передъ роковой развязкой можетъ быть понятно только тѣмъ, кто знаетъ Антоніа, какъ мы. Если онъ еще продолжаетъ бороться, то не съ цѣлью спасти самого себя или даже побѣдить непріятеля, а чтобы только пасть съ честью. Если онъ еще наслаждается тѣмъ, чѣмъ можетъ насладиться, то единственно изъ желанія облегчить себѣ тяжесть пораженія и уменьшить величіе побѣды врага. По крайней мѣрѣ въ глазахъ свѣта тотъ, кто можетъ веселиться и пировать, подобно Антонію, побѣжденъ только наполовину. Тѣмъ не менѣе онъ утратилъ отчасти прежнее благородство характера. Выдача убійцы Цезаря—его зовутъ Туруллиемъ,—служить тому доказательствомъ.

И вотъ почему, Барина,—передай также это и твоему супругу—меня тревожитъ ваша участь и я убѣдительно прошу васъ не думать пока о возвращеніи домой.

Антоній сдѣлался теперь добрымъ товарищемъ своего сына, которому онъ позволяетъ принимать участіе во всѣхъ своихъ кутежахъ. Конечно, ему стала извѣстна страстная любовь къ тебѣ Цезаріона и отчимъ не прочь содѣйствовать планамъ бѣднаго малаго. Я не разъ слышала отъ него, что твоя очаровательная веселость только и способна вывести изъ апатіи юнаго мечтателя. А такъ какъ, по его словамъ, тебя едва-ли поглотила земля, то твои слѣды непременно отыщутся, тѣмъ болѣе, что императоръ и самъ съ удовольствіемъ послушалъ бы еще разъ твоего пѣвца.

Что онъ отыскиваетъ тебя, это я знаю.

Насколько при такихъ обстоятельствахъ необходима величайшая осторожность, нечего и толковать. Но для вашего успокоенія сообщу, что Клеопатра подумываетъ отправить

Цезаріона на островъ Фиду въ Эіопію съ его воспитателемъ Родономъ.

Архібій слышалъ отъ Тимагена, что Октавіанъ считаетъ опаснымъ для себя сына Цезаря изъ за его паразительнаго сходства съ отцомъ, а это грозитъ смертнымъ приговоромъ мальчику. Антилъ также скоро отправляется изъ Александріи. Юношу посылаютъ въ Азію, чтобы расположить Октавіана къ благосклонности и умиловить его новыми предложеніями. Вѣдь Антилъ, какъ вамъ извѣстно, былъ помолвленъ съ Юліей, дочерью императора.

Царица давно перестала рассчитывать на побѣду, но это не мѣшаетъ ей, однако, не смотря на всѣ затѣи «сотоварищей смерти» и ихъ отчаянное веселье, трудиться надъ обороной страны съ неутомимымъ усердіемъ. Вообще, она единственная изъ этой безшабашной компаніи, которая серьезно относится къ близкой гибели.

По мѣрѣ того, какъ вырастаетъ ея гробница, она много думаетъ о смерти. Клеопатра, научившаяся еще отъ Эпикура стремленію къ безболѣзненности и слишкомъ чувствительная къ малѣйшему тѣлесному страданію, изыскиваетъ путь, который, не причиняя боли, приводилъ бы къ вѣчному покою, составляющему теперь ея завѣтную мечту. Ирасъ и младшіе ученики Олимпія служатъ ей помощниками. Старикъ доставляетъ всевозможные яды. Съ ними производятся опыты надъ различными животными, а недавно для этой цѣли послужило даже нѣсколько преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти. Судя по всему, укушеніе змѣи Урсуса, олицетворяющей на египетской коронѣ быстроту власти повелителя надъ жизнью и смертью подданныхъ, быстрае и безболѣзненнае всего останавливаетъ біеніе сердца.

Какъ ужасно все это! Какъ тяжело видѣть существо, болѣе всѣхъ окруженное любовью, мать прелестнѣйшихъ дѣтей, которая такъ жестоко затрудняетъ себѣ прощанье съ жизнью, выбравъ смерть своимъ спутникомъ въ чаду шумныхъ удовольствій. Каждому изъ ея ужасовъ она ежедневно смотритъ въ лицо, а между тѣмъ съ гордымъ презрѣніемъ поворачивается спиной къ спасительному выходу, который, пожалуй, помогъ бы ей еще на много лѣтъ избѣжать страшной власти чудовища. Это—истинное величіе души; это достойно Клеопатры и никогда еще не питала я къ ней болѣе нѣжной привязанности.

И вы должны относиться къ царицѣ съ участіемъ. Она заслуживаетъ этого. Благородное сердце, сожалѣющее врага, охотно прощаетъ ему; а развѣ Клеопатра когда нибудь была для васъ настоящимъ врагомъ?

Долго, долго пишу я это письмо, желая облегчить твою отчужденность отъ свѣта и собственное изстрадавшееся сердце. Потерпите еще немного, не далеко то время, когда сама судьба выручитъ васъ изъ печальнаго изгнанія. Какъ часто твоимъ роднымъ, Барина, а также Архибію и Горгіасу, котораго я постоянно вижу теперь вблизи царицы, хочется навѣстить васъ, но они все еще боятся вамъ повредить своимъ посѣщеніемъ.

Все, что заключалось угрожающаго въ этомъ письмѣ, было подтверждено другимъ письмомъ, полученнымъ немного спустя отъ Архибія. Вскорѣ до изгнанниковъ дошла вѣсть, что Цезаріонъ, дѣйствительно, собирается отплыть вверхъ по теченію Нила въ Эіопію со своимъ воспитателемъ Родономъ, тогда какъ Антиль уѣхалъ въ Азію къ Октавіану. Тотъ хотя и принялъ его, но отпустилъ обратно, не связавъ себя никакими обѣщаніями.

Послѣднее извѣщеніе дошло до бѣглецовъ не черезъ письмо, а черезъ Горгіаса, поразившаго ихъ своимъ пріѣздомъ въ одинъ поздній мартовскій вечеръ.

Едва-ли какой нибудь гость былъ встрѣченъ съ болѣе искреннимъ радушіемъ. При входѣ зодчаго въ незатѣливо убранную комнату, Барина плела неводъ и рассказывала дочери рыбака, Діонъ, скитанія Улисса. Діонъ также слушалъ ее внимательно и съ веселымъ видомъ, вставляя отъ времени до времени свое словечко въ видѣ поправки или поясненія, причѣмъ его рука старательно вырѣзывала изъ дерева голову Посейдона, предназначенную украсить носъ недавно выстроенной барки.

Когда Горгіасъ неожиданно переступилъ порогъ, тусклый свѣтъ лампы, скудно освѣщавшей жилище рыбаковъ, какъ будто превратился въ солнечное сіяніе. Какою радостью заблестѣли у всѣхъ глаза, какъ звонко раздались пріѣтствія и возгласы изумленія! Вопросамъ, отвѣтамъ и рассказамъ не было конца. Горгіасъ долженъ былъ раздѣлить ужинъ семьи, ожидавшей только возвращенія отца, который и привезъ съ собою гостя. При этомъ свѣжія устрицы, лангусты и все остальное показались городскому жителю не-

сравненно вкуснѣе угощенья на самыхъ изысканныхъ пирахъ »сотоварищей смерти«, на которые царица часто приглашала теперь зодчаго.

Бесѣда Пирруса и его сыновей была вдобавокъ до того разумна и занимательна для Горгіаса по своей новизнѣ, такъ какъ она касалась мало извѣстныхъ ему предметовъ, что онъ былъ совершенно очарованъ, въ особенности, когда подали превосходное вино Діона. Молодой человѣкъ даже заявилъ, что не прочь переселиться на Змѣиный островъ въ изгнаніе, если Пиррусъ согласенъ принять его къ себѣ, и съ этой цѣлью онъ посмотритъ, нѣтъ ли у него враговъ въ Александріи, отъ которыхъ приходилось бы спастись бѣгствомъ.

Когда же Діонъ, Барина и Горгіасъ снова остались одни передъ простымъ глинянымъ кувшиномъ для разбавленнаго вина, одинокой молодой четъ показалось, будто бы лучшая часть городской жизни, которой они были лишены, нашла дорогу въ ихъ уединеніе. И какъ много приходилось имъ рассказывать другъ другу! Новобрачные описывали свою отшельническую жизнь, Горгіасъ говорилъ о Клеопатрѣ и ея гробницѣ, обращенной въ то же время въ сокровищницу. Прочно были сложены косыя стѣны, словно для того, чтобы просуществовать не одно тысячелѣтіе и выдержать сильное непріятельское нападеніе. Ядро нижняго этажа составляла высокая зала громаднхъ размѣровъ. Посреди нея должны были стоять большіе мраморные саркофаги. Теперь прилежно отдѣлывались рельефныя украшенія для ихъ боковъ и крышекъ. Эту центральную залу съ ея слегка куполообразнымъ потолкомъ, опирающимся на три пары крѣпкихъ колоннъ, царица желала обставить, какъ жилую комнату. Предназначенныя сюда кушетки, канделябры и жертвенные столы уже изготовляются руками искусныхъ мастеровъ. Харміонъ сообщила въ своемъ письмѣ бѣглецамъ истинную правду. Въ подземельяхъ по бокамъ залы и въ верхнемъ этажѣ, къ постройкѣ котораго будетъ приступлено послѣ окончательной отдѣлки потолка, Клеопатра въ самомъ дѣлѣ приказала устроить кладовыя, а подъ ними и рядомъ съ ними коридоры для провѣтриванія и склада горючихъ веществъ.

Горгіасъ ужасно сожалѣлъ, что не можетъ показать дровьямъ этой залы, которая была чуть ли не самымъ за-

мѣчательнымъ и роскошнымъ изъ всего, созданнаго имъ. На нее употребили благороднѣйшій строительный матеріаль: коричневый порфиръ, чернозеленый серпентинъ, темныя породы мрамора; что же касается мозаичныхъ украшеній и литыхъ металлическихъ дверей, которыя скоро будутъ готовы, то онѣ представляютъ дивные образцы александрійскаго искусства.

Сознавать, что все это обречено огню—ужасно, но еще ужаснѣе вспомнить о назначеніи великолѣпнаго мавзолея, сооруженнаго съ тѣмъ, чтобы въ недолгомъ времени послужить усыпальницей для Клеопатры.

И въ порывѣ восторга Горгіасъ пустился восхвалять эту величайшую и обворожительнѣйшую изъ женщинъ, пока Діонъ и тутъ по своему обыкновенію не остановилъ его пламенныхъ изліяній отрезвляющимъ словомъ, а Барина не стала спрашивать про свою мать, стараго дѣда, бабушку и сестру.

На счетъ ихъ зодчій могъ сообщить только одно хорошее. Хотя Горгіасу приходилось ежедневно воевать съ маститымъ философомъ, который совѣстился такъ долго оставаться со всѣмъ своимъ семействомъ и домохадцами у своего друга, говоря, что это значитъ злоупотреблять гостепріимствомъ, но побѣда все-таки до сихъ поръ оставалась за радушнымъ хозяиномъ даже и надъ госпожей Вереникой, желавшей переманить родныхъ къ себѣ въ домъ.

Клеопатра, рассказывалъ дальше архитекторъ, купила у Дидима садъ и развалины дома, заплативъ за нихъ тройную цѣну. Теперь дѣдъ Барины сдѣлался богатымъ человекомъ и поручилъ Горгіасу выстроить для него новый домъ. Участокъ земли для этой цѣли уже найденъ на морскомъ берегу, вблизи библіотеки, однако переселиться въ это новое, прочное и красивое жилище можно будетъ только лѣтомъ. При сухости воздуха въ Египтѣ было бы не трудно подвести зданіе подъ крышу и раньше, но при постройкѣ приходилось согласоваться со многими, въ большинствѣ случаевъ благоразумными желаніями Елены.

Тутъ Барина съ Діономъ многозначительно переглянулись, а молодой архитекторъ, замѣтивъ это, воскликнулъ:— Вашъ нѣмой языкъ достаточно понятенъ и я сознаю, что вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ Елена кажется мнѣ самой завидной невѣстой. Кромѣ того я вижу, что и самъ ей не

противенъ. Но между тѣмъ стоитъ мнѣ увидеть *ее*, т. е. царицу, и услышать ея голосъ, какъ всякая мысль объ Еленѣ уносится у меня изъ головы точно бурнымъ вихремъ, а при всей своей вѣтренности я не могу быть обманщикомъ, неискренность не въ моихъ правилахъ. Какъ я осмѣлюсь просить руки молодой дѣвушки, которую ставлю такъ высоко и которая, вдобавокъ, приходится тебѣ сестрой, Барина, если въ моей душѣ властвуетъ образъ другой женщины?

Тутъ Діонъ напомнилъ ему его же собственныя слова, что царицу можно любить, лишь какъ богиню, и, не дожидаясь отвѣта, перевелъ разговоръ на другой предметъ.

Прошло три часа пополуночи, когда Пиррусъ напомнилъ объ отъѣздѣ. Покуда самая быстроходная изъ лодокъ рыбака уносила зодчаго къ городу, онъ спрашивалъ себя, выходятъ ли изъ дѣвушекъ, жившихъ до брака въ полномъ уединеніи, подобно Еленѣ, лучшія и болѣе довольныя всякой участью хозяйки дома, чѣмъ пользовавшаяся такимъ успѣхомъ въ свѣтѣ Барина, которую Діонъ увезъ въ страшную глушь прямо изъ вихря столичныхъ развлеченій.

За этимъ превосходнымъ вечеромъ послѣдовалъ неприятный и тревожный день. Молодую чету пришлось скрыть отъ сборщиковъ податей, отобравшихъ у Пирруса въ пользу казны часть его денегъ, накопленныхъ въ послѣдніе годы, а также большую новую барку, на которой онъ ходилъ въ море во время прилива.

Вооруженія требовали большихъ суммъ; флотъ приходилось пополнять новыми судами и потому для него забирали все, что находили пригоднаго. Въ этомъ отношеніи старый рыбакъ терпѣлъ одинаковую участь со всѣми гражданами Александрии и жителями провинцій.

Даже сокровища храмовъ были конфискованы, а между тѣмъ всякій понималъ, что громадныя деньги, стекавшіяся въ государственную казну путемъ такихъ жестокихъ вымогательствъ, на столько же расточались дворомъ въ погонѣ за удовольствіями, на сколько шли на боевое вооруженіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Египта.

Однако и такая явная несправедливость не вызвала мятежа, до того сильна была въ народѣ любовь къ Клеопатрѣ, до того египтяне дорожили самостоятельностью своего государства и ненавидѣли рямянь.

На сколько серьезно царица занималась обороною страны, не смотря на непрерывныя развлеченія, отъ которыхъ она не всегда могла отказаться, это видѣли даже изгнанники со своего утеса; на всѣхъ верфяхъ кипѣла день и ночь лихорадочная дѣятельность и гавань наполнялась судами. Военные корабли безпрестанно сновали взадъ и впередъ. Со Змѣйнаго острова постоянно можно было наблюдать, даже при свѣтѣ ночныхъ звѣздъ, упражненія гребцовъ и цѣлыхъ эскадръ въ открытомъ морѣ.

Теперь иногда показывался также великолѣпный государственный корабль съ Антоніемъ на палубѣ. Императоръ производилъ смотры, быстро возникшему флоту, и обращался при этомъ къ вновь набраннымъ морякамъ съ воодушевляющими рѣчами, — искусство въ которомъ онъ до сихъ поръ почти не имѣлъ себѣ равнаго. Въ составъ экипажей, недавно достроенныхъ военныхъ судовъ вошло теперь и двое сыновей Пирруса. Въ апрѣлѣ ихъ потребовали на службу и хотя Діонъ далъ отцу большую сумму для выкупа молодыхъ людей, однако они не были освобождены отъ этой обязательной повинности.

Тутъ, дышавшій довольствомъ, трудолюбивый мірокъ на уединенномъ утесѣ былъ пораженъ горемъ и въ средѣ обитателей Змѣйнаго острова было пролито не мало слезъ.

Когда Діонихъ съ Діонисомъ, пользуясь свободнымъ днемъ, навѣщали родныхъ, они жаловались на жестокую торопливость, съ которой производилось обученіе рекрутъ, при чемъ суровое начальство не щадило ихъ силъ. Юноши рассказывали про сыновей горожанъ и земледѣльцевъ, оторванныхъ отъ своей деревни, родителей и занятій для поступленія въ морскую службу. Всеобщее недовольство доходило до крайнихъ предѣловъ и люди охотно слушали злонамѣренныхъ подстрекателей, рассказывавшихъ на сколько легка служба на корабляхъ Октавіана.

Пиррусъ заклиналъ сыновей остерегаться отъ всякаго участія въ попыткахъ бунтовщиковъ, но женщины напротивъ были готовы одобрить все, клонившееся къ освобожденію юношей отъ тяжелой службы, и ихъ бодрая веселость смѣнилась грустной озабоченностью.

Барина также стала неузнаваема. Она утратила свою веселую живость, сдѣлалась апатичной, глаза у ней часто наполнялись слезами и когда она прохаживалась, пону-

ривъ голову, было замѣтно, что ее удручаетъ тяжелая работа.

Ужь не апрѣльскій-ли зной съ его вѣтрами пустыни произвелъ въ ней такую перемѣну? Или молодой женщиной овладѣла, наконецъ, тоска по прежней жизни съ ея разнообразіемъ и пріятными волненіями? Стало-ли уединеніе въ глуши казаться избалованной красавицѣ невыносимымъ! Пожалуй, и любовь мужа не вознаграждала ее больше за потерю столькихъ благъ? Но нѣтъ, этого не могло быть, потому что никогда еще не смотрѣла Барина съ такою беззавѣтною нѣжностью въ лицо своего милаго, когда они сидѣли одни въ какомъ нибудь тѣнистомъ мѣстечкѣ среди невозмутимаго спокойствія. Несчастной или больной она также не была, потому что въ эти часы походила на олицетвореніе счастья и благополучія.

Діонъ напротивъ, съ утра до вечера держалъ голову такъ высоко и смотрѣлъ такъ гордо и самоувѣренно, какъ будто судьба была къ нему особенно благосклонна, а между тѣмъ до него дошли слухи, что на его имѣнія наложенъ арестъ и, лишь благодаря заступничеству Архібія и могуществу дяди, все состояніе изгнанника не было отобрано въ царскую казну, чему подверглось много другихъ богатей. Но какою-бы неудачу не перенесъ онъ шутя въ такое время!

Великое счастье, величайшее, какое только могутъ испослать человѣку небожители, расцвѣтало для Діона съ его молодой женой и въ маѣ женщины на островѣ были посвящены въ ихъ сладостную тайну.

Пиррусь привезъ съ собою изъ города жертвенный алтарь и мраморное изваяніе Илиѳи, богини рожденій, которую римляне называли Луциной. Эти дары передала рыбаку для Барины его пріятельница Анукисъ отъ имени своей госпожи, Харміонъ. При этомъ нубіянка снова перевела разговоръ на змѣй, водившихся, по слухамъ, въ большомъ количествѣ на сосѣднемъ островѣ, и на ея вопросъ, не трудно-ли изловить ихъ живыми, вольноотпущенникъ отвѣтилъ отрицательно.

Привезенная статуя и новый алтарь были поставлены рядомъ съ другими святынями и какъ усердно умащала Барина и прочія женщины жертвенный камень!

Діонъ обѣщалъ богинѣ, покровительницѣ беременныхъ,

соорудить и посвятить ей красивый маленькій храмъ на скалистомъ утесѣ и въ самомъ городѣ, если она будетъ благосклонна къ его милой молодой женѣ.

Когда въ июнѣ солнце немилосердно палило въ полуденные часы, рыбакъ привезъ однажды вечеромъ съ собою на утесистый островъ Елену, младшую внучку Дидима, и Хлорисъ, кормилицу Діона, которая была вѣрной помощницей еще его матери, а потомъ сдѣлалась надзирательницей надъ рабынями въ домѣ своего воспитанника.

Какъ радостно и съ какимъ чувствомъ благодарности протянула Барина сестрѣ свои объятія! Ихъ мать удержали отъ поѣздки сюда, только доказавъ ей, что ея исчезновеніе бросится въ глаза шпионамъ. А сыщики въ самомъ дѣлѣ не дремали, потому что Маркъ Антоній по прежнему приказывалъ разыскивать пѣвицу, тогда какъ стряпчій Филостратъ не бралъ обратно своего обѣщанія выдать два таланта награды за поимку Діона, немудрено, что тайные агенты полиціи не спускали глазъ съ дворца бѣжавшаго юноши и съ дома Вереники.

Молчаливой Еленѣ, казалось было труднѣе привыкнуть къ уединенію, чѣмъ ея несравненно болѣе живой сестрѣ. Хотя она всѣми способами выказывала свою любовь къ Баринѣ, но тѣмъ не менѣе часто погружалась въ задумчивость, а по вечерамъ, когда тѣни становились длиннѣе, молодая дѣвушка уходила на южный берегъ острова и смотрѣла оттуда на городъ, гдѣ престарѣлый дѣдъ и бабушка навѣрно скучали по ней, хотя имъ было очень хорошо въ домѣ Горгіаса. Восемь дней прошло съ ея пріѣзда сюда, а между тѣмъ жизнь въ глуши, повидимому, еще сильнѣе тяготила Елену, чѣмъ на первый и второй день пребыванія въ этой пустынѣ. Да и тоска по роднымъ должно быть усиливалась, потому что бѣдняжка даже въ самый разгаръ полуденнаго зноя уходила на берегъ, чтобы хоть бросить взглядъ на Александрію.

Ахъ, какъ она любила своихъ стариковъ!

Однако предположеніе Діона, что виновникомъ молчаливыхъ слезъ, съ которыми Елена вернулась сегодня въ сумерки домой, былъ болѣе юный житель столицы, не приминуло подтвердиться вопреки сердитымъ опроверженіямъ его жены. По крайней мѣрѣ, немного спустя передъ домомъ слышались звонкіе голоса и, когда вдобавокъ раздался

басистый задушевный смѣхъ, Діонъ вскочилъ съ мѣста и воскликнулъ, обращаясь къ Баринѣ:

— Я угадалъ; такъ смѣется только Горгіасъ, когда съ нимъ происходитъ что нибудь особенное.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ дому и осмотрѣлся, однако, вокругъ не видно было ничего, кромѣ луннаго сіянія и фигуры почтеннаго Пирруса, шагавшаго обратно къ мѣсту стоянки судовъ.

Но тонкій слухъ Діона уловилъ тихіе голоса по другую сторону жилища рыбаковъ. Онъ немедленно пошелъ туда, а когда завернулъ за уголъ, то остановился въ изумленіи и воскликнулъ, услышавъ легкій крикъ испуга прямо передъ собою:

— Добраго вечера, Горгіасъ! Впрочемъ, мы поздравляемся послѣ! Я не хочу служить помѣхою.

Быстрыми шагами вернулся онъ къ Баринѣ и лишь только шепнулъ ей тихонько на ухо:

— Подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ мѣсяца, я увидѣлъ, какъ Елена позабываетъ свою тоску по старикамъ на груди у Горгіаса.

Она захлопала въ ладоши и съ улыбкою сказала:

— Вотъ какъ мы отвыкли въ этомъ захолустьѣ отъ приемовъ порядочнаго общества! Виданное-ли это дѣло мѣшать влюбленной парочкѣ при первой встрѣчѣ! Впрочемъ, Горгіасъ поступилъ съ нами точно также въ самой Александріи и теперь пускай твоя нескромность послужитъ ему въ отместку.

Вскорѣ послѣ того зодчій вошелъ въ комнату подъ руку съ невѣстою. Разлука съ Еленою становилась для него съ часу на часъ тяжелѣе, а на восьмой день онъ нашелъ просто невозможнымъ влечить безъ нея бремя жизни. Теперь молодой человѣкъ утверждалъ, что онъ можетъ съ чистой совѣстью просить руки любимой дѣвушки у матери и почтенныхъ стариковъ, такъ какъ еще на третій день по отъѣздѣ Елены его отношенія къ Клеопатрѣ приняли иной оборотъ. Теперь въ присутствіи царицы образъ отсутствующей внучки Дидима всталъ передъ нимъ еще ярче, чѣмъ прежде лицомъ къ лицу съ Еленою образъ, во всякомъ случаѣ, несравненной государыни. Вдобавокъ о такой любовной тоскѣ, какая напала на него въ послѣдніе дни, онъ зналъ до сихъ поръ только изъ поэтическихъ произведеній.

Продолженіе слѣдуетъ

ЧУТКІЙ ПИСАТЕЛЬ

Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера (А. Михайлова). Томъ I—IX. Спб. 1894. Цѣна за все изданіе въ 15 томахъ 25 р. Изданіе А. С. Суворина.

При чтеніи отчетовъ провинціальныхъ бібліотекъ, поражаетъ фактъ популярности сочиненій А. К. Михайлова. Его романы читаются положительно больше, чѣмъ романы любого русскаго писателя, не исключая Тургенева, гр. Л. Н. Толстого, Гончарова, Писемскаго.. А. Михайловъ любимый писатель русской молодежи; по его произведеніямъ впервые знакомится она съ жизнью и готовится къ ней.

Подобно многимъ крупнымъ беллетристамъ, г. Михайловъ началъ со стиховъ. Его стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, отличаются превосходною формою—и главное теплою, честною мыслью. Въ нихъ воспѣвается честный, здоровый трудъ, товарищество въ работѣ, благородное стремленіе къ независимости. Изъ иностранныхъ поэтовъ г. Михайловъ выбиралъ для перевода такихъ какъ Пфау, Прутцъ, Шульцъ, Гюго, Фрейлигратъ, Петѣфи, которые думали одинаково съ ихъ переводчикомъ и выражали тѣ же мысли, только на другомъ языкѣ. Въ стихотвореніяхъ г. Михайлова много свѣжести, бодрости,—они отличаются трезвымъ отношеніемъ къ жизни — безъ прикрасъ, но и безъ нытья. Еслибы г. Михайловъ не писалъ ничего, кромѣ этихъ своихъ стиховъ, онъ и тогда былъ бы уже замѣтною величиною въ русской литературѣ. Теперь же — слава его большихъ романовъ не мало затмила его поэтическую славу, и г. Михайловъ знаменитъ, какъ прозаическій писатель.

Наша молодежь любитъ и цѣнитъ его именно за большіе прозаическіе романы. Въ этихъ романахъ всего полнѣе выразились его глубоко трезвые, честные взгляды на вещи; взгляды, къ которымъ такъ идетъ прозаическая форма выраженія. Въѣдъ наша жизнь едва ли не вся состоитъ изъ прозы... И кажется, романы г. Михайлова уже по внѣшности своей гармо-

нируютъ съ этою прозою. Кто хочетъ узнать сущность будничной жизни, тотъ можетъ смѣло братья за сочиненія нашего автора. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется его необыкновенная популярность у молодежи.

Не будетъ ошибкою сказать, что большинство образованныхъ людей знакомится съ жизнью по книгамъ. Въ молодые годы они такъ уединены, такъ удалены отъ жизни, — сперва дома, потомъ въ школь, что почти не могутъ имѣть о ней непосредственное понятіе. Они знаютъ только свой уголокъ, свою квартиру, близкихъ родственниковъ, учителей, товарищей... Что дѣлается за предѣлами этого тѣснаго кружка, что ожидаетъ въ жизни, есть ли какія либо другія условія поведения, кромѣ знакомыхъ имъ съ дѣтства — все это для нихъ такая же глубокая тайна какъ то, есть ли жители на другихъ планетахъ. Проникнуть въ эту тайну очень интересно. Къ концу отрочества накопляется еще масса разныхъ принципиальныхъ вопросовъ о нравственности, о цѣли дальнѣйшей жизни, о справедливости существующихъ явленій, — и рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ молодежь обыкновенно ищетъ въ книгахъ. Романы г. Михайлова какъ будто нарочно написаны для интересующихся такими предметами: они даютъ на всѣ идейные запросы этого рода — отвѣты, изложенные въ самой изящной беллетристической формѣ.

По содержанию своему романы г. Михайлова — исторія жизни людей, принадлежащихъ къ нашему интеллигентному классу въ пятидесятыхъ — семидесятыхъ годахъ этого столѣтія. Герои романовъ — большей частью дѣти зажиточныхъ мѣщанъ или небогатыхъ дворянъ. На глазахъ читателя они рождаются, растутъ и достигаютъ того возраста, въ которомъ могутъ уже выступать дѣятелями. Г. Михайловъ не даетъ такихъ эпизодическихъ романовъ, къ какимъ приучили насъ Тургеневъ и Достоевскій. У послѣднихъ иногда цѣлый романъ происходитъ въ теченіи двухъ — трехъ мѣсяцевъ и даже меньше. Эти писатели изображали въ своихъ романахъ лишь необычайную праздничную сторону жизни, ея поэзію — любовь, или другія крупныя событія, въ нѣсколько часовъ мѣнявшія весь характеръ героя, весь строй его жизни. Г. Михайловъ изображаетъ будничную жизнь, прозу жизни. Онъ любитъ описывать исторію развитія характера героя, слагавшагося подъ вліяніемъ мелкихъ событій въ теченіи всего его дѣтства и юности („Гнилыя болота“, „Жизнь Шупова“, „Въ разбродѣ“ и др.) или, по крайней мѣрѣ, въ теченіи долгихъ лѣтъ прозаической, обыденной жизни, мало по малу притупляющей или закаляющей человѣка („Алчущіе“). Особенно любитъ г. Михайловъ героевъ въ томъ возрастѣ, когда отрокъ готовъ уже обратиться въ мужа и умственно

вполнѣ уже развитъ, но не испыталъ еще чувства любви къ женщинѣ, которое должно окончательно довершить развитіе. Въ этомъ возрастѣ молодежь рѣшаетъ для себя вопросы нравственности на всю жизнь, выбираетъ себѣ идеалы, которыми руководствуется впослѣдствіи, и готовится къ жизни. Въ этомъ возрастѣ находится и нѣкоторая часть читателей г. Михайлова. То обстоятельство, что время дѣйствія романовъ г. Михайлова происходитъ въ пятидесятихъ—семидесятихъ годахъ еще усиливаетъ впечатлѣніе молодости и свѣжести его романовъ. Въ эти годы сама Россія готовилась къ обновленію, вырабатывала себѣ взгляды; само наше общество было въ томъ юношескомъ возрастѣ, въ какомъ находится большинство героевъ г. Михайлова. Характерно, что нашъ авторъ гораздо болѣе интересуется героями, чѣмъ героинями. Развитіе мужчины, вообще, идетъ сложнѣе и полнѣе, чѣмъ развитіе женщины. Женщинамъ часто приходится доразвиваться, уже выйдя замужъ—что нѣсколько поздно для жизни. Потому естественно, что романы г. Михайлова занимаютъ гораздо больше развитіемъ юношей, и только въ романахъ, посвященныхъ уже концу семидесятихъ годовъ, когда вопросъ о женской эмансипаціи былъ въ полномъ ходу, (вродѣ „Алчущихъ“) есть характеристика такого же развитія женскаго. Но — и въ данномъ случаѣ, героиня „Алчущихъ“ нѣсколько запоздала съ нимъ. Она образовывалась въ возрастѣ отъ шестнадцати до двадцатипяти лѣтъ. Юноши переживаютъ свое развитіе въ возрастѣ отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ. Помимо этихъ причинъ предпочтенія героевъ передъ героинями, зависящихъ отъ возраста большинства ихъ, у г. Михайлова, его романы, вообще, занимаютъ преимущественно мужчинами. Даже отцы въ его произведеніяхъ играютъ болѣе важныя роли, чѣмъ матери. Хотя главный герой въ романахъ г. Михайлова обыкновенно отроческаго возраста, остальные дѣйствующія лица его романовъ могутъ быть всѣхъ возможныхъ лѣтъ: особенно много у г. Михайлова стариковъ и старухъ. Но всѣ эти лица рассматриваются по отношенію къ главному герою, и потому всего менѣе, въ романахъ г. Михайлова, лицъ, какъ выражаются статистики, брачнаго возраста. Этотъ возрастъ наиболѣе занятъ своими личными дѣлами и, по крайней мѣрѣ, самыми существенными сторонами своей жизни рѣдко сталкивается съ дѣтьми.

Описанія жизни въ романахъ г. Михайлова рѣзко отличаются отъ описаній ея въ романахъ нашихъ бытописателей, шеголы Гоголя. Не внѣшнія подробности, не нравы, не обстановка — но внутреннее содержаніе жизни всего болѣе интересуетъ г. Михайлова. Обстановка и нравы играютъ только второстепенное значеніе въ его произведеніяхъ, хотя и имъ

нерѣдко бываетъ посвящено много превосходныхъ страницъ. Таковы, напримѣръ, страницы, посвященныя описанію гимназическихъ и пансіонскихъ порядковъ въ „Гнилыхъ болотахъ“ и „Жизни Шупова“ и нѣкоторыя другія. Но и эти описанія нравовъ являются только поводомъ поговорить объ общихъ вопросахъ: о значеніи товарищества въ школѣ и жизни, о вредѣ подчиняться мнѣнію толпы и необходимости искать общества избранныхъ, болѣе идеальныхъ натуръ и т. п. Внѣшнія условія жизни проводятся въ романахъ г. Михайлова съ единственною цѣлью отмѣтить вліяніе ихъ на жизнь и на образованіе характера героя, а не сами по себѣ. Его романы такія же исторіи внутренней жизни, какъ и романы Диккенса, съ которыми у русскаго писателя чрезвычайно много общаго. Можно сказать, что романы г. Михайлова построены по одному плану съ диккенсовскими. Въ герояхъ г. Михайлова можно найти много похожаго на героевъ англійскаго романиста. Вотчимы и мачихи, строгіе наставники и злые товарищи по гимназіи у г. Михайлова въ сущности только, взятые изъ русской жизни, портреты лицъ, созданныхъ по вѣчнымъ отрицательнымъ типамъ Диккенса. Это не мѣшаетъ, однако, г. Михайлову быть вполне оригинальнымъ и вполне русскимъ писателемъ. Онъ только находилъ въ русской жизни общечеловѣческіе типы, облеченные въ англійскую плоть и кровь у Диккенса. Типъ англійскаго писателя давалъ случай русскому писать мастерскіе портреты на тѣ же темы, но изъ русской жизни. Съ Диккенсомъ сближаетъ г. Михайлова также и необыкновенная чистота его воображенія и любовь къ дѣтямъ. Дѣтская психологія, дѣтское горе и дѣтскія страданія—любимыя темы г. Михайлова. Онъ отлично понимаетъ дѣтскую природу, глубоко сочувствуетъ дѣтямъ и въ то же время нисколько ихъ не идеализируетъ. Эта любовь къ дѣтямъ выразилась и въ томъ, что героями очень многихъ романовъ г. Михайлова являются дѣти, и особенно въ томъ, что г. Михайловъ не упускаетъ случая поговорить о правахъ дѣтей, выставить передъ читателемъ чуткость и впечатлительность ихъ природы, заслуживающія болѣе бережнаго обращенія чѣмъ то, какое было въ нашихъ школахъ въ пятидесятыхъ годахъ, да пожалуй, сохранилось и до сихъ поръ. Г. Михайловъ, помимо романовъ, посвятилъ цѣлую книгу вопросамъ воспитанія дѣтей, въ изложеніи которыхъ высказалъ много гуманнѣхъ, теплыхъ трезвыхъ взглядовъ.

Описывая жизнь, г. Михайловъ не столько работаетъ о томъ, чтобы представить ее, какова она есть, безъ всякихъ выводовъ, сколько о томъ, чтобы читатель извлекъ изъ его романовъ знаніе жизни. Романы г. Михайлова предназначены замѣнить отчасти жизненный опытъ. Изъ того, какъ герой ро-

мана поступаетъ въ томъ, или другомъ случаѣ, юный читатель можетъ извлечь пользу и для себя — событіе не только описывается, но и истолковывается романистомъ.

Жизнь не представляется г. Михайлову въ розовомъ свѣтѣ, и онъ не рекомендуетъ смотрѣть на нее сквозь розовыя стекла и читателю. Тѣмъ не менѣе, при всей своей трезвости, взгляды автора — бодрые и юные. Онъ вѣритъ въ возможность прогресса, въ возможность лучшаго и вѣритъ въ плодотворность борьбы во имя этого лучшаго. Г. Михайловъ ни сколько не пессимистъ. Онъ учитъ своихъ читателей находить отраду въ борьбѣ за лучшее, учитъ видѣть счастье жизни въ трудѣ, не искать себѣ непременно „великаго дѣла“, пренебрегая малымъ, и постоянно показываетъ, какими путями люди, не лишены даже злыхъ наклонностей отъ природы, могутъ совершенствоваться и находить полезное дѣло вокругъ себя. Герой „Гнилыхъ болотъ“, хотя порой и выказываетъ себя злымъ, тщеславнымъ, грубымъ мальчикомъ, въ концѣ концовъ, внимательно слѣдя за своимъ развитіемъ, работая надъ своимъ образованіемъ, еще въ школѣ дѣлается полезнымъ своимъ младшимъ товарищамъ и вызываетъ въ читателѣ глубочайшія симпатіи. Основными жизненными идеалами г. Михайлова являются — трудъ, бодрость и снисходительность къ ближнимъ. Особенно ненавидитъ онъ бѣлоручеѣ, падающихъ духомъ, заносчивыхъ и гордыхъ. Трезво смотря на жизнь, г. Михайловъ учитъ своихъ читателей не дорожить тлѣнными ея дарами — богатствомъ, извѣстностью, но искать истинныхъ сокровищъ въ дружбѣ, въ семейственныхъ отношеніяхъ. Контрастъ романовъ „Гнилыя болота“ и „Въ разбродѣ“ долженъ наглядно показать, какъ сильны бываютъ семьи, въ которыхъ хранится прочная связь между старшими и младшими членами. Однимъ изъ главныхъ бѣдствій и несчастій нашей жизни признается разладъ, и расколъ между молодымъ и старымъ поколѣніемъ. Въ „Жизни Шупова“, въ „Алчущихъ“ и во многихъ другихъ романахъ, г. Михайловъ подолгу останавливается на вопросѣ о семейныхъ преданіяхъ и традиціяхъ, очень тонко различаетъ тѣ случаи, когда эти традиціи являются пустымъ аристократическимъ чванствомъ отъ тѣхъ, когда они основаны на живомъ чувствѣ. И поскольку г. Михайловъ презираетъ первыя, настолько же справедливо видитъ онъ во вторыхъ единственное средство навсегда окружить себя теплою нравственною атмосферой, въ которой только и могутъ расцвѣтать лучшіе и благоуханнѣйшіе цвѣтки любви и добродѣтели.

Нравственные идеалы нѣкоторыхъ героев романовъ г. Михайлова, не могутъ похвалиться особою возвышенностію. Это — теорія разумнаго эгоизма, поклоненія полезному, которая вы-

думана была еще Спинозой и была особенно в ходу в пятидесятых и шестидесятых годах в нашей литературе. Она учит преследовать в своей жизни только то, что выгодно для себя. Но при этом, путем размышлений и тонких соображений, доказывалось, что всякая подлость, нечестность, лицемерие, ложь — невыгодны; полезна же добродетель, и что истинно развитой эгоист непременно будет добродетельным. Холодность такой теории этих героев бросается в глаза. Болле страстные, артистические натуры из-за одной этой теории часто с презрением отворачиваются от всей русской литературы шестидесятых годов и ее реалистических стремлений — до того несимпатичным кажется им доказательство необходимости честности на эгоистических началах. Но не следует забывать, что романы г. Михайлова предназначены не для артистических натур, а для широкого круга нашей молодежи с неустановившимися еще нравственными воззрениями и что теория разумного эгоизма является в таких случаях самую удобную. Это во всяком случае нравственная теория; сверх того, она требует постоянного размышления над нравственными вопросами, и самые размышления над ними человека, способного к дальнейшему нравственному развитию, неизбежно приведут современем к отрицанию этой теории и к замене ее другою, болле чистой.

В большую заслугу г. Михайлову следует поставить его терпимость к чужим мнениям и к чужим слабостям. Молодежь живет и чувствует слишком прямолинейно, и часто напрасно расшибает себя лоб, воображая, что творит нечто архиблагородное. Г. Михайлов, посвящая ее в жизнь, учит ее прощать некоторые людские слабости за хорошие черты; учит гуманности, с другой стороны — он учит примиряться с условиями жизни, не входя с нею в компромиссы. Так, г. Михайлов заставляет героя и читателей прощать капитану Хлопко из романа „В разброд“ его слабость к дамскому полу за его в общем цѣльную и благородную натуру, а в „Гнилых болотах“ учитель словесности Носовичъ, цѣной незаслуженных комплиментов директору, дѣлает возможным устройство очень полезных для младших учеников занятий с ними старших — это умнее поступать в жизни не прямо, но вполне благородно, является одним из самых трудно дающихся, и значение его хорошо понято г. Михайловым.

Что касается художественной стороны сочинений нашего писателя, то он не обладает очень крупным художественным талантом. Но ум, начитанность и образованность г. Михайлова вполне возмещают этот недостаток его высокосимпатичного

таланта. Романы г. Михайлова всегда отличаются соразмѣрностию своихъ частей, выдержанностию характера героя — они всегда хорошо и съ интересомъ читаются. Когда романисту не приходится художественно нарисовать сцену, онъ пускаетъ въ ходъ разсужденія. Г. Михайловъ искуснѣйшій популяризаторъ. Сложнѣйшія теоріи въ его изложеніи поражаютъ простотою и удобопонятностию. Простой и очень ясный слогъ позволяетъ ему порой вставлять въ описанія романовъ цѣлыя уроки словесности, практической философіи, передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ — и все это безъ малѣйшаго ущерба для интереса читателя. Умѣнье пользоваться готовыми формами у г. Михайлова поразительно. Описанія диккенсовскихъ школьныхъ типовъ послужили ему прекраснымъ образцомъ такихъ же русскихъ. Взявши готовые формы, онъ необыкновенно искусно влилъ въ нихъ новое содержаніе, и получилась яркая, живая картина. Постоянная работа г. Михайлова надъ формою повела къ тому, что талантъ его не только не ослабѣлъ съ 1863 года, когда онъ впервые выступилъ на литературномъ поприщѣ, но даже окрѣпъ, и въ послѣднихъ произведеніяхъ г. Михайлова даже описанія любви, вообще не всегда ему удающіяся, стали выходить лучше и живненнѣе.

Любимая форма г. Михайлова — это, какъ уже было сказано, большіе романы. Маленькіе разсказы, которые онъ писалъ, иногда являются скорѣе вспомогательными эскизами для этихъ романовъ. Очень часто его меньшіе разсказы впоследствии, въ совершенно переработанномъ видѣ, являются отдѣльными эпизодами въ большомъ романѣ.

Значеніе г. Михайлова въ нашей литературѣ — огромно. Какъ художникъ, онъ является блестящимъ примѣромъ хорошаго и умѣлаго употребленія своего таланта. Немногіе писатели, обладающіе даже болѣе крупнымъ художественнымъ даромъ, могутъ похвалиться тѣмъ, что романы ихъ будутъ читаться съ такимъ неослабѣвающимъ интересомъ. Г. Михайловъ всегда умѣетъ отгнать въ своихъ произведеніяхъ существенную, внутреннюю мысль, поддержать ее фактами и разсужденіями, причемъ собственная житейская опытность, наблюдательный умъ и главное образованность, позволявшая ему выступать и съ серьезными сочиненіями, помогаютъ художественности, и въ цѣломъ романъ производитъ необыкновенно глубокое впечатлѣніе на читателя.

Другое значеніе г. Михайлова — значеніе учителя жизни. По его сочиненіямъ молодежь узнаетъ не только, какова она въ дѣйствительности, но и получаетъ богатый запасъ нравственныхъ идеаловъ, не переставая при этомъ трезво смотрѣть на жизнь. Г. Михайловъ интересуется интеллигентной жизнью

и учить именно этой жизни. Это не безстрастный натуралистъ, смотрящій на своего героя, какъ на особую породу животнаго, а на читателя, какъ на любопытнаго зрителя, занимающагося прежде и больше всего скабрзными сценами. Г. Михайловъ гражданинъ и своихъ героевъ онъ оцѣниваетъ прежде всего съ общественной точки зрѣнія. Въ читателѣ своемъ онъ хочетъ будить общественныя стороны; хочетъ, чтобы тотъ сквозь стекло его романовъ не только наблюдалъ жизнь, но и поучался ей. И такъ какъ самъ г. Михайловъ на жизнь смотритъ трезво, но безъ унынія, и бодро, то и читатель, воспитавшійся на его романахъ, будетъ искать въ своей жизни честнаго труда на пользу общества. И популярность писателя, который проповѣдуетъ гуманность, трудолюбіе и честность не только вполне понятное, но и необыкновенно отрадное явленіе.

Пл. Красновъ

За границей

Новости науки, литературы, искусствъ и общественной жизни

Дѣйствіе искусственнаго холода на фосфоресценцію и свѣточувствительность тѣлъ. — Микробы-фотографы. — Обь усыновленіи птицами чужихъ яицъ. — Новыя полярныя экспедиціи. — Опыты Роша надъ лицами, видящими въ темнотѣ свѣтотыя излученія. — Китайцы — отгравители и цивилизаторы Америки. — Переживаніе нравовъ и обычаевъ. — Современная нищета. — Нью-іоркская богема. — Способы постройки гигантскихъ домовъ въ Чикаго. — Новости иностранной журналистики.

Въ послѣднее время наука овладѣла сравнительно легкимъ и доступнымъ способомъ искусственнаго охлажденія, до такихъ температуръ, которыя въ прежнее время казались недостижимыми. Такъ, знаменитый женеvскій физикъ Пикте и американскій физикъ Дьюоръ, замораживая кислородъ и воздухъ, понижали температуру той среды, гдѣ производились опыты до 200 градусовъ ниже нуля и даже еще далѣе. Множество любопытнѣйшихъ опытовъ уже было произведено надъ этими температурами. Пикте испытывалъ ихъ дѣйствіе надъ сѣменами и растеніями, надъ животными разныхъ классовъ и породъ. Другіе ученые наблюдали дѣйствіе низкихъ температуръ на физическія свойства тѣлъ, на химическіе процессы. Въ послѣднее время Дьюоръ занялся изученіемъ вліянія, оказываемаго низкими температурами на фосфоресценцію и фотографическое дѣйствіе свѣта. Подъ названіями флуоресценціи и фосфоресценціи извѣстно въ сущности одно и то же, еще мало разъясненное явленіе, именно, способность разныхъ низшихъ животныхъ и растеній, разлагающихся тѣлъ и нѣкоторыхъ химическихъ соединений, испускать свѣтъ, происхожденіе котораго остается темнымъ. Флуоресценція — это вспышка таковаго свѣта, а фосфоресценція болѣе продолжительное свѣщеніе. Классическимъ примѣромъ флуоресценціи можетъ служить вспыхиваніе нѣжнаго бѣлесватаго свѣта въ растворѣ сѣрнокислаго хинина. Сдѣлано предположеніе, что этотъ растворъ погло-

щаетъ свѣтъ изъ внѣшней среды своими верхними слоями; этотъ свѣтъ, проходя сквозь толщу раствора, измѣняетъ свою преломляемость, и въ эти моменты оказываетъ впечатлѣніе на глазъ, является въ видѣ вспышки. Фосфоресценція наглядно проявляется при медленномъ окисленіи фосфора, отъ котораго она получила и свое названіе. Фосфоръ, если предохранить его отъ быстрого воспламененія, напр., слоемъ воды, начинаетъ медленно притягивать кислородъ изъ воздуха и при этомъ свѣтится особеннымъ, блѣднымъ, очень характеристическимъ свѣтомъ. Всѣмъ и каждому случалось наблюдать свѣтящіяся въ темнотѣ гнилушки, свѣтящихся червячковъ, наконецъ, многіе обладаютъ самосвѣтящимися спичечницами, подсвѣчниками, часами и т. п., на нѣкоторыхъ наводится слой сѣрнистаго кальція, обладающаго фосфоресцирующимъ свойствомъ, такимъ же свойствомъ отличаются и сѣрнистыя соединенія другихъ щелочноземельныхъ металловъ, т. е. стронція и барія. Если эти вещества запахать въ стеклянную трубочку, потомъ выставить на яркій солнечный свѣтъ, то они какъ бы пропитываются этимъ свѣтомъ и потомъ очень долго испускаютъ его въ темнотѣ. Профессору Дьюору удалось въ значительной мѣрѣ увеличить списокъ самосвѣтящихся веществъ; такъ, напр., онъ показалъ, что даже воздухъ и кислородъ приобрѣтаютъ эту способность, если черезъ нихъ пропускать электрическіе разряды и въ то же время съ большою быстротою прогонять сквозь трубки, въ которыхъ произведена воздушнымъ насосомъ пустота; тогда въ этихъ трубкахъ появляется свѣтъ, подобный кометному хвосту. При этомъ опытѣ чистота воздуха играетъ главную роль; малѣйшая примѣсь пыли, взмахъ надушеннаго платка, тотчасъ все разрушаютъ, и свѣченія въ трубкѣ не обнаруживаются. Дѣйствіе низкихъ температуръ на самосвѣтящіяся тѣла очень рѣзкое. Сѣрнистый кальцій, при обыкновенной температурѣ становится сильно свѣтящимся, если его предвременно протереть нѣкоторое время на свѣтѣ магніа или вольтовой дуги. Но уже при температурѣ въ 80° ниже нуля онъ перестаетъ свѣтиться, сколько бы его не держали передъ сильнѣйшими источниками свѣта; но, будучи внесенъ въ обыкновенную температуру онъ вновь, немедленно, начинаетъ свѣтиться. Этотъ курьезъ, впрочемъ, не долженъ поражать, потому что, вообще, очень низкія температуры рѣзко измѣняютъ физическія свойства тѣлъ. Такъ, напр., вещества мягкія при обыкновенной температурѣ, будучи помѣщены въ среду, охлажденную до 180° ниже нуля, становятся тверды какъ желѣзо; застывшая при такой температурѣ ртуть дѣлается подобною серебру. Охлажденные камертоны измѣняютъ тонъ, звучать на 2 на 3 ноты выше. Химическая энергія на холодѣ пропадаетъ

совершенно; при обыкновенной температурѣ металлическій калий, будучи брошенъ на воду, тотчасъ вспыхиваетъ, кружится по водѣ, шипитъ, горитъ яркимъ пламенемъ, отнимая кислородъ отъ воды; при температурѣ въ 150° ниже нуля тотъ же калий уже не обнаруживаетъ никакого дѣйствія на воду. Двигательная сила гальваническаго элемента при такой температурѣ парализуется. Очень любопытныя наблюденія сдѣланы надъ дѣйствіемъ низшихъ температуръ на фотографическія вещества, т. е. всякаго рода соединенія, способныя очень быстро разлагаться подъ вліяніемъ свѣта. При 180° ниже нуля фотографическая пластинка еще продолжаетъ нормально относиться къ свѣту, но при -200° ея чувствительность къ свѣту уменьшается въ пять разъ. Въ числѣ веществъ, разлагающихся отъ свѣта весьма важную роль въ фотографической практикѣ играетъ хлористое серебро. Его смѣшиваютъ съ растворомъ желатины и наносятъ этотъ липкій слой на бумагу, которая служитъ для печатанія фотографическихъ изображеній. Если кусокъ такой бумаги смочить жидкимъ кислородомъ и выставить на сильный свѣтъ, то она очень быстро бурѣетъ во всѣхъ частяхъ, кромѣ той, которая подвергнута была охлажденію посредствомъ жидкаго кислорода. Очень чувствительныя, сухія, фотографическія пластинки, выставленныя на свѣтъ при этихъ температурахъ, а затѣмъ освѣщенныя магніемъ или электричествомъ, начинаютъ свѣтиться въ темнотѣ, т. е. приобретаютъ равнѣ имъ не принадлежавшую фосфоресцирующую способность. Впрочемъ, уже и раньше было замѣчено, что чрезмѣрный холодъ оказываетъ очень рѣзкое свѣтовое дѣйствіе:—ярко красная іодистая ртуть при подобной температурѣ становится желтою. По опытамъ Дьюора очень многія вещества приобретаютъ способность свѣтиться въ потемкахъ, если ихъ помѣстить въ чрезмѣрно охлажденную среду: — желатина, целлулоидъ (пластическая клѣтчатка), парафинъ, слоновая кость, рогъ, каучукъ, всевозможные алколоиды (хининъ, стрихнинъ, атропинъ, вератринъ, никотинъ, аконитинъ и т. д.) и множество другихъ веществъ. Удалось подмѣтить также вещества, уничтожающія самосвѣченіе, возникающее при низкихъ температурахъ; такъ, іодъ, прибавленный къ спирту, лишаетъ послѣдній свойства фосфоресцировать. Начинаютъ свѣтиться даже металлы, но, повидимому, не сами по себѣ, а благодаря тончайшему слою пыли, который ихъ покрываетъ, потому что если ихъ тщательно очистить и прокалить, то они перестаютъ фосфоресцировать. Трудно, пока еще, изъ всѣхъ этихъ наблюденій извлечь какія либо положительныя заключенія. Видно только, что самосвѣтимость находится въ связи съ составомъ вещества, что чѣмъ оно сложнѣе, тѣмъ рѣзче проявляется это свойство при чрезмѣрно низкихъ

температурахъ. На этой почвѣ возникаетъ даже одно весьма соблазнительное предположеніе, но только предположеніе: — а именно, можно думать, что, быть можетъ, свѣтъ, испускаемый нѣкоторыми звѣздами, ни что иное какъ ихъ самосвѣченіе, обязанное своимъ происхожденіемъ ихъ сложному составу и чрезвычайно низкой температурѣ межзвѣзднаго пространства. О свѣченіи кометныхъ хвостовъ, помнится, давно уже было сдѣлано подобное предположеніе:

Только что сообщенная нами новость, касающаяся фотографии, пока еще витаетъ въ области слишкомъ отвлеченнаго научнаго интереса. Нѣсколько ближе къ практикѣ другая фотографическая новость. Оказывается, что къ фотографии присосѣдились, самымъ неожиданнымъ образомъ, микробы! Вотъ это уже истинный курьезъ! Микробъ, вырабатывающій фотографическій чувствительный слой! Дѣло началось съ того, что стали тщательно изучать дѣйствіе солнечнаго свѣта на искусственныя разводки микроорганизмовъ. Солнце убиваетъ микроба. Этимъ обстоятельствомъ чрезвычайно остроумно и удачно воспользовался профессоръ Маршалъ Уордъ. Почтенный профессоръ произвелъ такого рода опытъ. Онъ взялъ стекло и навелъ на него слой желатины, весь населенный колоніями микробовъ; заготовивъ эту пластинку, онъ выставилъ ее на солнечный свѣтъ. Желатина на солнцѣ оставалась прозрачною, но, когда ее перенесли въ темное мѣсто, она начала сама собою проявляться; она вся почернѣла, ни дать, ни взять какъ броможелатинная пластинка, выставленная на свѣтъ и затѣмъ проявленная обыкновеннымъ способомъ. Это таинственное „проявленіе“ микробно-желатинной пластинки трудно приписать чему либо иному, какъ только тому, что микробы, которыхъ солнечный свѣтъ совсѣмъ было заморилъ, будучи перенесены въ темноту, почти мгновенно оправляются и совершаютъ столь быстро свое развитіе, что желатина чернѣетъ отъ ихъ несмѣтныхъ кучекъ. Уордъ пробовалъ прикрывать такую пластинку, какоюнибудь фигурою, напр., буквою. Послѣ выставки на солнце, части, прикрытыя буквою, оказывались свѣтлыми и прозрачными, а все остальное чернѣло; дѣлали и наоборотъ, т. е. покрывали пластинку черною бумагою съ вырѣзанною какоюнибудь фигурою. Отсюда уже оставалось рукою подать до настоящихъ фотографий на микробно-желатинныхъ пластинкахъ. Уордъ бралъ листъ желатины и погружалъ его на нѣкоторое время въ бульень, гдѣ раньше были разведены миллиарды микробовъ. Желатина размокала и вся пропитывалась микробами. Тогда ее осторожно переносили на стекло. Это стекло выставлялось въ обыкновенной фотографической камерѣ и на немъ снимался

пейзажъ, даже портретъ. При этомъ, въ частяхъ сильно освѣщенныхъ, микробы гибнутъ или переходятъ изъ нихъ въ мѣста тѣневныя и здѣсь быстро размножаются. Мало по малу образуется настоящій рисунокъ, ясно обозначаются тѣни, полутѣни, контуры фигуръ. Въ то же время само собою идетъ и проявленіе этого оригинальнаго фотографическаго клише: — въ мѣстахъ скопленія микробовъ, т. е. въ тѣняхъ, они быстро размножаются и дѣлаютъ желатину непрозрачною, а въ свѣтлыхъ мѣстахъ желатина остается чистою и прозрачною. Когда изображеніе дошло до желательной силы, его надо закрѣпить, но только не обычнымъ фотографическимъ способомъ, т. е. не въ ваннѣ съ сѣрноватистокислымъ натромъ, а простою выставкою на солнечный свѣтъ. Солнце убьетъ всѣхъ микробовъ и такимъ образомъ будетъ устраненъ факторъ, могущій производить измѣненія въ изображеніи; оно останется съ этиѣ поры въ своемъ окончательномъ и неизмѣнномъ видѣ. Ясно, что при этомъ оригинальномъ способѣ получается не негативъ, какъ при обыкновенныхъ фотографическихъ съемкахъ, а прямое изображеніе; тутъ тѣни такъ и будутъ тѣнями, а свѣтлыя мѣста свѣтлыми, а не наоборотъ какъ на негативѣ. Само собою разумѣется, также, что подобный способъ не можетъ войти въ фотографическую практику въ широкомъ масштабѣ, но для современныхъ многочисленныхъ фотографовъ-любителей, способъ можетъ представить не мало интереснаго.

Злополучная кукушка стала чуть не символомъ самаго наглаго паразитизма. Давно уже рѣшено и подписано, что она кладетъ свои яйца въ гнѣзда мелкихъ птишекъ. Бѣдныя птички, ничего не подозрѣвая, высидываютъ весь выводокъ, т. е. и своихъ птенцовъ и кукушкино отродье. Вылупившись изъ яйца кукушкино дѣтище быстро перерастаетъ своихъ пернатыхъ молочныхъ братьевъ и скоро весь кормъ, приносимый родителями выводка, начинаетъ поступать, почти исключительно, въ его ненасытную утробу. Законныя дѣтки хирѣютъ и гибнутъ отъ безкормицы, а наглый паразитъ откармливается и покинувъ гнѣздо, знать не хочетъ своихъ благодѣтелей. Утверждаютъ, что секретъ этого паразитизма очень простъ и, ясенъ. Яйца кукушки, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей въ ея нравахъ и организаціи, развиваются постепенно, одно за другимъ, съ большими промежутками. Свить собственное гнѣздо и класть туда яйца значило бы подвергать ихъ всѣмъ случайностямъ вражескихъ нападеній; кукушка и откладываетъ ихъ, по мѣрѣ созрѣванія, въ чужія гнѣзда мелкихъ птишекъ, которыя какъ разъ въ эти дни приступаютъ къ высидыванію. Говорятъ, что она часто разбиваетъ при этомъ яйца хозяевъ гнѣзда. Все это,

хотя и было установлено наблюдениями, но пахло сказкою и небывальщиною, требовало систематической проверки. За такую проверку взялся недавно французский натуралист Распайль. Результаты своих наблюдений он сообщил орнитологическому конгрессу в Будапештѣ, происходившему в 1891 г. Зоологъ Виавъ утверждалъ, что кукушка разбиваетъ одно изъ яицъ хозяевъ чужого гнѣзда, какъ бы ставя имъ грозный ультиматумъ: „высиживайте мои яйца, иначе я перебью всѣ ваши. Птички, такимъ образомъ, становятся приемными родителями кукушата, со страху. Распайль, произведшій цѣлый рядъ наблюдений в теченіе 1893 года, пришелъ къ инымъ заключеніямъ. Натуралисты уже давно согласны в томъ, что многія птицы охотно усыновляютъ чужія яйца; но всѣ этого рода наблюденія были сдѣланы надъ домашними птицами, и по нимъ было не совсѣмъ основательно дѣлать общія заключенія; прирученіе и даже просто плѣнь дикой птицы оказываютъ, несомнѣнно, большое вліяніе на нравы птицъ и заключенія, при переходѣ отъ фактовъ свободной жизни къ фактамъ прирученнаго состоянія, требуютъ большей осторожности. Англійскій натуралистъ Даусонъ Раулей в 1865 г. утверждалъ, что птицы высиживаютъ всякое яйцо, положенное в ихъ гнѣздо, не удаляютъ даже изъ гнѣзда круглаго камешка или дѣтскаго мячика. Но Раулей, очевидно, обобщалъ при этомъ свое личное наблюденіе, относящееся къ какому нибудь частному случаю. Лотингеръ также склоненъ думать, что птицы легко соглашаются высиживать чужія яйца. Нѣмецкій ученый Пауль Леверкючъ выпустилъ в 1891 г. книжку, специально трактующую объ этомъ предметѣ, подъ заглавіемъ „Fremde Eier im Nest“ (Чужія яйца в гнѣздѣ). Онъ дѣлаетъ сводъ всѣхъ наблюдений, относящихся къ этому предмету и устанавливаетъ три разныхъ способа обращенія съ чужими яйцами у разныхъ породъ птицъ. Обращеніе можетъ быть различнымъ, смотря по тому, положено ли в гнѣздо яйцо той-же породы или другой породы, положенное самою птицею или человѣкомъ. Изъ собранныхъ Леверкючомъ наблюдений оказывается, что хотя птицы вообще и охотно усыновляютъ чужое яйцо, но бываютъ нерѣдко случаи, что птица, постепенно, какимъ-то образомъ, догадывается объ обманѣ и безъ церемоніи выкидываетъ изъ гнѣзда посторонняго пришельца. Часто между началомъ высиживания и за браковкою яйца проходитъ довольно продолжительное время, и вотъ это обстоятельство, видимо, и вводило наблюдателей в заблужденіе. Видя, что птица насиживаетъ подsunутое ей чужое яйцо, они успокаивались, считали, что яйцо окончательно усыновлено, оставляли дальнѣйшія наблюденія и пропускали тотъ моментъ, когда птица, убѣдившаяся в подлогѣ, выкидывала

яйцо. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ Распайль приводитъ два убѣдительныхъ случая изъ собственныхъ наблюденій. 31-го мая 1893 года онъ положилъ въ гнѣздо птички *Salamoherpe agundinasea* два яйца, взятыхъ изъ гнѣзда *Emberiza citrinella*; яйца этой птицы очень похожи на кукушкины. 3 іюня онъ нашелъ въ гнѣздѣ 4 хозяйскихъ яйца и оба чужихъ. 6 іюня вечеромъ чужія яйца еще оставались въ гнѣздѣ и Распайль готовъ былъ уже думать, что они усыновлены птицею окончательно. Но 10 іюня ихъ вдругъ не оказалось въ гнѣздѣ; самка продолжала преспокойно высидывать свои 4 яйца, изъ которыхъ и вылупились птенчики 13 іюня. Чужія яйца, были, слѣдовательно отброшены между 7 и 10 іюня, значитъ, пробыли въ гнѣздѣ, вводя птичку въ заблужденіе, никакъ не менѣе недѣли. 19 іюня Распайль нашелъ гнѣздо *Emberiza* съ двумя яйцами; на слѣдующей было снесено третье, послѣднее. Птица начала высидывать. Въ это время Распайль подмѣнилъ одно изъ ея яицъ, чужимъ яйцомъ, но той же породы, отмѣтивъ его, чтобы отличить отъ другихъ. Чужое яйцо оставалось въ гнѣздѣ съ 20 по 29 іюня; но 30 іюня утромъ въ гнѣздѣ оказалось только два своихъ яйца, чужое исчезло; самка признавала его десять дней подъ рядъ, а потомъ, все-таки какой-то невѣдомый намъ инстинктъ подсказалъ ей, что это яйцо снесено не ею. Распайль полагаетъ, что такая долгая терпимость къ чужому яйцу—вещь исключительная; обыкновенно птица гораздо раньше распознаетъ подлогъ. Большею частію яйцо, по крайней мѣрѣ, подложное рукою человѣка распознается въ первый же день. На другой день оно уже валается на землѣ около гнѣзда и наблюдатель, если онъ его какъ нибудь помѣтилъ, тотчасъ убѣждается, что это то именно яйцо, которымъ онъ хотѣлъ обмануть бдительный материнскій инстинктъ птицы. Никакое сходство тутъ не помогаетъ дѣлу; при всемъ видимомъ наружномъ сходствѣ, птица всегда умѣетъ найти какіе-то недоступные для наблюдателя признаки, по которымъ безошибочно признаетъ чужое яйцо. Распайль имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что инстинктъ распознаванія чужихъ яицъ особенно высоко развитъ у птицъ воробьиныхъ породъ; онѣ особенно нетерпимы ко всяческимъ подлогамъ и тотчасъ удаляютъ изъ гнѣзда всякое чужое яйцо, хотя бы и ихъ же породы. Нѣсколько терпимѣе оказались куриныя породы. Случается иногда, что весной фазаны, согнанные съ гнѣздъ, теряютъ свои яйца, напр., отъ того, что онѣ успѣютъ загудиться въ то время, какъ птица улетаетъ съ гнѣзда, будучи поднята тревогою. Такъ, въ маѣ 1893 года случилось, что самка фазана, сбита съ гнѣзда, но еще несшаяся, положила свое яйцо въ гнѣздо сѣрой куропатки, которая сама уже успѣла

снести 8 яицъ. Куропатка очень добросовѣстно высидѣла всѣ яйца, въ томъ числѣ и фазанье, и затѣмъ усыновила фазаненыша, который жилъ при ней около двухъ мѣсяцевъ. Распайль обращалъ особенное вниманіе на кукушку и старался выяснитъ, что заставляетъ птичекъ усыновлять ея яйца. Ему пришло въ голову предположеніе, что, быть можетъ, кукушка подкарауливаетъ самый моментъ кладки яйца и, какъ только оно снесено, мгновенно сгоняетъ птичку, разбиваетъ ея яйцо, только что снесенное, и кладетъ свое. Птичка еще не выдавшая своего яйца, быть можетъ, при такомъ неожиданномъ приѣмѣ, вводится въ заблужденіе и принимаетъ яйцо кукушки за свое. Но повѣрочный опытъ Распайлю не удался. Онъ тоже быстро согналъ съ гнѣзда, только что снесшую яйцо, птичку, вынулъ изъ гнѣзда ея яичко и положилъ чужое; но подлогъ былъ обнаруженъ, на другой день этого яйца не оказалось въ гнѣздѣ. Осталось сосредоточить вниманіе на другихъ приемахъ кукушки — убѣдиться, не наводитъ ли она какимъ нибудь образомъ страха на птичекъ, которымъ навязываетъ свои яйца. Существуетъ мнѣніе, что кукушка, чтобы устрашить птичку, разбиваетъ одно изъ ея яицъ и осколки его оставляетъ тутъ же на краю гнѣзда, а свое кладетъ на мѣсто истребленнаго. Распайль приобѣгалъ и къ такому приѣму, но опять таки безъ всякаго успѣха. Птичка не принимала подложеннаго яйца. Значитъ, разбиваніе яйца, при всей своей демонстративной враждебности, рассчитанной на устрашеніе, дѣйствія не оказываетъ. Распайль дѣлалъ еще болѣе убѣдительный опытъ. Онъ нашелъ гнѣздо птички, въ которое только что было положено кукушкою яйцо. Это яйцо чрезвычайно походило по виду и величинѣ на яйцо *Anthus arborescens*, гнѣздо котораго Распайль только что нашелъ не за долго передъ тѣмъ. Въ этомъ гнѣздѣ было три своихъ яйца; на слѣдующій день самка снесла четвертое яичко. Тогда Распайль разбилъ одно изъ ея яицъ и подложилъ вмѣсто него найденное яйцо кукушки, которое было слегка запачкано желткомъ разбитаго хозяйскаго яйца. Черезъ два дня птичка сидѣла на яйцахъ, яйцо кукушки оставалось цѣло и невредимо, подъ нею; оно было цѣло еще и на слѣдующее утро, но къ полудню уже исчезло; не удалось найти даже его слѣдовъ, ни въ гнѣздѣ, ни въ окрестности. Изъ розсказней про кукушку и ея разбойничью манеру подсовывать свои яйца въ чужія гнѣзда, кое что вполне подтвердилось наблюденіями Распайля. Такъ, оказалось вѣрнымъ, что кукушка всегда удаляетъ одно изъ яицъ хозяйки, а вмѣсто него кладетъ свое. Очень часто она разбиваетъ при этомъ хозяйское яйцо, но всегда дѣлаетъ это невольно, нечаянно, и притомъ старается скрыть слѣды своего разбоя, удаляя изъ гнѣзда осколки скорлупы и содержимое

яйца. Она не принимаетъ во вниманіе степень насыщенности хозяйскихъ яицъ. Подлогъ не всегда удается скрыть; птички, особенно воробьиныя породы, нерѣдко распознають чужое яйцо и выкидываютъ его.

Нѣтъ рѣшительно никакой надежды на то, чтобы человечество обрѣло какое бы то ни было, хотя бы и чисто духовное, научное сокровище на полюсахъ земного шара; а между тѣмъ, сколько энергіи тратится на стремленія къ этимъ загадочнымъ точкамъ нашей планеты, сколько экспедицій было туда снаряжено и сколько оттуда не вернулось! Сѣверный полюсъ даль намъ особенно суровые уроки и, не смотря, на нихъ ученые общества и смѣлые мореплаватели все еще продолжаютъ мечтать о гиперборейскихъ странахъ, какъ о землѣ обѣтованной и чуть не ежегодно являются откуда-то и люди и средства на эти рискованныя экспедиціи. Въ настоящее время, напр., не одна, а цѣлыхъ три экспедиціи пробираются къ сѣверному полюсу, подъ предводительствомъ отважныхъ и опытныхъ путешественниковъ, давно уже прочно установившихъ свою репутацію. Знаменитый Нансенъ тронулся къ сѣверу черезъ океанскую область, прилегающую къ Сибири; Пири, недавно обогнувшій съ сѣвера Гренландію, намѣревается пройти дальше къ полюсу, опираясь на знакомый уже ему путь; наконецъ, Вельманъ направляется къ сѣверу, избравъ исходною точкою Шпицбергенъ. Кромѣ этихъ, уже отправившихся въ путь экспедицій, имѣются двѣ новыя экспедиціи, пока еще только снаряжающіяся, именно подъ начальствомъ Джаксона, черезъ Новую Землю, и Штейна, черезъ Эльсмерову Землю. Нансенъ отправился на специально построенномъ для его экспедиціи суднѣ; онъ долженъ пройти къ сѣверу черезъ льды противъ устья рѣки Кары. Нансенъ проникнуть вѣрою въ океанскія теченія, которыя должны открыть ему проходы, если не до самаго полюса, то все же въ ближайшее къ нему сосѣдство, въ открытое море, стирающееся между Шпицбергеномъ и Гренландіею. Наиболѣе интересный маршрутъ избралъ Вельманъ. Его сопровождаютъ трое ученыхъ и 10 избранныхъ норвежскихъ матросовъ. Экспедиція отправилась изъ Тромсѣ въ маѣ нынѣшняго года, по направленію къ острову Дану, лежащему подъ 79°—45', противъ сѣверо-западнаго берега Шпицбергена. Экспедиція пройдетъ къ сѣверу отъ острова, вѣло въ до сплошнаго пояса полярныхъ льдовъ; здѣсь экспедиція высадится, захвативъ лодки, сани и собакъ. Пароходъ же возвратится къ острову Дану, гдѣ будетъ построенъ домъ и устроены склады провизіи. Экспедиція возвратится къ Шпицбергену около половины сентября. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ американскаго „Mac Lure

Magazine“ генераль Грили дѣлаеть любопытный обзоръ всѣхъ шансовъ на успѣхъ, которыми располагають нынѣшнія экспедиціи къ сѣверному полюсу и въ заключеніе бросаетъ общій взглядъ на этотъ вопросъ, который рѣшаетъ въ весьма скептическомъ смыслѣ. Онъ полагаетъ, что сѣверный полюсъ не можетъ быть достигнутъ ни на суднѣ, ни на собакахъ, ни гѣшкомъ. До него можно добраться только на воздушномъ шарѣ, но для этого надо подождать, пока мы научимся управлять аэростатомъ такъ же, какъ управляемъ пароходами. Въ настоящее время доказано и установлено, что сѣверный полюсъ окруженъ громаднѣйшимъ кольцомъ никогда не тающего льда; наружные борты этого кольца имѣють въ толщину не менѣе 30 сажень, а далѣе къ сѣверу толщина ледяного пласта увеличивается, достигая размѣровъ, о которыхъ мы не имѣемъ никакого понятія. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія въ томъ, что самый полюсъ и громадный поясъ вокругъ него представляютъ сплошную чудовищную глыбу, абсолютно непроходимую и едва ли особенно чреватую какимъ бы то ни было интересомъ. Остается рѣшить вопросъ—стоитъ ли лицезрѣніе этой нелюдимой ледяной глыбы тѣхъ громадныхъ жертвъ, которыя ради этого лицезрѣнія приносятся?..

Въ нашемъ предшествовавшемъ обзорѣ, въ замѣткѣ, посвященной приемамъ симпатическаго леченія, мы, между прочимъ, упоминали объ опытахъ полковника Роша. Предметомъ изслѣдованій этого любителя и знатока по части разныхъ таинственностей, относящихся до человѣческаго организма, въ послѣднее время были какія-то загадочныя свѣтovyя изліянія, исходящія, при извѣстныхъ условіяхъ изъ тѣла субъектовъ, одержимыхъ такимъ удивительнымъ свойствомъ. Въ послѣдней книгѣ „Annales des sciences psychiques“ Роша излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій по этому предмету. Вотъ въ чемъ тутъ состоитъ суть. Еще въ 50-хъ годахъ баронъ Рейхенбахъ, утверждалъ, что человѣческое тѣло способно выдѣлять отъ себя свѣтъ; этотъ свѣтъ становится, будто-бы явленно замѣтнымъ для человѣка, если его продержатъ нѣсколько часовъ въ темнотѣ. Само собою разумѣется, что есть субъекты, способные различать такой свѣтъ, есть и не обнаруживающіе такой способности. Способные-же, проявляютъ свой даръ безъ всякихъ предварительныхъ манипуляцій; нѣтъ надобности ихъ усыплять, гипнотизировать, достаточно только продержатъ въ темнотѣ. Роша, изучая состояніе глубокаго гипнотическаго сна, у подверженныхъ ему, убѣдился, что такія организаціи могутъ приобрести способность къ особой чувствительности и непостижимой для нормальнаго человѣка остротѣ зрѣнія; въ этомъ-то состояніи такіе субъекты

и видятъ свѣтоты излученія, исходящія изъ человѣческаго тѣла, а также и изъ всевозможныхъ неодушевленныхъ предметовъ. Роша имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣкоего Альберта Л..., который былъ въ высокой степени одаренъ этой способностью; кромѣ того, будучи художникомъ, этотъ интересный господинъ представилъ свои видѣнія въ очень точныхъ рисункахъ. Кстати сказать, этотъ-же Альбертъ Л... послужилъ для профессора Люиса сюжетомъ для его работъ въ области гипнотизма; на немъ Люису удалось показать, что лѣвая половина человѣческаго тѣла выдѣляетъ синій свѣтъ, а правая красный. Роша, главнымъ образомъ, стремился убѣдиться въ существованіи этихъ странныхъ свѣтовыхъ явленій; ему хотѣлось узнать субъективны-ли они, (т. е. субъекту только кажется, что онъ видитъ эти свѣтоты излученія) или объективны, т. е. дѣйствительно существуютъ, но невидимы нормальному глазу. Альбертъ Л. рисовалъ тотчасъ-же то, что онъ видѣлъ и ни малѣйшаго внушенія по этой части ему не дѣлалось. Опыты, произведенные надъ нимъ Роша съ электромагнитами, спектроскопами и вообще при обстановкѣ, обеспечивающей возможно точную проверку явленій, привели его и его сотрудника (какого-то „знаменитаго“ физика, который пожелалъ скрыть свое имя, чтобы ему потомъ не докучали) къ заключенію, что человѣческое тѣло и неодушевленные предметы обладаютъ способностью испускать въ темнотѣ дѣйствительныя (не кажущіеся только) потоки и лучи свѣта, и этотъ свѣтъ очень легко и подробно различается извѣстными личностями, обладающими къ тому способностью. Этотъ свѣтъ воспринимается непосредственно глазомъ; чувствительный къ нему субъектъ видитъ его и нельзя подумать или заподозрить, что онъ его воспринимаетъ какими либо иными путями, помимо глаза; участіе фантазіи можно считать въ этомъ случаѣ устраненнымъ. Видъ и форма свѣтовыхъ лучей и массъ, исходящихъ изъ разныхъ тѣлъ очень разнообразны. Въ магнитахъ свѣтъ идетъ лучами отъ обѣихъ вѣтвей подковы; подобнымъ же образомъ исходитъ онъ изъ пальцевъ руки; въ другихъ случаяхъ свѣтъ поднимается отъ поверхности предмета только кверху; иногда онъ едва замѣтенъ, и вообще это свѣтъ блѣдный, напоминающій свѣченіе фосфора въ темнотѣ. Длина и цвѣтъ сноповъ и лучей этого свѣта очень различны. Альбертъ Л. утверждаетъ, что большой магнитъ испускаетъ лучи длиною до 10 дюймовъ, другіе чувствительные субъекты утверждаютъ, что онъ простирается до 5—7 аршинъ. Гипнотизмъ принимаетъ дѣятельное участіе въ этомъ явленіи. Иные изъ впечатлительныхъ къ явленію натуръ видятъ излученія свѣта, пробывъ нѣсколько часовъ въ потемкахъ, безъ всякаго иного воздѣйствія на ихъ нервную систему;

у другихъ это свѣтовидѣніе проявляется только послѣ магнетическихъ пассовъ, которымъ подвергаются ихъ глаза, и затѣмъ пропадаетъ при болѣе глубокомъ гипнозѣ. Въ общемъ это явленіе, судя по тому, какъ его описываютъ свѣтовидцы, отличается характеромъ, присущимъ электричеству. Если въ темнотѣ поднести къ работающей электрической машинѣ руку, то можно видѣть снопы фосфорического свѣта, исходящіе изъ шара машины къ пальцамъ. Совершенно таковъ же, по наружному виду, и свѣтъ, видимый описываемыми Роша сюжетами его опытовъ. Дальнѣйшія изслѣдованія, надо полагать, еще болѣе сблизятъ это, пока еще таинственное, явленіе съ областью давно уже изученныхъ электрическихъ и магнитныхъ токовъ.

Въ 1892 году весь цивилизованный міръ съ помпой отпраздновалъ 400-лѣтіе со дня открытія Америки. Имя Колумба прогремѣло еще разъ по всему свѣту, и, увы! быть можетъ прогремѣло въ послѣдній разъ. Съ этого злополучнаго 1892 года посыпались со всѣхъ сторонъ факты, догадки, гипотезы объ открытіи Америки и во всѣхъ этихъ толкахъ имя великаго генуэзца все глубже и глубже отодвигается на задній планъ. Сначала выступилъ на сцену какой-то французскій авантюристъ Жанъ Кузенъ, который будто бы посѣтилъ Америку за нѣсколько лѣтъ до Колумба; потомъ заговорили о норманнахъ, которымъ Америка была извѣстна за 200 лѣтъ до ея открытія Колумбомъ. Теперь утверждаютъ, что Новый Свѣтъ извѣстенъ китайцамъ съ незапамятныхъ временъ и что вся древне-американская первобытная культура насаждена нашими нынѣшними желтыми сосѣдями. Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу американскій ученый Мастерсъ въ журналѣ „Overland Monthly“. У китайцевъ существуетъ громадный сводъ всей ихъ премудрости, нѣчто вродѣ нашихъ энциклопедій, носящій наименованіе Іенъ-Кинъ-Лю-Ханъ. Мастерсъ имѣлъ похвальное терпѣніе перелистовать эту неприступную твердыню учености и въ ея 231-мъ томѣ открылъ одно мѣсто, съ содержаніемъ котораго слѣдшимъ ознакомить читателей. „Въ первый годъ царствованія Уингъ-Юена, говорится въ этомъ мѣстѣ, одинъ буддійскій жрецъ по имени Хвей-Шамъ, воротился въ городъ Кингъ-Шау изъ своего путешествія въ царство Фузангъ и повѣдалъ слѣдующее: Царство Фузангъ расположено къ востоку отъ царства Таи-Ханъ, въ разстояніи 20 тысячъ ли. Фузангъ лежитъ къ востоку отъ Китая; въ немъ въ изобиліи произрастаетъ дерево фузангъ, отъ котораго страна и получила свое названіе. Листья этого дерева похожи на листья дерева тзунгъ. Оно высится подобно бамбуку и его первые отпрыски служатъ туземцамъ пищею.

Плодь его подобенъ грушѣ и обладаетъ красноватымъ цвѣтомъ. Изъ его волоконъ выдѣлывается ткань. Народъ строитъ себѣ тамъ дома, а города ихъ не защищены ни стѣнами, ни укрѣпленіями. У нихъ есть письменность и выдѣлывается бумага изъ коры фузанга. Ни солдатъ, ни боевого оружія у нихъ нѣтъ и войны они не ведутъ. Цари носятъ титулъ Ють-Чи; дворяне перваго разряда называются Туй-Ло, втораго Луи-Ло и третьяго На-Тахъ-Ша. Когда король выходитъ изъ дворца, его сопровождаютъ трубачи и барабанщики. Царская одежда мѣняется по годамъ. Въ первый и второй годъ установленнаго въ странѣ 10-лѣтняго круголѣтія царь носитъ синія одежды; слѣдующіе два года—красныя, потомъ — желтыя, далѣе — бѣлыя и наконецъ—черныя. Скотъ въ Фузангѣ съ огромными рогами. Жители выдѣлываютъ изъ молока особый сыръ. Тамъ растутъ красныя груши, которыя могутъ оставаться на деревѣ круглый годъ; виноградъ растетъ въ изобиліи. Желѣза въ странѣ нѣтъ, а золото и серебро не имѣетъ никакой цѣны; цѣны предметовъ совершенно произвольны. Молодой человекъ, желающій жениться, строитъ хижину передъ жилищемъ своей возлюбленной и цѣлый годъ мететь и поливаетъ улицу передъ ея окнами. Если послѣ того дѣвица не соглашается выйти за него, онъ удаляется. Свадебные обряды похожи на китайскіе. Послѣ смерти отца трауръ носятъ семь дней, по смерти дѣда — пять дней, по братьямъ, сестрамъ, теткамъ — три дня. Жители совершаютъ молитвы передъ изображеніями предковъ. Въ прежнія времена, прибавляетъ буддистъ-путешественникъ, въ Фузангѣ совсѣмъ не знали ученія Будды, но во второй годъ царствованія Та-Минга шесть буддистскихъ монаховъ пришли сюда изъ страны Ки-Пинъ; они ввели въ Фузангѣ буддизмъ, внесли преобразованія въ нравы и обычаи жителей“. Что же это за страна Фузангъ, не вѣдавшая ни желѣза, ни цѣны золота и серебра, со всѣми ея особенностями, нравами, обычаями? Ничто иное, какъ Мексика, заключаетъ Мастерсъ. Китайцы поднялись по берегу Азіи къ сѣверу, прошли мимо Курильскихъ острововъ къ Аляскѣ, оттуда спустились вдоль берега Америки до Калифорніи и затѣмъ попали въ Мексику. Мастерсъ увѣряетъ, что все это повѣствованіе Хвей-Шама давнымъ давно вошло въ китайскіе учебники, такъ что китайскіе школьники зубрили о Мексикѣ въ то время, когда Америка еще и не снилась европейцамъ. Мастерсъ находитъ большое сходство между современнымъ Китаемъ и древнею Мексикою, какъ намъ рисуютъ ее рассказы испанскихъ историковъ. Языки мексиканскій и китайскій по существу, по основному грамматическому строю, совершенно одинаковы; оба языка моносиллабическіе, т. е. такіе, въ которыхъ основной корень не претерпѣваетъ никогда

никакого измѣненія и рѣчь образуется не приставками въ началѣ и концѣ корня, а сочетаніемъ самостоятельныхъ и неизмѣнныхъ корней. Физическій типъ американскаго племени весьма легко сближается съ монгольскимъ. Кто знаетъ, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ, когда-то, во времена незапамятныя, плодovitый Китай отлил избытокъ своего населенія за океанъ и заселилъ громадную страну, съ которою и впоследствии не прерывалъ сношеній, внося въ нее свою культуру.

Переживаніе древнихъ первобытныхъ вѣрованій, обычаевъ, ихъ постепенное вытѣсненіе новыми вѣніями, стычки этого новаго со старозавѣтнымъ, борьба, колебаніе побѣды, упорное отстаиваніе стариною своего насиженнаго мѣста въ міровозрѣніи народа — все это любопытнѣйшія и важнѣйшія черты въ исторіи человѣческой культуры. Текущая журналистика очень часто возвращается то къ той, то къ другой сторонѣ этого обширнаго круга культурныхъ явленій. Изъ числа послѣднихъ новинокъ по этой части пользуемся статьею Уильяма Блэка въ американскомъ „Popular Science Monthly“. Многие изъ нашихъ современныхъ обычаевъ, несмотря на упорство, съ которымъ они держатся, представляются на критическій взглядъ, совершенно бессмысленными; но если тщательно порыться въ прошломъ, то часто удается добраться до какого нибудь корня этого обычая, т. е. до такого факта, который въ свое время игралъ совершенно опредѣленную роль въ міросозерцаніи народа. Индусъ все еще продолжаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ добывать огонь треніемъ другъ о друга кусковъ дерева, хотя давно уже освоился со спичками; а держится стараго обычая, потому что съ нимъ связано ветхозавѣтное вѣрованіе. Египтяне долго послѣ того, какъ имъ стали извѣстны металлическіе ножи, продолжали свершать обряды съ помощью каменныхъ ножей. Примѣровъ такого рода не трудно было бы привести тысячи. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить всю любопытную статью Блэка и ограничимся только тѣми данными, которыя въ ней относятся до брака. Современная англійская дѣвушка какъ и ея отдаленная прабабка считали признакомъ высокой благовоспитанности показывать нѣкоторую неохоту къ браку, хотя очень часто быть можетъ притворною. Это невинное притворство вошло въ обычай. Но откуда идетъ самый обычай? По всей вѣроятности онъ идетъ отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда мужчины добывали себѣ женъ путемъ похищенія у сосѣдняго племени. Свадьба являлась плѣномъ, событіемъ горестнымъ, страшнымъ и молодня дѣвицы, конечно, боялись его. Эта боязнь, съ теченіемъ времени значительно смягчившись, приняла видъ благоприличнаго сопротивленія браку. Извѣстно, что браки на-

сильственнымъ увозомъ очень распространены и нынѣ въ Индіи, на Кавказѣ, среди австралийцевъ и американскихъ индѣйцевъ. Въ позднѣйшія времена похищеніе невѣсты стало мѣстами замѣняться ея покупкою, при чемъ согласія дѣвушки на бракъ никто и не думалъ спрашивать. Время шло, и вошло новыя видоизмѣненія въ обычаи. Настоящее, разбойническое похищеніе замѣнилось чисто обрядовымъ похищеніемъ; все заранѣе условливалось и похищеніе, хотя и сопровождаемое шумомъ, гамомъ и пальбой, устраивалось въ сущности на манеръ театральнаго представленія по заранѣе составленной программѣ. У индусовъ жениху мѣстами приходится отбивать невѣсту отъ очень сильнаго стража, который ее якобы защищаетъ. Эскимосу не выдадутъ невѣсты, пока онъ не убьетъ собственноручно бѣлаго медвѣдя; въ случаѣ успѣха мужчина признается способнымъ содержать семью, продовольствовать ее продуктами охоты. Въ Турціи за претендентомъ охотится цѣлая толпа, старающаяся его прогнать; въ этой охотѣ очень дѣятельное участіе принимаютъ женщины, покинутыя своими возлюбленными. Такимъ образомъ символъ брачнаго похищенія остается, когда уже всякій слѣдъ первобытнаго обычая стирается въ памяти народа. У грековъ и римлянъ брачный обрядъ слагался изъ трехъ отдѣльныхъ актовъ: отправленія изъ родительскаго дома; отвода новобрачной въ домъ ея мужа, въ сопровожденіи процессіи родственниковъ и друзей; внесенія мужемъ молодой жены въ домъ, при чемъ нога ея не должна была касаться земли. Въ послѣднемъ актѣ брачнаго обряда ясно проглядываетъ остатокъ увоза, насильственнаго похищенія. Послѣ того мужъ и жена приносили совмѣстно жертву и ѣли священныи пшеничный хлѣбъ; эта послѣдняя церемонія считалась важнѣйшимъ, окончательнымъ актомъ, закрѣпляющимъ брачный союзъ. Отсюда и наши хлѣбы и караваи всевозможныхъ видовъ и фасоновъ, примѣняемые на всевозможные способы при свадебныхъ церемоніяхъ всѣхъ христіанскихъ народовъ. Что касается до брачнаго стола, то онъ представляетъ собою, вѣроятно, видоизмѣненіе того пиршества, которымъ въ стародавнія времена завершался ритуалъ брака-купли. Приданое соиздалось на этой-же коммерческой почвѣ. Сначала плату за невѣсту замѣняли подарками, которые потомъ начали либо возвращать жениху, либо передавать въ распоряженіе невѣсты. Въ Аѣинахъ отецъ дѣлалъ щедрый подарокъ своей дочери при выдачѣ ея въ замужество. Этотъ-же основной обычай принялъ видъ подарковъ, подносимыхъ ухаживающимъ молодымъ человѣкомъ своей возлюбленной. Ирландцы еще не такъ давно оставили обычай пускать въ дѣло оружіе при брачномъ сраженіи. Надо было, чтобы вышло нѣсколько несчастныхъ случаевъ для того, чтобы воинственный

обычай былъ наконецъ покинута. Почти повсюду мужъ признается, по крайней мѣрѣ, юридически, главою дома; но на Цейлонѣ запримѣченъ обычай, свидѣтельствующій, по мнѣнію самихъ сингалезовъ, о томъ, что глава дома — жена. Во время брачной церемоніи она повязываетъ супруга веревочкой, въ видѣ пояса; эта веревочка знаменуетъ нѣчто вродѣ узды, по мѣстнымъ понятіямъ. Вообще, можно утверждать, что въ смыслѣ вѣрованій и обычаевъ, мы не такъ далеко отошли отъ нашихъ предковъ, какъ многимъ, быть можетъ, кажется.

Нищета кишитъ вокругъ насъ повсюду, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ она такъ рѣзко выдѣляется на фонѣ довольства и роскоши. Она стала явленіемъ столь повсемѣстнымъ и бьющимъ въ глаза, что, напр., жителю крупнаго населеннаго центра надо намѣренно закрывать на нее глаза, чтобы не видѣть ее. Но для того, чтобы окинуть ее всю сразу, однимъ взглядомъ сверху, надо обратиться къ великой и безпристрастной освѣтительницѣ общественнаго организма и его жизни — къ статистикѣ. Статистика показываетъ намъ, что, напр., цифры смертности дѣтей въ Пруссіи у богатыхъ и бѣдныхъ относятся между собою какъ 57:345. Продолжительность жизни прусскаго аристократа, въ среднемъ — 50 лѣтъ, а берлинскаго бѣдняка — 32 года. Въ Вѣнѣ эти различія выступаютъ съ особенною рѣзкостью, потому что тамъ богатые и бѣдные занимаютъ совершенно особыя части города. Въ той части, гдѣ живутъ богатые, въ 1891 году умерло 114 человекъ на 10.000 населенія, а въ части населенной бѣднотою — 349. Съ 1881 по 1891 г. на 68.083 человекъ жителей богатой части всѣхъ смертныхъ случаевъ было 8.162, т. е. 12%, а среди бѣдноты на 68.798 жителей 19.599 умершихъ, т. е. 28¹/₂%. Но не одна только смертность владеть отпечатокъ глубокой разницы между богатыми и бѣдными. Здоровье обоихъ классовъ населенія еще болѣе рѣзко подчеркиваетъ эту разницу. Петенкоферъ принимаетъ, что на каждый случай смерти приходится 34 случая болѣзни, что средняя болѣзнь длится 20 дней, и что расходы на леченіе (при мѣстныхъ условіяхъ) равняются въ среднемъ 50 коп. въ сутки. Если приложить этотъ расчетъ къ вѣнскому населенію, то выйдетъ, что тамъ бѣдный кварталъ города истратилъ за 10 лѣтъ на свое леченіе 6³/₄ милліона рублей, т. е. около 10 рублей на каждаго жителя, а богатый только 2³/₄ милліона. Бѣдные люди не знаютъ никакихъ нервовъ — таково общее мнѣніе. Предполагается, почему-то, что нервами больны исключительно люди богатые. Это мнѣніе вполнѣ ошибочно; нервы гораздо чаще истязаютъ бѣдняка, чѣмъ богатыхъ. Въ Вѣнѣ на 10 ты-

сячъ обывателей богатаго квартала погибають отъ нервныхъ болѣзней 12,8 человѣкъ, а въ бѣдномъ—33,8. Почти такая же пропорціональность наблюдается по отношенію легочныхъ болѣзней, а именно 20,7 среди богатыхъ и 58,2 среди бѣдныхъ на 10 тысячъ жителей. Особеннымъ бременемъ ложится нищета на здоровье и жизнь дѣтей бѣдняковъ. Средняя цифра смертности дѣтей въ первый годъ жизни—19⁰/₀; въ бѣдномъ кварталѣ Вѣны малолѣтокъ гибнетъ 32⁰/₀, а въ богатомъ 12—15⁰/₀. Нравственность, по скольку она выражается въ числѣ преступленій, также несравненно ниже среди бѣдняковъ, чѣмъ богатыхъ. За время съ 1874 по 1889 годъ въ Австріи судили и приговорили къ наказаніямъ 7.687,988 человѣкъ; замѣтимъ мимоходомъ, что въ 1874 г. состоялось 366 тысячъ приговоровъ, а въ 1889 г. 576 тысячъ, т. е. послѣдовало увеличеніе на 86,7⁰/₀, за 15 лѣтъ, а ростъ населенія въ то же время не превысилъ 13,5⁰/₀. И вотъ неумолимая статистика ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что преступность избираетъ свои жертвы по преимуществу среди нищеты. Съ 1880 по 1889 г. на долю кражъ и сродныхъ преступленій приходится около 63⁰/₀ всѣхъ преступленій; среди преступниковъ этой группы было немущихъ самое меньшее 88,8⁰/₀ (1885 г.), а въ 1889 г. 90,5⁰/₀. Если же принимать въ расчетъ только чистыя кражи, то число преступниковъ среди бѣдности достигнетъ до 95⁰/₀. Нищета плодитъ преступность въ особенности среди подросткающаго поколѣнія бѣдняковъ. Въ 1874 г. было осуждено въ Австріи 333 малолѣтнихъ, а въ 1889 г. это число почти удвоилось, дошло до 614; всѣ эти преступники-малолѣтки почти исключительно воры. Преступность растетъ съ нищетою, а ростъ нищеты ясно можно прослѣдить по росту общинныхъ расходовъ на призрѣніе немущихъ. Огромное большинство общинъ рѣшительно не въ силахъ бороться съ нищетою и дѣло общественнаго призрѣнія въ нихъ поставлено крайне шатко.

Та же исторія уже давно началась и во Франціи, странѣ, прославившейся довольствомъ своихъ деревенскихъ общинъ. Въ Вѣнѣ среди лицъ, пользующихся общественною благотворительностью насчитывается до 57⁰/₀ рабочихъ разныхъ спеціальностей, 30⁰/₀ прислуги, 12⁰/₀ поденщиковъ и 40⁰/₀ людей безъ опредѣленныхъ занятій, т. е. просто за просто попрошайкъ, профессиональныхъ нищихъ. Въ настоящее время у Европы есть еще одинъ ресурсъ избываться отъ избытка своей нищеты—это эмиграція въ Америку. Но, кажется, скоро пробьетъ роковой часъ, когда Америка затворитъ свои гостеприимныя двери передъ эмигрантами и тогда призракъ нищеты вдругъ встанетъ передъ европейскимъ обществомъ во весь свой гигантскій ростъ.

У насъ рѣчь зашла объ Америкѣ. По этому поводу будетъ встать позаимствовать кое-какія подробности изъ интересной статьи о нью-іоркской богемѣ, напечатанной въ „Scribner's Magazine“. Богема (boheme — цыганщина) слово парижскаго происхожденія; парижане подразумѣваютъ подъ нею интеллигентную нищету — литераторовъ, студентовъ, всякихъ артистовъ, ведущихъ беспорядочную, бродячую жизнь, людей не пристроенныхъ и не заявляющихъ охоты пристроиться. Богема — неотъемлемая принадлежность крупныхъ населенныхъ центровъ и, само собою разумѣется, съ теченіемъ времени успѣла сформироваться въ громадномъ Нью-Іоркѣ. Здѣсь она растревожила было общественное вниманіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Причина тревоги лежала отнюдь не въ общественной дѣятельности богемы, не въ ея политической позиціи, а скорѣе именно въ отсутствіи всякаго видамаго значенія этой довольно численной касты. Между собою всѣ эти цыгане жили очень дружно, составляли, повидимому, очень плотную кучку; но вся эта компанія жила особою, замкнутою жизнью, оставаясь до подозрительности равнодушною ко всему, что творилось вокругъ нея, въ кипящемъ котлѣ американской общественной жизни. Нью-іоркскій культурный цыгань можетъ быть опредѣленъ какъ субъектъ, находящійся въ непрерывной схваткѣ съ матеріальными невзгодами повседнежнаго существованія, но не имѣющей ничег(о) общаго съ шалопаемъ обычнаго типа, который въ житейской борьбѣ не привыкъ стѣснять себя въ выборѣ средствъ. Это человѣкъ, не умѣющий плавать, но умѣющий поддержать себя на поверхности воды. Самъ себя онъ никогда не называетъ цыганомъ. Если случится встрѣтить человѣка, который обозначаетъ себя такимъ наименованіемъ и при этомъ проявляетъ посягательство на карманъ своего ближняго, то можно быть увѣреннымъ, что это не настоящій „цыгань“. Этотъ послѣдній, если иногда и удитъ въ чужихъ карманахъ, то внѣшность этому акту придаетъ въ высшей степени благоприличную, чуждую тѣхъ началъ, которыя входятъ въ составъ обычнаго уловленія дароваго рубля. Онъ сумѣетъ сказать нѣсколько словъ о превратностяхъ судьбы, о томъ, что онъ ворочалъ деньгами и впредь будетъ ими ворочать, что теперь онъ занятъ капитальнымъ своимъ произведеніемъ, которое его обогатитъ и т. д. Большинство цыганъ — люди неоспоримо талантливые и многіе приобрѣтаютъ громкія имена въ литературѣ, хотя всегда немножко поздновато, потому что слишкомъ много времени отводятъ въ своей жизни бездѣльничеству. Въ Нью-Іоркѣ богема заявлялась лѣтъ пятнадцать тому назадъ и прежде всего приютилась во французскомъ кварталѣ. Зачѣмъ эти беззаботные парижане сюда стремились съ родины—это трудно себѣ

удовлетворительно объяснить. Многимъ помогала родня, высылая кое-какія деньжонки, на которыя было возможно имѣть уголь и бражничать въ дешевомъ ресторанаѣ. Это развеселое птичье житіе обыкновенно скоро оканчивалось, уступая мѣсто нищетѣ. Цыганъ долго и упорно боролся съ нею, стараясь всѣми мѣрами отстоять свое право на исключительно ресторанный времяпрепровожденіе; но нужда брала, наконецъ, свое; приходилось браться за трудъ, и тогда хорошо одаренная натура быстро заявляла себя; цыганъ превращался въ полезнаго общественнаго дѣятеля. Мы уже упоминали о томъ, что рядомъ съ истиннымъ богомомъ въ Нью-Йоркѣ завелся поддѣльный, который принимаетъ на себя только личину настоящаго, находя, конечно, извѣстныя преимущества въ такомъ приемѣ обдѣлыванія чужого кармана. Этихъ фальсификаторовъ называютъ шакалами. По наружному обличью, это очень пріятные господа, хорошо одѣтые, можно сказать, джентльмены. Они тотчасъ повѣдаютъ вамъ о своихъ литературныхъ и артистическихъ связяхъ. Ихъ любимое поле подвиговъ — это новоприбывшіе артисты всякаго рода. Такой искатель извѣстности очень часто прибываетъ въ крупный центръ изъ глухой провинціи, будучи нагруженъ своими рукописями или картинами и часто хорошо снабженъ деньгами, но „налегкѣ“ отъ всякой житейской опытности. Большой городъ ошеломляетъ его; онъ не знаетъ, куда ему обратиться. Тутъ-то и подкарауливаетъ его шакалъ. Шакалъ все знаетъ, все укажетъ, тотчасъ сведетъ новичка со всѣми нужными людьми; черезъ нѣсколько дней новичку удастся пристроить свое произведеніе и... всѣ свои доллары, отъ которыхъ, равно какъ и отъ ментора, остается одно только воспоминаніе.

Настоящій нашъ обзоръ мы такъ и закончимъ фактами, относящимися до жизни нашихъ заатлантическихъ друзей. Нѣсколько времени тому назадъ во „Всемирной иллюстраціи“ были напечатаны снимки тѣхъ колоссальныхъ домовъ, которыми такъ гордятся американскіе города, особенно Чикаго. Здѣсь есть постройки, превышающія по числу этажей вдвое и даже втрое наши самые громадныя дома. Такіе дома, въ виду ихъ исключительной величины, требуютъ, конечно, и исключительныхъ приемовъ при постройкѣ. Мы и намѣрены сообщить кое-что объ этихъ приемахъ. Почва въ Чикаго очень мало надежная, городъ выстроенъ на болотѣ. Подъ болотиною лежитъ слой ползучаго песка; вода встрѣчается уже на глубинѣ 4—5 аршинъ. Отсюда ясно, что гигантскія постройки, которыми такъ прославились Чикаго можно возводить не иначе, какъ съ соблюденіемъ величайшихъ предосторожностей; тяжесть ихъ такова, что онѣ были бы въ со-

стоянии продавить пластъ земли, на который опираются. Подготовка грунта тутъ одна изъ капитальнѣйшихъ работъ. Почву укрѣпляютъ забойкою свай весьма значительнаго размѣра. Послѣ того между ними прокладываютъ ряды желѣзныхъ полосъ накрестъ, вдоль и поперекъ; все это заливается цементомъ и скрѣпляется бетонною кладкою. Образуется сплошной фундаментъ, на который должно равномерно распространяться давленіе громаднаго зданія. Первые гигантскіе дома строили обычнымъ способомъ, т. е. возводя стѣны изъ камня или кирпича. Но потомъ отъ этой системы отказались. Теперь пришли къ тому, что стѣны дома сами по себѣ отступили на второй планъ; онѣ служатъ только защитою жильцовъ отъ вѣтра, но на нихъ никоимъ образомъ не зиждется прочность зданія. При постройкѣ прежде всего составляютъ скелетъ дома изъ прочнѣйшихъ и прочнѣйшимъ образомъ скрѣпленныхъ желѣзныхъ балокъ. Когда клѣтка изъ желѣза готова, ее одѣваютъ стѣнами изъ обожженнаго кирпича. Прочность и безопасность въ пожарномъ отношеніи — главные статьи, на которыхъ сосредоточивается вниманіе архитектора при этихъ постройкахъ. Быстрота ихъ возведенія непонятна для европейца; она достигается самымъ простѣйшимъ способомъ: — строитель набираютъ цѣлую армію рабочихъ, и разбиваетъ ихъ на партіи, давая каждой партіи свою долю работы, свой урокъ. Въ какихъ нибудь три—четыре мѣсяца громаднѣйшій 15-тиэтажный домъ вырастаетъ какъ изъ подъ земли. Едва удалилась съ мѣста одна армія, какъ на смѣну ей является другая: — обойщики, печники, водопроводчики, электротехники, слесаря, съ такою же волшебною быстротою заканчиваютъ внутреннюю отдѣлку и громадный домъ вполне готовъ. И какое громадное значеніе приобрѣло въ Америкѣ электричество! Нѣкоторые дома гиганты вмѣщаютъ въ своихъ стѣнахъ по 100 даже по 150 верстъ проволочныхъ проводниковъ, предназначенныхъ только для одного освѣщенія. Затраты на постройку громадны, но зато и доходъ принимаетъ такіе размѣры, которымъ европейскому домовладѣльцу остается только завидовать.

Перечислимъ послѣднія новости во французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ „Etudes religieuses et philosophiques“ укажемъ на статью Бюрнишона, въ которой онъ призываетъ къ возврату на лоно природы, къ занятію земледѣліемъ. Онъ указываетъ на переполненіе всѣхъ профессій массою спеціалистовъ, тысячи которыхъ все-таки остаются безъ возможности приложить свои силы къ общепольному и оплачиваемому труду. Въ „Revue Bleu“ разсказывается исторія злополучнаго султана Мурада, предше-

ственика нынѣшняго; онъ былъ лишенъ престола вслѣдствіе сумасшествія; это сумасшествіе подвергалось большому сомнѣнію, но авторъ статьи доказываетъ, что оно дѣйствительно существовало. Въ „Revue de deux Mondes“ отмѣтимъ статью, посвященную исторіи крупныхъ торговыхъ домовъ въ Парижѣ, въ томъ числѣ знаменитаго Von Matché основаннаго Бусико. „Revue de Paris“ продолжаетъ публиковать любопытныя письма Проспера Мериме къ принцессѣ Юліи. Въ „Vie Contemporaine“ заслуживаетъ вниманія очеркъ, посвященный интимной жизни персидскихъ знатныхъ дамъ.

„Deutsche Rundschau“ разсматриваетъ драмы Гете по отношенію ихъ къ условіямъ и требованіямъ современной сцены. Въ „Gegenwart“ Гартманъ указываетъ на опасности демократіи. Онъ проповѣдуетъ гармоническое, дружное развитіе трехъ вѣтвей аристократіи—земельной, финансовой и умственной. Въ „Neue Zeit“ напечатаны неизданныя главы изъ третьей части знаменитаго труда Карла Маркса о капиталѣ. Въ „Magasin für die Literatur“ разсказанъ разговоръ Кальфа съ Зола, въ которомъ послѣдній признался, что ему неизвѣстенъ эпизодъ въ романѣ Диккенса „Холодный Домъ“, относящійся до самосгорания купца Крука; Зола очень интересуется этимъ фактомъ, какъ беллетристическимъ эффектомъ, и, повидимому, намѣренъ вставить его въ одинъ изъ своихъ грядущихъ романовъ. „Waffen Nieder“, издаваемый баронессою Зутнеръ, публикуетъ статью Браша о Бёрне и о его горячихъ мечтаніяхъ о франко-нѣмецкомъ братствѣ.

Въ „Contemporary“ напечатана статья Каппера о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые сдѣлала Германія въ Эльзасъ-Лотарингіи, въ смыслѣ отмѣченія этой провинціи. Въ „Monist“ напечатана статья Сейера о Леонардо да Винчи, какъ одномъ изъ пионеровъ науки; въ самомъ дѣлѣ знаменитый художникъ обладалъ недюжинными для своего времени познаніями въ астрономіи, ботаникѣ и инженерномъ дѣлѣ. Въ „North American Review“ укажемъ на статью о роли Франціи и Англіи въ египетскихъ дѣлахъ. „Nineteenth Century“ даетъ чрезвычайно мрачную картину внутренней жизни Марокко. Тамъ до сихъ поръ разыгрываются неимоверныя варварства. Такъ, напр., арестанты тамъ могутъ быть названы истинными мучениками, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Авторъ винить въ этихъ варварствахъ равнодушіе европейскихъ правительствъ, которыя могли бы оказать давленіе на мѣстную администрацію. Въ „Westminster Review“ сдѣлана прекрасная характеристика современныхъ американскихъ поэтовъ—Брайанта, По, Лонгфелло, Уайттира, Лоуелла, Уитмана и Эмерсона.

М. А. Орловъ

Н О В Ы Я   К Н И Г И

Аполлонъ Коринфскій. Пѣсни сердца. Стихотворенія (1889—1893). Изданіе *М. В. Клюкина*. Москва. Цѣна рубль.

Это изящный томикъ въ триста восемьдесятъ страницъ, гдѣ собрано до двухъ сотъ пятидесяти стихотвореній молодого поэта, выступившаго на страницахъ нашихъ журналовъ въ послѣднее пятилѣтіе. Читатели „Всемирной Иллюстраціи“ и „Труда“, надѣмся, знакомы съ напечатанными въ этихъ журналахъ стихотвореніями г. Коринфскаго и, думаемъ, находили въ нихъ отзвуки, близкіе тому, что, быть можетъ, переживали и чѣмъ томилась и ихъ „мягкія сердца“. Лирическая поэзія въ настоящее время не въ большомъ авантажѣ, но все-таки не уступаетъ своего мѣста прозаическимъ произведеніямъ, хотя и стоитъ часто позади своихъ братьевъ — разсказовъ, повѣстей и романовъ, завоевавшихъ широкое поле въ журналистикѣ и привлечшихъ къ себѣ массу усердныхъ читателей — любителей и любительницъ и серьезныхъ поклонниковъ и поклонницъ. Но, по пословицѣ, „большому кораблю — большое и плаваніе“, — захватъ всѣхъ родовъ беллетристики — этической, художественной, идейной, бытовой, вообще, жизненной, конечно, шире, отсюда шире и значеніе ея! Но нельзя забывать, что лирика пѣснопѣиной явилась съ человѣкомъ съ его колыбели, не оставляетъ его и до могилы. Она убаюкиваетъ ребенка простой, сердечной пѣснью матери, склоняющейся надъ дорогою ей люлькою; она захватываетъ пламенное сердце, пытливый умъ юноши, искря глаза его страстью и настойчивымъ движеніемъ „впередъ, безъ страха и сомнѣнія“; она сглаживаетъ морщины на челѣ, вызываетъ счастливую улыбку на лицѣ многосемейнаго отца, въ неустанныхъ заботахъ добывающаго блага жизни своей семьѣ; она пріосаниваетъ убѣленнаго старца, вселяя въ его много пережившее сердце бодрость и надежду; она поетъ глубоко трогательныя величавыя пѣсни, пѣсни жизни и за предѣлами земли, надъ могилою человѣка, ушедшаго изъ этого міра мгновенныхъ радостей, неутѣшнаго горя и продолжительныхъ печалей. Говоря короче, гдѣ человѣкъ, тамъ и пѣсня. И Лютеръ, хорошо понимая человѣческую душу, сказалъ вѣрно: „Входи смѣло туда, гдѣ поютъ, потому что злые люди не поютъ“. . . Значеніе лирики въ жизни людей давно уже выяснено, хотя современная критика или замалчиваетъ, или отрицаетъ ее; но это ничуть не говоритъ о томъ, что лирика ненужна, что она сущій балластъ въ литературѣ нашихъ дней. Изъ молодыхъ поэтовъ послѣдняго десятилѣтія, правда, нѣтъ сильныхъ, властныхъ лириковъ съ титанической душою, какимъ былъ Лермонтовъ, или съ высокимъ народнымъ подъемомъ духа, какимъ былъ Некрасовъ, — нѣтъ идейныхъ призывныхъ лириковъ, какимъ былъ въ недавнее время, хотя и не титанъ, но прямой подражатель лирикѣ титана Лермонтова, вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельный лирикъ Надсонъ, который произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе, о которомъ много

говорила „за“ и „противъ“ наша печать и стихотворенія котораго прошли менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ въ пятнадцать изданійхъ,—такое количество изданій, въ какомъ не расходились въ Россіи за пятьдесятъ лѣтъ и наши классики—плѣнительный Пушкинъ и титаническій Лермонтовъ — богатыри русскаго лирическаго творчества, русскаго поэзіи. Фактъ такого движенія по Россіи стихотвореній Надсона говорить о томъ, что значеніе и сила лирики и въ наше время не ослабли, не замерли, и нельзя критикѣ вѣтъ лирикѣ отходную. Наши лирики послѣдняго пятилѣтія хотя и очень юны, но нѣкоторыя, несомнѣнно, талантливы,—изъ нихъ мы считаемъ однимъ изъ выдающихся автора книги „Пѣсни сердца“ А. А. Коринфскаго. Его мягкія, стройныя пѣсни не громки, не проникаютъ онѣ въ неизвѣданныя глубины души человѣческой, но онѣ теплы, нѣжны, образны, граціозны и, въ общемъ, сердечны; въ нихъ нѣтъ мрачнаго захватывающаго пессимизма, но отъ нихъ вѣетъ грустью русскихъ степей, русскихъ долинъ и большихъ рѣкъ. Видимо, молодой поэтъ въ свои немногіе гды пережилъ много, — о чемъ онъ говоритъ прямо: „Мало прожить мнѣ пришлось на свѣтѣ... Въ сердцѣ измѣнчивомъ многого вѣтъ въ двадцать пять лѣтъ“... (См. стих. „Двадцать пять лѣтъ“). Многое въ книгѣ поэта указываетъ на то, что онъ горѣлъ, страдалъ, но не разбилось о скалы холоднаго эгоизма, не исколото терніемъ сомнѣній, не пришиблено печальми и горечью жизни его сердце. «Я счастливъ тѣмъ,—читаемъ мы на страницѣ 132,—что духъ надъ тѣломъ во мнѣ побѣду одержалъ... Я свѣтлый обликъ чело-вѣка въ себѣ здоровымъ сохранилъ“... И сердце его не стонетъ, а тихо плачетъ „слезою росистою“ (см. „Минувшее“ — девять пѣсень, „Изъ Черныхъ думъ“, „Пышныя астры завяли...“, „Если въ мгновенне тоски роковой...“, „Мой праздникъ“, „Разгадай мнѣ...“ и другія та-кихъ же мотивовъ). Это сердце вѣритъ и жаждетъ всего, чѣмъ сердце живо (см. „Странное что-то творится со мною...“, „На распутии“, „Весеннею ночью...“, „Я задремалъ...“, „Элегія“, „Съ отрадой тайною...“, „Я окно отворилъ...“, „Я во снѣ себя видѣлъ влюбленнымъ...“, „И сердце устало...“, „Мимолетное“ — шесть пѣсень. „И этотъ вечеръ, эти воды...“, „Ночь тиха...“, „Случайный взглядъ“, „Мнѣ букетъ цвѣтовъ осеннихъ ты сегодня принесла...“, „Изъ пѣсень прощанія“, „Жизнь за мгновеніе“, „Лепестки черныхъ розъ“ и др.). Въ пѣсняхъ г. Коринфскаго, вообще, нѣтъ безпросвѣтной разочарованности, облетѣвшихъ цвѣтовъ жизни. Молодой авторъ любовно поетъ и о смерти, завоела-вивая ея мрачный образъ, то дымкой мятежной страсти, то вспыхивающими зорями надежды, то безавѣтными влеченьями сердца и неутомимой жаждою любви, не догорающей, а пламенной и властной (см. „Грезы умирающей“, „Призракъ смерти“, „Перестанемъ о смерти гадать“, „Кровь показалася...“, „Лебединая пѣсня“, „Бѣлая лилія“, „Таинственная гостья“ и др.). Есть стихотворенія въ книгѣ „Пѣсни сердца“ — очень яркія и нѣкоторыя очень выдающіяся изъ ряда другихъ стихотвореній книги — и съ философскимъ содержаніемъ, говорящія о томъ, что въ этомъ жанрѣ авторъ въ будущемъ можетъ ярче выдвинуться, и поэтическая физиономія его обрисуетса яснѣе и болѣе независимо отъ сильныхъ его предшественниковъ (см. „Дума“, „Жизнь“, „Въ пустынѣ“, „Вѣнныя цвѣтущихъ иммортелей...“, „Сонъ пустыни“, „Зима и Старость“, „Жизнь — поэма многотомная...“, „У пристани“, „Три чаши“, „Тонетъ въ зловѣщемъ туманѣ темный мятущійся мѣръ...“, „Въ концѣ вѣка“, „Изъ книги жизни“, „Въ болыные дни“, „Смерть“ и др.). Есть въ книгѣ фантазіи, которыя искрятся образностью, блещутъ граціей стиха (см. „Веселый поѣздъ“, „Царь снѣговъ“, „Лѣсная красавица“, „Сосѣди“, „Старый дубъ“, „Лѣсная фея“, „Царица горныхъ фей“ и др.). Есть поэмы, но онѣ въ большинствѣ проникнуты лириз-

момъ, описаніемъ природы, сказочною окраскою, и рисуя страдающія любящія сердца, не выдвигаютъ типично своихъ героевъ, мало касающія ихъ психику, хотя читаются съ интересомъ, потому что, присущая автору сердечность, теплота, яркость образовъ, гибкость и бойкость стиха, увлекаютъ читателя (см. „Мара безумная“, „Зарема“, „Незванный гость“, „Юлий факиръ“, „Камень“, „Царевниинъ мостъ“, „Загробная любовь“ и др.). Въ книгѣ много и переводовъ—изъ Петrarки, Овидія Назона, Мицкевича, Конопницкой, князя Баратова, Натана Даля, Святополка Чеха, Антонія Ланге, на мотивы Якшича, Іовановича и др.—въ нихъ вездѣ выдержанъ духъ иностранныхъ авторовъ, ихъ размѣры стиха, вообще, обработаны они добросовѣстно и съ любовью къ оригиналамъ. Жаль, что переводы эти разбросаны по всей книгѣ между оригинальными стихотвореніями и не сгруппированы въ одномъ мѣстѣ; вообще этотъ сборникъ не придерживается никакой системы—ни хронологической, ни иной какой либо, дающей возможность читателю ориентироваться въ такой массѣ стиховъ, какая собрана въ немъ. При второмъ его изданіи это необходимо имѣть въ виду автору. Два-три слова о формѣ, или о виртуозности стиха г. Коринфскаго. Стихъ его лучистъ, легокъ и подвиженъ, какъ ручей; онъ ласкаетъ слухъ, убавиваетъ и навѣваетъ плѣнительныя грезы. Въ діапазонѣ поэзіи молодого автора пока очень не много нотъ; но онъ поетъ ихъ искренно, поэтично и талантливо, кромѣ немногихъ стихотвореній, именно на манеръ пѣсеннаго кольцовскаго творчества, которыя какъ-то сиротливо, словно случайно попавшія не въ свое общество, отступаютъ неволью на задній планъ. Прочитавъ внимательно всю книгу „Пѣсни сердца“ (шесть тысячъ пятсотъ двадцать четыре стиха, или стихотворныхъ строкъ, которыя наглядно говорятъ о большой творческой производительности молодого автора, — полагаемъ, многія стихотворенія еще не вошли въ этотъ сборникъ изъ напечатанныхъ поэтомъ за истекшее пятилѣтіе его поэтического творчества), мы нашли въ ней много сердечнаго, но пришли къ такому выводу: поэтъ обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ и отзывчивымъ сердцемъ, но сила его лирики, судя по яркимъ его произведеніямъ, пейзажная, ландшафтная сила. Онъ поэтъ пейзажа и грезы; въ этомъ его поэтическая физиономія, — тутъ его сила и особенности чисто индивидуальнаго характера. Куда направить путь его муза далѣе, — судить пока трудно. Посмотримъ, что онъ будетъ давать и дать читателямъ потомъ. Теперь же мы видимъ, гдѣ онъ ревниво держится природы, окружая ея и человѣческой страсти, тамъ онъ образенъ, ярокъ и самостоятеленъ, тамъ не видно въ произведеніяхъ его вліянія предшественниковъ и неволью заимствованныхъ отъ нихъ образовъ, отдѣльныхъ словъ и выраженій. Быть самостоятельнымъ въ настоящее время для поэта даже пейзажиста послѣ цѣлой плеяды сильныхъ предшественниковъ дѣло не легкое, это говорить ясно о немалой талантливости. Книгѣ „Пѣсни сердца“ мы искренно желаемъ успѣха, какъ душевно желаемъ успѣха и плодovitому ея автору-поэту. Передъ нимъ еще цѣлая творческая жизнь впереди, болѣе широкая, чѣмъ широка передъ Симбирскомъ — мѣстомъ его родины — Волга, рѣка великая. Волга, какъ говоритъ поэтъ, „все впередъ идетъ родная, и впередъ ведетъ съ собой силу мочь родного края... Впередъ долженъ идти неустанно и тотъ, кто на Волгѣ рожденъ.“

Н. А. —но

Привидѣнія. Драма *Генриха Ибсена*. Переводъ съ норвежскаго *К. Бальмонта*. Москва. 1894. Ц. 50 к.

„Привидѣнія“—одна изъ лучшихъ драмъ знаменитаго норвежскаго писателя. Въ ней затронуты множество самыхъ живогрешущихъ общественныхъ вопросовъ—о наслѣдственности, о правѣ челоѣка на самоубійство, о томъ, обязана ли жена порочнаго мужа, воспитывая своихъ дѣтей, скрывать отъ нихъ несчастную правду относительно ихъ отца и т. п. Всѣ эти вопросы разрѣшаются авторомъ весьма оригинально, умно и благородно. Заглавіе свое драма получила отъ проведенной въ ней основной мысли, что всѣ разъ совершенныя поступки не исчезаютъ безслѣдно, но вѣтъ-вѣтъ, какъ привидѣнія, напомнятъ о себѣ въ послѣдующемъ. Героиня драмы, Фру Альвингъ, была очень несчастлива въ замужествѣ за челоѣкомъ грубымъ и распутнымъ. Но, оберегая своего сына отъ дурнаго вліянія отца, она воспитала его вдали отъ родительскаго дома въ убѣжденіи, что отецъ его идеальный челоѣкъ. Къ началу драмы этотъ сынъ, Освальдъ Альвингъ, пріѣзжаетъ въ Швецію—на освященіе пріюта, который его мать водвигла въ память своего мужа. Но тутъ-то и начинается игра привидѣній. Оказывается, что Освальдъ унаслѣдовалъ отъ отца размягченіе мозга и что у него уже были признаки этой ужасной болѣзни, вслѣдствіе чего онъ пріѣзжаетъ ужасно смущеннымъ. Онъ хочетъ жениться—скорѣе по теоретическимъ соображеніямъ, чѣмъ по любви—на воспитанницѣ Фру Альвингъ, живущей въ ея домѣ, въ качествѣ горничной. Воспитанница эта—незаконная дочь покойнаго Альвинга, вслѣдствіе чего Освальду приходится сестрой, и когда Освальдъ, ухаживая за нею, напоминаетъ своего отца, Фру Альвингъ приходитъ въ ужасъ,—какъ отъ воспоминаній о мужѣ, такъ и отъ мысли о возможномъ кровосмѣсительствѣ. Она раскрываетъ все прошлое своего мужа сыну, чѣмъ повергаетъ его въ уныніе, такъ какъ теперь для него очевидно неизбежность его загадочной болѣзни. Въ ту же ночь случается пожаръ—сгораютъ пріютъ, возведенный на средства покойнаго Альвинга: у Ибсена это символъ, что дурныя деньги не могутъ служить хорошему дѣлу. Освальдъ, потрясенный разговоромъ, пожаромъ, въ тушеніи котораго онъ принималъ участіе, сходитъ съ ума на глазахъ у матери, умолая передъ этимъ отравить его въ случаѣ помѣшательства. Этимъ кончается драма.

Въ драмѣ множество потрясающихъ трагическихъ сценъ: пожара, сумасшествія Освальда, испуга Фру Альвингъ, когда она замѣчаетъ, до чего напоминаетъ Освальдъ отца, ухаживая за ея воспитанницей и т. п. Но несмотря на всѣ достоинства драмы, на читателя, воспитаннаго на стройныхъ, свѣтлыхъ грекоримскихъ классикахъ и Шекспирѣ, туманная, тяжелая фантазія Ибсена производитъ странное впечатлѣніе, и нужно нѣсколько разъ перечитывать драму, чтобы понять и оцѣнить ее. Чувствуется болѣзненный разладъ между формой и содержаниемъ. Точно у большого неврастеніей, мысли Ибсена скованы свицовой каской, и имъ какъ будто тѣсно и холодно въ туманныхъ, тяжелыхъ рѣчахъ его героевъ. Нѣтъ стройности и въ построеніи характеровъ. Всѣ герои Ибсена какіе-то изломанные, ненормальные. Но за всѣмъ тѣмъ чувствуется сильный писатель и благородный мыслитель.

Переводъ г. Бальмонта, по крайней мѣрѣ, третій переводъ этой драмы Ибсена на русскій языкъ. Но онъ все-таки далеко не лишній, такъ какъ его языкъ гораздо выразительнѣе и правильнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ переводахъ.

Пл. К.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24 августа 1894 г.

Типографія Эдуарда Голпе, Вознесенскій пр. № 53.

2-
110
13
18
24
30
36
42
48
54
60
66
72
78
84
90
96
102
108
114
120

3 2044 022 485 965

